

#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

СЕРДЦЕ ЗИМЫ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

— Книга 9 —

Колесо Времени

Роберт Джордан

Сердце зимы

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Сердце зимы / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус», 2000 — (Колесо
Времени)

ISBN 978-5-389-22109-3

Ранд ал'Тор, объявивший себя Возрожденным Драконом, скрываясь от прислужников Темного, собирается нанести ответный удар по Тени. В Белой Башне Тар Валона раскол: предательницы из Черных Айя готовят заговор, ну а друзья Ранда озабочены делами насущными. Перрин желает лишь одного – вырвать свою жену из айильского плена. Илэйн стремится уберечь от пожара войны родную страну. Мэт оказался в городе, захваченном явившейся из-за океана шончанской армией, и там судьба сводит его с Дочерью Девяти Лун, которая, как предначертано, должна стать его женой. И никому не ведомо, что ждет их всех впереди... В настоящем издании текст романа заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22109-3

© Джордан Р., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Пролог	7
Глава 1	51
Глава 2	58
Глава 3	67
Глава 4	75
Глава 5	86
Глава 6	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Роберт Джордан

Колесо Времени. Книга 9. Сердце зимы

*Всегда – Харриет.
Всегда.*

*Слабеют печати, что сдерживают ночь,
и в глухую пору зимы рождается сердце зимы
среди воя жалобного и в скрежете зубовном,
ибо сердце зимы оседлает черного коня,
и имя ему – Смерть.*

Из Кариатонского цикла «Пророчества о Драконе»

Robert Jordan

WINTER'S HEART

Copyright © 2000 by The Bandersnatch Group, Inc.

Maps by Ellisa Mitchell

Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell

All rights reserved

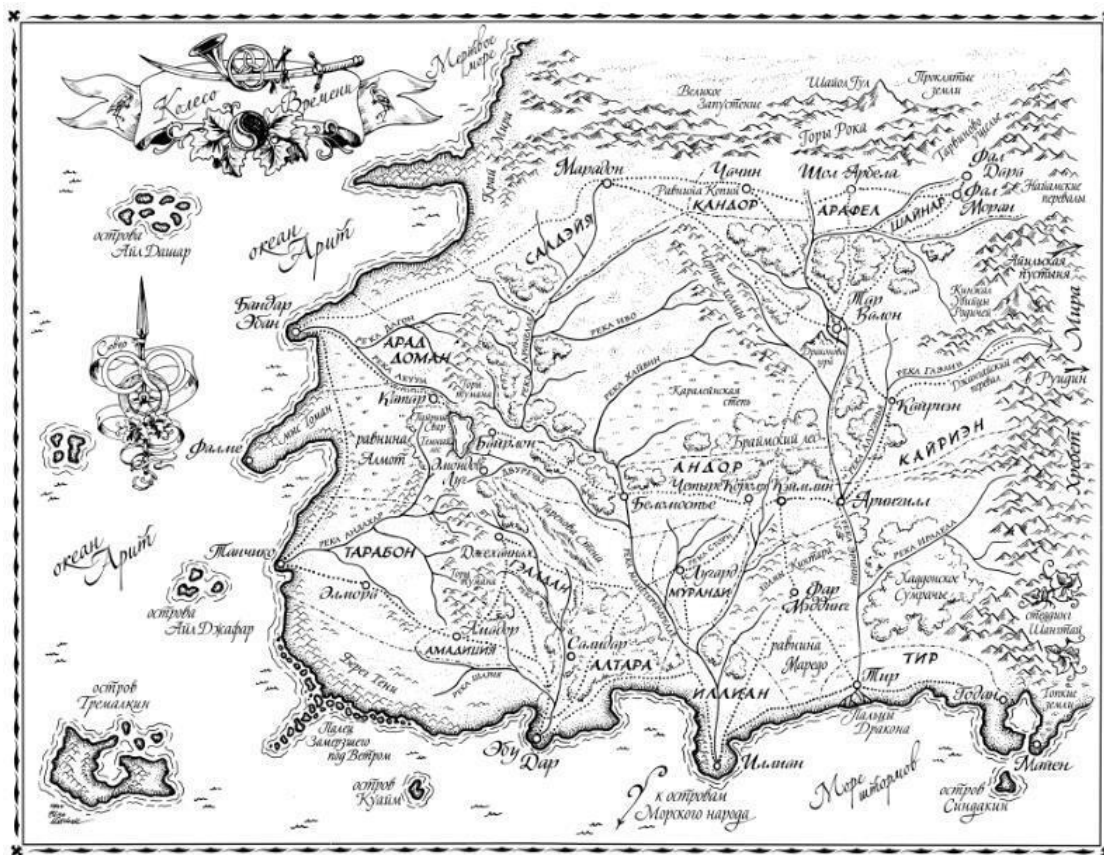
Перевод с английского Тахира Велимеева

Издательство благодарит за помощь в работе над циклом «Колесо Времени» Бориса Германовича Малагина, а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света», способствовавших выходу в свет настоящего издания.

© Т. А. Велимеев, перевод, 2001

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Пролог Снег

Трепещущий свет трех ламп освещал маленькую комнатку с голыми белыми стенами и потолком, а Сине не отрывала взгляда от тяжелой деревянной двери. Она понимала, что для восседающей от Белых ведет себя непоследовательно, да и просто глупо. Плетение *саидар*, которым Сине заплела косяк, доносило до нее шорохи случайных шагов в лабиринте далеких переходов – шорохи, затихавшие, едва их успевал уловить слух. Простенький прием, которому она научилась у подруги в давние дни послушничества, но благодаря ему узнать о чем-то появлении можно было задолго до того, как этот кто-то приблизится к двери. Впрочем, на второй подвальный этаж Башни мало кто спускался вообще.

Плетение уловило далекое попискивание крыс. О Свет! Когда в Тар Валоне последний раз видели крыс, да еще в самой Башне? А вдруг какая-то из них вынюхивает-высматривает для Темного? Сине беспокойно облизнула губы. Логика тут ни при чем. Истина. Пусть и нелогичная. Ее так и подмывало рассмеяться. Усилием воли она сдержала истерический приступ. Надо думать о чем-то другом, не о крысах. О чем-то другом... За спиной у нее послышался сдавленный вскрик, перешедший в глухие всхлипы. Ей хотелось заткнуть уши. Сосредоточься!

Сине и ее товарки собрались в этот раз отчасти по той причине, что главы Айя, судя по всему, втайне встречались. Она сама видела, как Феране Нехаран шепталась в укромном уголке библиотеки с Джесси Билал, которая у Коричневых если и не глава, то стоит очень высоко. Насчет положения Суаны Драганд из Желтых Сине была еще более уверена. И зачем понадобилось Феране прогуливаться с Суаной в малопосещаемых местах Башни, причем обе кутались в простые плащи? Восседающие от различных Айя вели между собой разговоры по-прежнему в открытую, пусть и весьма холодным тоном. Свидетелями же подобных встреч были и другие; они, разумеется, не называли имен глав своих Айя, но двое упомянули Феране. Загадка эта наводила на тревожные размышления. Башня в последнее время превратилась в зыбкое болото, каждая Айя готова вцепиться в горло другой, однако главы их встречаются, таясь по углам. Кто возглавляет каждую Айя, известно только своим, но сами главы, по-видимому, знают друг друга. И что же, интересно, они замышляют? Что? Какое несчастье, что нельзя просто спросить Феране. Даже если та и позволит обратиться к ней с какими-то вопросами, Сине сама не осмелится спрашивать. Только не сейчас.

Как ни старалась Сине собраться и сосредоточиться, полностью занять свои мысли этой проблемой ей не удавалось. Даже понимая, что смотрит сейчас на дверь и бьется над неразрешимой задачей только для того, чтобы не оглядываться. Чтобы не видеть источника сдавленных рыданий и приглушенных стонов.

И, медленно повернув голову, словно сделать это ее заставила мысль о столах, Сине посмотрела через плечо на своих сообщниц. Дыхание ее участилось. Тар Валон был завален

снегом, но здесь, в подземелье, казалось, что в комнате необъяснимо жарко. И она заставила себя *смотреть*.

Саэрин стояла, широко расставив ноги, поглаживая пальцами рукоять заткнутого за пояс кривого алтарского кинжала. Шаль ее с коричневой бахромой держалась на локтях за спиной. Оливковое лицо потемнело от холодной ярости, и шрам на челюсти превратился в тонкую белую линию. Певара на первый взгляд выглядела поспокойнее, но одной рукой она вцепилась в шитые красным юбки, а сжатый в другой ее руке Клятвенный жезл – гладкий белый цилиндр в фут длиной – напоминал поднятую для удара дубинку. И ударить она могла вполне: силой Создатель ее не обидел, невзирая на склонность к полноте, а решительностью она могла поделиться и с самой Саэрин.

По другую сторону Покаянного сиденья стояла хрупкая, невысокая Юкири, крепко обхватив себя руками; от бывшей ее дрожи трепыхалась длинная серебристо-серая бахрома ее шали. Юкири, то и дело облизывая губы, бросала озабоченные взгляды на женщину рядом. Дозин с виду походила больше на смазливового паренька, чем на уважаемую Желтую сестру, и, глядя на нее, не сказать было, чем они тут занимаются. На самом деле именно она манипулировала плетениями, уходившими в Сиденье, и потому Дозин не отрывала напряженного взора от *тер'ангриала*. На бледном лбу Желтой сестры блестели бисеринки пота. Все они, собравшиеся в этой комнате, были восседающими, в том числе и высокая женщина, корчившаяся на Сиденье.

По лицу Талене струился пот, золотистые волосы слиплись, промокшая полотняная ночная сорочка прилипла к телу. Остальная ее одежда кучей валялась в углу. Закрытые веки подрагивали, нескончаемый поток стонов и всхлипываний перемежался невнятными мольбами. Сине стало дурно, но она не могла отвести взора. Ведь Талене – ее подруга. Была ее подругой.

Несмотря на свое название, *тер'ангриал* ничем не походил на сиденье – просто большой прямоугольный блок, на вид из серого в белую крапинку мрамора. Из чего он сделан на самом деле, никто не ведал, твердостью материал не уступал стали – всюду, кроме наклонной верхней грани блока. Изящно сложенная Зеленая сестра немного продавила ее своей тяжестью, и поверхность странным образом принимала формы ее тела, как бы та ни извивалась. Плетения Дозин втекали в единственное отверстие во всем Сиденье – прямоугольную, размером с ладонь дыру на боку, окруженную без видимого порядка мелкими бороздками. Сюда приводили пойманных в Тар Валоне преступников, дабы они испытали на себе Покаянное сиденье, испытали в соответствии с тяжестью своих преступлений. После освобождения они обычно бежали с острова. В Тар Валоне случалось очень мало преступлений. Сине со странным чувством подумала, для таких ли целей служило Покаянное сиденье в Эпоху легенд.

– Что она... видит? – шепотом, сама того не желая, спросила Сине.

Талене наверняка не только видит: для нее все происходит словно на самом деле. Хвала Свету, что у нее нет Стража, хотя для Зеленой это практически неслыханно. Она сама утверждала, что восседающей Страж ни к чему. Теперь же на ум приходили и другие причины подобного желания.

– Ее, проклятую, бьют кнутами растреклятые троллоки, – хрипло ответила Дозин. В выговоре ее слышался родной кайриэнский акцент, что случалось редко, лишь в минуты крайнего напряжения. – А когда закончат... Она увидит, как в троллочьем котле над костром булькает вода. И смотрящего на нее мурддраала. Она должна понять: в следующий раз ее ждет именно это. Чтоб мне сгореть, если она сейчас не сломается... – Дозин нетерпеливым движением смахнула со лба пот и прерывисто вздохнула. – Хватит толкать меня под локоть. Я давно уже не занималась подобным делом.

– Выдержать три раза... – пробормотала Юкири. – Самый крепкий из преступников ломается под тяжестью своего преступления после второго! А вдруг она ни в чем не виновата?

О Свет, это же все равно что воровать овцу на глазах пастуха! – Юкири, даже сотрясаясь от дрожи, сохраняла царственный вид, однако речь ее всегда выдавала в ней простую селянку. Она обвела остальных мрачным взглядом. – Закон запрещает применять Сиденье на посвященных. Нас всех лишат званий восседающих! А коли мало покажется выбросить из Совета, так еще и в изгнание отправят. А перед тем и розгами выпорют, чтобы жизнь медом не казалась. Чтоб мне сгореть, если мы ошиблись, нас могут и усмирить!

Сине содрогнулась. Последнего удастся избежать, если их подозрения подтвердятся. Нет, не подозрения – уверенность. Они должны быть правы! Однако Юкири в любом случае говорит верно. Законы Башни требуют неукоснительного исполнения, и нарушение их нельзя оправдать ни необходимостью, ни высшим благом. Но если они правы, стоит заплатить даже и такую цену. Да ниспошлет Свет, чтоб они оказались правы!

– Ты что, оглохла или ослепла? – накинулась на Юкири Певара, потрясая Клятвенным жезлом. – Она вновь отказалась дать клятву не говорить ни слова лжи. И дело вовсе не в глупой гордости, которой так кичится Зеленая Айя! Мы-то все через это прошли! Когда я отгородила ее щитом, она пыталась *ткнуть* меня ножом! И *это* свидетельствует о ее невиновности? Да? Что она вообще знала? Все, что она могла предположить – это что мы станем кричать на нее, осыпать упреками, покуда у нас языки не отсохнут! С чего бы ей ожидать большего?

– Спасибо вам обеим, – сухо обронила Саэрин, – за констатацию очевидного. Юкири, отступать уже поздно, так что лучше мы пойдем дальше. А будь я на твоём месте, Певара, то не орала бы на одну из всего-то четырех женщин в Башне, кому можешь доверять.

Юкири зарделась и одернула шаль, а Певара слегка смутилась. Но всего лишь слегка. Все они здесь восседающие, однако руководство на себя явно взяла Саэрин. Сине не знала, как к этому относиться. Всего несколько часов назад они с Певарой были добрыми подругами, взявшимися вдвоем за опасные поиски, принимавшими все решения вдвоем; теперь же у них есть союзники. Надо бы испытывать чувство благодарности, что их стало больше. Однако сейчас они не в Совете, и звания восседающих не имеют значения. В действие вступила иерархия Башни, тонкие различия в положениях – кто стоит выше и кому следует выказывать почтение. По правде говоря, Саэрин пробыла в послушницах и в принятых вдвое больше, чем большинство из них, но немалый вес имели и сорок лет, которые провела она на посту восседающей, больше, чем всякий другой в Совете. Сине еще повезет, если Саэрин, прежде чем принять решение, вообще спросит ее мнение, не говоря уж о совете. Глупо, но мысль эта саднила словно заноза в ноге.

– Троллоки потащили ее к котлу, – внезапно произнесла Дозин скрипуче. Талене сквозь стиснутые зубы испустила тонкий вскрик; ее затрясло, словно в лихорадке. – Я... я не знаю, смогу ли... проклятье, смогу ли себя заставить...

– Разбудите ее, – распорядилась Саэрин, бросив на остальных лишь мимолетный взгляд, чтобы проверить, о чем они думают. – Хватит дуться, Юкири, и будь наготове.

Серая сестра одарила ее гордым яростным взглядом, но когда Дозин отпустила свои потоки и Талене открыла голубые глаза, Юкири тут же окружило сияние саидар, и она, не промолвив ни слова, отгородила распростертую на Сиденье женщину от Истинного Источника. Саэрин была главной, и все это поняли, вот так-то. Очень неприятная заноза.

Щит, пожалуй, и не был нужен. На лице Талене застыла маска ужаса, она дрожала, тяжело дышала, словно пробежала без остановки десяток миль. Поверхность Сиденья все еще оставалась податливой, но, поскольку Дозин перестала направлять Силу, верхняя грань не принимала больше форму тела Талене. Та невидящим взглядом уставилась в потолок, потом резко зажмурилась, но тотчас же снова открыла глаза. Что бы ни привиделось ей из пережитого, вспоминать об этом она не хотела.

Сделав два шага к Сиденью, Певара протянула растерянной женщине Клятвенный жезл.

– Отрекись от всех обетов, что связывают тебя, Талене, и вновь принеси Три Клятвы, – хриплым голосом произнесла она.

Талене отпрянула от Клятвенного жезла, как от ядовитой змеи, затем дернулась обратно, ибо с другой стороны к ней склонилась Саэрин.

– В следующий раз, Талене, тебя ждет котел. Или же тебе окажет свои знаки внимания мурддраал. – Лицо Саэрин выражало безжалостность, но в сравнении с ее голосом оно казалось мягким. – И раньше ты не проснешься. А если это не подействует, будет и еще один раз, и еще, столько, сколько потребуется, даже если нам придется просидеть здесь, в подземелье, до лета.

Дозин открыла было рот, собираясь протестовать, затем скорчила кислую мину. Она одна среди них знала, как обращаться с Сиденьем, но занимала столь же незавидное положение, как и Сине.

Талене не отводила взора от Саэрин. Большие глаза ее наполнились слезами, она заплакала, содрогаясь от безнадежных рыданий. Затем Талене, не глядя, протянула руку, и Певара сунула в ее ищущие, дрожащие пальцы Клятвенный жезл. Обняв Источник, Певара направила в жезл прядку Духа. Талене крепко стиснула Клятвенный жезл, так, что кулаки побелели, но продолжала лежать, рыдая.

Саэрин выпрямилась.

– Боюсь, Дозин, придется опять ее усыпить.

Слезы хлынули из глаз Талене еще сильнее, и она пробормотала, всхлипывая:

– Я... отрекаюсь... от всех клятв... что... связывают меня...

И последние ее слова превратились в вой.

Сине вздрогнула, судорожно сглотнула. Она знала на своем опыте, насколько болезненно отречение от одного-единственного обета, и могла представить мучения, которые грозят тому, кто откажется сразу от нескольких, но сейчас она увидела, как это бывает в действительности. Талене вопила, пока хватало дыхания, затем со всхлипом вздохнула и снова зашлась в крике. У Сине мелькнула мысль, что на ее вопли сюда сбежится вся Башня. Высокая Зеленая сестра билась в конвульсиях, молотила руками и ногами, потом вдруг выгнулась дугой – серой поверхности касались лишь ее голова и пятки. Все мускулы были напряжены, тело судорожно дергалось.

Столь же внезапно Талене обмякла, подобно тряпичной кукле, и, лежа на Сиденье, захныкала, как потерявшийся ребенок. Клятвенный жезл выкатился из ослабевшей руки на наклонную серую поверхность. Юкири что-то забормотала, похоже, возносила жаркую молитву. Дозин продолжала потрясенно шептать: «О Свет! О Свет!»

Певара подхватила жезл, вновь вложила его в руку Талене и сжала ее пальцы. В подруге Сине не было сейчас ни капли жалости.

– Теперь принеси Три Клятвы, – велела она.

Мгновение казалось, что Талене откажется, но она медленно повторила слова клятв, которые делали их всех Айз Седай и объединяли. Не говорить ни слова неправды. Никогда не создавать оружия, которым один человек может убить другого. Никогда не использовать Единую Силу в качестве оружия, кроме как против приспешников Темного или порождений Тени, либо для защиты собственной жизни, жизни своего Стража или жизни другой сестры. И, умолкнув, она, вся дрожа, беззвучно заплакала в напряженной тишине. Наверное, потому, что клятвы укоренились в ней. Весьма малоприятные ощущения, когда клятвы свежи. Наверное, поэтому.

Затем Певара произнесла слова клятвы, которую они требовали от Талене. Та вздрогнула, но повторила за ней безнадежным голосом:

– Я клянусь беспрекословно подчиняться вам всем пятерым. – она тупо смотрела прямо перед собой, и по щекам у нее катились слезы.

– Отвечай мне правдиво, – сказала Саэрин. – Ты – из Черной Айя?

– Да, – услышали они в ответ. Признание вырвалось из горла Талене со скрипом, словно повернулись заржавленные петли.

От этого короткого простого слова Сине вся заledenела. Повеяло таким холодом, какого она и представить не могла. Ей, в конце концов, поручено было искать Черных сестер, и она верила в существование Черной Айя, хотя многие не верили. Она применила насилие к другой сестре, к восседающей, помогла связать Талене потоками Воздуха и пронести ее через заброшенные подвальные переходы, нарушила с дюжину законов Башни, пошла на тяжкое преступление – все для того, чтобы услышать ответ, которого она ждала еще до того, как был задан вопрос. И она его услышала. Черная Айя действительно существует. Сине смотрела во все глаза на Черную сестру, на приспешницу Темного, носящую шаль. И действительность оказалась страшнее всех предположений. Чтобы не стучали зубы, Сине стиснула челюсти чуть не до хруста. Приложила все усилия, пытаясь совладать с собой, пытаясь мыслить здраво. Но кошмары обернулись явью, ожили под сводами Башни.

Кто-то испустил тяжелый вздох, и Сине поняла, что не только ее мир перевернулся вверх тормашками. Юкири вздрогнула, потом вперила взор в Талене, словно решившись удерживать щит, если понадобится, одной силой воли. Дозин облизала губы и растерянно разгладила свою темно-золотистую юбку. Спокойными выглядели лишь Саэрин с Певарой.

– Итак, – негромко произнесла Саэрин. Точнее, наверное, было бы сказать не «негромко», а «слабо». – Итак. Черная Айя. – Она глубоко вздохнула, заговорила громче и отчетливей: – Щит больше не нужен, Юкири. Талене, ты не попытаешься сбежать или сопротивляться нам. И коснуться Источника ты отныне не можешь без разрешения одной из нас. Хотя, полагаю, это забота тех, кому мы тебя передадим. Юкири?

Щит, ограждавший Талене, исчез, но сияние вокруг Юкири не погасло – она все еще не доверяла воздействию Клятвенного жезла на Черную сестру.

Певара нахмурилась.

– Саэрин, прежде чем мы передадим ее Элайде, я бы хотела разузнать как можно больше. Имена, места встреч и все остальное. Все, что ей известно!

Приспешники Темного погубили всю семью Певары, и Сине знала: та отправится в изгнание, преисполненная решимости самолично выследить всех Черных сестер до последней.

Талене, сжавшись в комочек на Сиденье, издала сдавленный звук – наполовину горький смешок, наполовину всхлип.

– Если вы так поступите, мы все погибнем. Погибнем! Элайда – Черная!

– Это невозможно! – взорвалась Сине. – Элайда сама отдала мне распоряжение выискивать Черных.

– Как же можно сомневаться? – громко прошептала Дозин. – Талене вновь дала клятвы, и она назвала ее имя!

Юкири с горячностью закивала.

– Головой-то подумайте, – буркнула Певара. – Вам не хуже меня известно: если веришь в ложь, скажешь ее как чистую правду.

– Вот она, правда! – твердо заявила Саэрин. – Чем докажешь свои слова, Талене? Ты видела Элайду на ваших... собраниях?

Она с такой силой стиснула рукоять кинжала, что побелели костяшки пальцев. Саэрин пришлось упорнее многих бороться за право носить шаль, за самую возможность вообще остаться в Башне. Для нее Башня стала больше, чем домом, и была гораздо дороже, чем собственная жизнь. Если Талене даст не тот ответ, до суда Элайда может и не дожить.

– Не бывает никаких соборщ, – угрюмо сказала Талене. – Не считая, наверное, Высшего совета. Но она должна быть Черной. Им известно о каждом сообщении, которое она получает, даже о секретных посланиях. Известно о каждом сказанном ею слове. Они знают обо всех принимаемых ею решениях еще до того, как о них объявят. Причем за несколько дней, а иногда

и за недели. Значит, она сама им и сообщает, как же иначе? – Талене, с трудом удерживаясь в сидячем положении, пристально вглядывалась по очереди в каждую из стоявших рядом женщин. От этого казалось, что взгляд у нее беспокойно бежит. – Нам нужно бежать. Нам нужно где-то скрыться. Я помогу вам... расскажу все, что знаю!.. Но если мы не скроемся, они нас убьют.

Странно, подумала Сине, как быстро Талене стала называть своих бывших заединиц «они» и открестилась от них, встав на другую сторону. Нет. Нельзя уклоняться от истинной проблемы, и неразумно пытаться не думать о ней. Действительно ли Элайда велела ей, Сине, искать Черную Айя? Она ведь ни разу не произнесла этих слов. Неужели она имела в виду что-то другое? Элайда же готова вцепиться в глотку любому, кто только упомянет о Черных. Да и почти каждая сестра поступит так, однако...

– Элайда не раз выказывала себя дурой, – заметила Саэрин, – и не однажды я жалела, что, встав тогда, голосовала за нее. Но я не верю, что она – Черная. Голословного заявления мало.

Певара, поджав губы, отрывисто кивнула в знак согласия. Ей тоже, как Красной, нужны были более веские доказательства.

– Может, оно и так, Саэрин, – сказала Юкири, – но нам не удастся долго удерживать Талене. Зеленые очень скоро начнут интересоваться, куда она делась. Не говоря уже о... о Черных. Нам лучше побыстрее решить, что делать, – иначе, когда хлынет ливень, мы так и будем сидеть на дне колодца.

Талене слабо, заискивающе улыбнулась Саэрин, но робкая улыбка ее исчезла при виде хмурого лица Коричневой восседающей.

– Мы не смеем ничего сказать Элайде, пока не будем готовы одним ударом сокрушить Черных, – заключила наконец Саэрин. – И не спорь, Певара; это всего лишь голос здравого смысла.

Певара всплеснула руками, лицо ее приобрело упрямое выражение, но она промолчала.

– Если Талене права, – продолжила Саэрин, – то Черные знают о Сине или же скоро узнают, поэтому мы должны, насколько это в наших силах, обеспечить ее безопасность. Это непросто, ведь нас только пятеро. Мы не можем доверять *никому*, пока не будем уверены в этом человеке! У нас, во всяком случае, есть Талене, и кто знает, что мы из нее еще выжмем?

Талене всем видом показала, что готова выжать из себя все, но на нее никто не обратил внимания. У Сине пересохло в горле.

– Возможно, мы не так уж одиноки, – неохотно промолвила Певара. – Сине, расскажи всем о твоём плане насчет Зеры и ее подруг.

– Плане? – заинтересовалась Саэрин. – Кто такая Зера? Сине? Сине!

Та вздрогнула.

– Что?.. А-а... Мы с Певарой обнаружили здесь, в Башне, небольшое бунтовское гнездышко, – с придыханием начала Сине. – Десять сестер сеют по заданию мятежниц разброд и шатания. – Саэрин собирается позаботиться о ее безопасности, вот как? Даже не спросив мнения Сине? Она же сама восседающая; она – Айз Седай почти сто пятьдесят лет. Какое право имеет Саэрин, да и кто бы то ни было... – Мы с Певарой собрались положить конец их деятельности. Одну сестру, Зеру Дакан, мы уже заставили дать ту же клятву, какую сейчас требовали от Талене. И сегодня днем Зера должна, не возбуждая подозрений, привести в мои комнаты Бернайлу Гелбарн. – О Свет, ведь каждая сестра за этими стенами может оказаться Черной! Каждая. – Потом мы хотели заставить этих двоих привести к нам остальных, чтобы все они дали обет подчиняться. Мы, конечно, собирались задать им те же вопросы, что и Зере, какие зададим Талене. – Черная Айя уже может знать ее имя, может знать, что ей поручено искать Черных сестер. Интересно, как Саэрин думает защитить ее? – Тех, кто даст неверные ответы, мы допросим, а остальные смогут отчасти искупить свое предательство, выискивая под нашим руководством предательниц из Черной Айя. – О Свет, каким образом?

Когда Сине рассказала все, началось совещание – это значило, что Саэрин еще не знает, какое решение принять. Юкири настаивала, чтобы Зеру и ее сообщниц немедленно отдали в руки закона – если можно так поступить, не раскрывая сути дела с Талене. Певара возражала, правда, не вполне искренне, что бунтовщицами стоит воспользоваться; распространяемые ими слухи касались в основном Красной Айя и Лжедраконов. Дозин, по-видимому, хотела бы выкрасть по очереди всех сестер в Башне и заставить их принять дополнительную клятву, но это предложение вряд ли было воспринято всерьез.

Сине не принимала участия в этом недолгом обсуждении. Все они угодили в такую передрягу, что ее реакция, как ей подумалось, была самой естественной. Сине кинулась в ближайший угол, и ее вытошнило.

Илэйн изо всех сил сдерживалась, чтобы не заскрипеть зубами. Над Кэймлином бушевала очередная выюга, затянув дневное небо мглой, и пришлось зажечь лампы, отбрасывавшие на деревянные стенные панели желтоватый свет. Под яростными порывами ветра дрожали створки высоких арочных окон. То и дело вспыхивали молнии, глухо рокотал гром. Снегопад с грозой, зимой хуже не придумаешь, самая сильная и яростная буря. В комнате было не так и холодно, но... Грея руки у большого мраморного камина, где потрескивали поленья, девушка все равно ощущала холод каменных плит пола, проникавший и сквозь ковры в несколько слоев, и сквозь толстые подошвы ее бархатных мягких туфель. Широкий воротник ее красно-белой мантии и манжеты из меха чернобурки отличались изысканной красотой, но Илэйн казалось, что греют они не больше, чем жемчужины на рукавах. Если она и не позволяла холоду касаться себя, то забыть о нем тоже не удавалось.

Куда, интересно, запропастилась Найнив? И Вандене? Илэйн невольно возроптала про себя. «Они уже должны быть здесь! О Свет! Мне так хочется научиться обходиться без сна, а они невесть где прохлаждаются!» Но нет, это несправедливо. Илэйн всего несколько дней назад заявила официально о своих правах на Львиный трон, и все прочее отошло для нее сейчас на второй план. У Найнив же и Вандене свои приоритеты – и своя ответственность, как они ее понимают. Найнив вместе с Реанне и другими из Связующего круга с головой ушли в планы, как вывести женщин Родни из захваченных шончан стран прежде, чем их обнаружат и наденут на них ошейники. У Родни большой опыт держаться тише воды ниже травы, но шончан – не Айз Седай и не станут закрывать глаза на дичков. Считалось, что Вандене до сих пор не оправилась от потрясения, вызванного убийством сестры, едва притрагивается к еде и вряд ли способна давать дельные советы. Что до еды, то так оно и было, но терзало Вандене желание найти убийцу. Все думали, что предутренними часами она бродит по коридорам в скорби, но на самом деле она втихомолку искала там приспешника Темного. Еще три дня назад от такой мысли Илэйн прошиб бы холодный пот, но сейчас приспешники Темного стали всего лишь одной опасностью из многих. Опасностью посерьезнее прочих, что правда, то правда, но и других хватало.

Найнив с Вандене занимались важными делами, их поддерживала Эгвейн, но Илэйн была не прочь поторопить их с решением этих дел, пусть даже желание ее и казалось несколько эгоистичным. Вандене была кладезем разумных советов – благодаря многолетнему опыту и своим научным занятиям; а Найнив, не один год имевшая дело с Советом деревни и Кругом женщин в Эмондовом Лугу, приобрела проницательность в практической политике, как бы то ни отрицала. «Чтоб мне сгореть, у меня сотни проблем, даже здесь, во дворце, и обе они мне так нужны!» Если все пойдет так, как *хочет* Илэйн, Найнив ал'Мира наверняка займет при следующей королеве Андора место советницы Айз Седай. Илэйн требовалась любая возможная поддержка – ей необходимо было опереться на тех, кому она доверяет.

Придав лицу спокойное выражение, Илэйн отвернулась от пылающего камина. Перед ним стояло подковой тринадцать кресел с высокими спинками, украшенными незатейливой,

но, несомненно, мастерской резьбой. Как ни странно, почетное место, где положено восседать королеве, находилось дальше всех от камина. Так было заведено издавна. Спину Илэйн тотчас согрел огонь камина, зато грудь мгновенно начала мерзнуть. За стенами дворца падал снег, грохотал гром, сверкали молнии. В голове у нее тоже бесновалась вьюга. Спокойствие. Правителю спокойствие необходимо не меньше, чем Айз Седай.

– Значит, наемники, – сказала Илэйн, не сумев скрыть некоторого сожаления в голосе. Не пройдет и месяца, как из ее поместий начнут прибывать дружинники – как только узнают, что она жива, – но до лета немногие сумеют добраться, а тем, кого набирает Бергитте, понадобится полгода, а то и больше, чтобы научиться держаться в седле и обращаться с мечом. – И охотники за Рогом, если кто-то запишется и принесет присягу. – Непогода заперла в Кэймлине немалое число и тех и других. Как частенько поговаривали, даже чересчур много – они пьянствовали, скандалили и докучали своими приставаниями порядочным женщинам. Возможно, их удастся, по крайней мере, использовать для благих целей, и, вместо того чтобы быть источником неприятностей, они наведут порядок. Илэйн очень не хотелось думать, что она пытается саму себя в этом убедить. – Пусть дорого, но казна покроет расходы. – Ну, на какое-то время. Поскорее бы начали поступать доходы из поместий!

Чудо из чудес, но обе стоявшие перед Илэйн женщины отреагировали одинаково.

Дайлин сердито хмыкнула. Высокий ворот ее темно-зеленого платья был застегнут большой круглой серебряной брошью с изображением совы и дуба – герба Дома Таравин. Это было ее единственное украшение. Знак гордости ее Дома, возможно, даже слишком большой гордости; к тому же верховная опора Дома Таравин и сама была гордой женщиной. В ее золотистых волосах блестели седые нити, в уголках глаз таились тонкие морщинки, но лицо несло на себе печать силы и властности, а взгляд оставался пронизательным и уверенным. Ум Дайлин был остер, как бритва. Или как меч. Женщина откровенная – или казавшаяся таковой, – которая не станет кривить душой и будет говорить прямо.

– Наемники знают свое дело, – без обиняков сказала она, – но с ними трудно совладать, Илэйн. Когда тебе нужно пощекотать перышком, они, весьма возможно, обернутся молотом, а когда тебе понадобится молот, они окажутся невесть где и будут искать своей выгоды. Наемники верны золоту, и только до тех пор, пока золото течет им в карманы. Если не предадут раньше за кучку золота побольше. Уверена, на сей раз леди Бергитте со мной согласится.

Бергитте стояла, скрестив на груди руки и широко расставив ноги в сапогах с высокими каблуками, и, как всегда, поморщилась, услышав свой новый титул. Илэйн пожаловала ей поместье, едва добралась до Кэймлина, где дар можно было оформить как полагается. Наедине Бергитте беспрестанно ворчала на эту тему, не забывая сетовать и на другую перемену в своей жизни. Ее небесно-голубые штаны были того же покроя, что она носила обычно: свободные и присборенные у лодыжек, но короткую красную куртку украшал теперь высокий белый воротник-стойка, и белые манжеты были оторочены золотом. Отныне она – леди Бергитте Трагелион, а еще – капитан-генерал гвардии королевы. Пусть брюзжит и сердится сколько угодно – пока все это остается только между нею и Илэйн.

– Да, я согласна, – крайне неохотно пробурчала Бергитте, одарив Дайлин взглядом исподлобья.

Илэйн, благодаря соединявшим ее с Бергитте узам Стража, ощутила все то же, что и утром. Разочарование, раздражение, решимость. Хотя в этих чувствах отражались, возможно, чувства самой Илэйн. С того момента, как эти узы соединили Илэйн с Бергитте, все их ощущения передавались от одной к другой крайне необычно. Даже природный цикл у Илэйн сдвинулся больше чем на неделю, чтобы совпасть с циклом другой!

Бергитте явно не хотелось как принимать второе предложение, так и соглашаться с доводами Дайлин.

– Проклятье, Илэйн, охотники за Рогом немногим лучше, – проворчала она. – Люди, которые дали клятву охотника и отправились на поиски приключений! У них одно желание – прославиться и попасть в сказания. А ты хочешь, чтобы они, как все прочие, соблюдали закон! Половина из них – надменные хлыщи и на всех смотрят свысока. Остальные же только и ищут случая подраться. А стоит им прослышать хоть что-то о Роге Валир, так считай, тебе повезет, коли за ночь исчезнут всего двое из трех.

Дайлин тонко улыбнулась, словно выиграла очко. Их с Бергитте нельзя было сравнить даже с водой и огнем; каждая могла справиться почти с кем угодно, но друг с другом они почему-то спорили даже о том, какого цвета уголь. Спорили и будут спорить впредь.

– Кроме того, охотников за Рогом с наемниками объединяет и еще одно. Почти все они – чужестранцы. А это равно плохо и для бедных, и для богатых. Очень плохо. Менее всего тебе нужно восстание.

Полыхнула молния, на миг осветив окна, и гром, прогремевший следом, словно подчеркнул слова Дайлин. За тысячу лет из-за восстаний потеряли трон семь королей Андора, и две из них, оставшиеся в живых, должно быть, горько сожалели о своей участи.

Илэйн подавила вздох. На одном из маленьких инкрустированных столиков у стены стоял тяжелый серебряный поднос с кубками и высоким кувшином с горячим, приправленным пряностями вином. Наверное, вино уже остыло. Илэйн направила короткую струйку Огня, и над кувшином поднялся легкий парок. Из-за пряностей вино, подогретое дважды, слегка отдавало горечью, но ради тепла серебряного кубка в руках ее стоило потерпеть. Илэйн, преодолев желание посредством Силы согреть и воздух в комнате, отпустила Источник. Тепла все равно хватит ненадолго, если не поддерживать плетения постоянно. Ей всякий раз, когда она обращалась к саидар, приходилось – так или иначе – заставлять себя отпускать Источник, но в последнее время желание зачерпнуть побольше становилось все сильнее. С этим опасным соблазном сталкивалась каждая сестра. Илэйн знаком предложила Дайлин и Бергитте налить себе вина.

– Положение вам известно, – сказала девушка. – Только глупец не счел бы его ужасным, а вы отнюдь не таковы. – От гвардии ныне оставались жалкие остатки, горсточка более или менее достойных воинов и пара горсточек бывших вышибал, пригодных лишь выкидывать из таверн пьянчуг. А с уходом салдэйцев среди Айил пышным цветом расцвела преступность. Илэйн надеялась, что снегопад приостановит зловещую волну, но каждый день приносил новые известия о грабеже, поджоге и того хуже. И положение ухудшалось с каждым днем. – При таких делах бунт вспыхнет в считанные недели. А то и раньше. Если я не сумею навести порядок в самом Кэймлине, люди обратятся против меня. – Не сумею навести порядка в столице – все равно что объявить на весь мир о своей неспособности править страной. – Мне это тоже не нравится, но так надо сделать. Значит, так и будет. – Обе собеседницы открыли было рты, но Илэйн не дала им возможности возразить. Она постаралась придать голосу больше твердости. – Так оно и будет.

Бергитте мотнула головой, ее длинная, до пояса, золотистая коса взлетела и упала, но узы передали неохотное согласие. У Бергитте были, конечно, странные взгляды на взаимоотношения Айз Седай и их Стражей, но она все же научилась понимать, когда на Илэйн нельзя давить. Ну, в какой-то мере научилась. Есть еще поместье и титул. И командование гвардией. И еще несколько мелочей.

Дайлин слегка пригнула шею и вроде как присела; возможно, это был реверанс, однако лицо ее осталось каменным. Не стоит забывать, что многие из тех, кто не желал видеть на Львином троне Илэйн Траканд, охотно посадили бы на это место Дайлин Таравин. Та готова была помогать, но времени прошло еще так мало, и в глубине сознания Илэйн звучал порою тихий голосок. Неужели Дайлин просто выжидает, пока Илэйн не наломает дров, а затем делает свой ход и выступит в роли «спасительницы» Андора? Со стороны человека расчетливого и неискреннего такая тактика вполне может принести успех.

Илэйн подняла руку, собираясь потереть висок, но вместо этого поправила волосы. Так много подозрений, и так мало доверия. С того времени, как она уехала в Тар Валон, Игра Домов успела заразить Андор. Оставалось только радоваться, что она провела многие месяцы среди Айз Седай, и не потому, что училась владению Силой. Большинство сестер хлебом не корми, дай лишь окунуться в *Даэсс Дей'мар*. И спасибо Тому – за его наставления. Иначе Илэйн не протянула бы так долго после возвращения. Да ниспошлет Свет, чтобы Том был в безопасности, чтобы он, Мэт и остальные спаслись от шончан и были сейчас на пути в Кэймлин. Каждый день, с того утра, как девушка покинула Эбу Дар, она молилась, чтобы с ними ничего не случилось, но времени у нее теперь хватало лишь на коротенькую молитву.

Заняв кресло в середине полукруга, королевское кресло, Илэйн постаралась принять царственную осанку – спина прямая, руки покоятся на резных подлокотниках. «Мало выглядеть королевой, – частенько говаривала ей мать, – но если люди *не увидят* в тебе королеву, не помогут ни острый ум, ни проницательность в делах, ни храброе сердце». Бергитте пристально смотрела на Илэйн, чуть ли не с подозрением. Все-таки эти узы порой крайне неудобны! Дайлин поднесла к губам кубок с вином.

Илэйн глубоко вздохнула. К следующему вопросу она подступалась и так и этак, пыталась разрешить его по-всякому, и другого пути не видела.

– Бергитте, я желаю, чтобы к весне гвардия превратилась в войско, численностью не уступающее армии, которую могут выставить любые десять Домов. – Добиться этого, скорее всего, невозможно, но попытаться следует. И в этом случае нужно удержать всех записавшихся в гвардию наемников, завербовать их еще больше, принять всех, кто выказал хоть малейшее желание. О Свет, ну и задачка!

Дайлин захлебнулась вином, выпучила глаза; из уголка рта ее побежала темная струйка. Закашлявшись, она достала из рукава украшенный кружевами платочек и приложила к подбородку.

Узы донесли от Бергитте паническую волну.

– О-о, чтоб мне сгореть, Илэйн, ты же не хочешь!.. Я ведь лучница, а не полководец! Я умею стрелять из лука, и все! Разве ты еще не поняла? Я всего лишь делаю то, что нужно, когда обстоятельства вынуждают! Все равно же я – больше не она, я – это я, и...

Бергитте умолкла, сообразив, что рискует наговорить лишнего. И не в первый раз. Она покраснела как маков цвет, а Дайлин с любопытством на нее воззрилась.

Они представили дело так, будто Бергитте родом из Кандора, где селянки носят похожую одежду, однако Дайлин явно подозревала, что здесь что-то нечисто. И всякий раз, как у Бергитте с языка слетали неосторожные слова, приближалось то мгновение, когда она выдаст и свою тайну. Илэйн бросила на Бергитте взгляд, предвещавший серьезный разговор.

Щеки Бергитте стали краснее красного. По узам хлынуло чувство стыда, затопило Илэйн, и она ощутила, как вспыхнуло ее собственное лицо. Она наскоро приняла строгий вид, надеясь, что румянец ее примут за проявление какого-то иного чувства, а не желания забиться в уголок кресла из-за унижения. Нет, подчас это взаимное отражение бывает совершенно не к месту!

Дайлин лишь мгновение смотрела на Бергитте. Она спрятала платок, осторожно поставила кубок обратно на поднос, потом подбоченилась; лицо ее предвещало грозу.

– Гвардия королевы, Илэйн, всегда была *ядром* андорской армии, но это... Милость Света, это чистое безумие! Да против тебя поднимутся все, от реки Эринин до Гор тумана!

Илэйн сосредоточилась. Спокойствие. Если она не права, Андор ждет судьба Кайриэна – залитая кровью, утонувшая в хаосе страна. И сама Илэйн, разумеется, погибнет: такова цена ошибки, – хотя это уже не будет иметь значения. Но не попытаться нельзя, и неудача в любом случае закончится для Андора тем же. Спокойствие, хладнокровие, стальное бесстрашие. Королева не должна вызывать страха, даже если ей и вправду страшно. Особенно когда ей страшно. Матушка всегда говорила, что свои решения нужно объяснять как можно реже;

чем чаще объясняешь, тем больше требуется объяснений, а потом только на объяснения времени и хватает. Гарет Брин говорил: объясняй, если можешь; люди сделают лучше, если будут знать, что и почему нужно делать. Сегодня стоит последовать совету Гарета Брина. Ведь он одержал столько побед.

– О своих претензиях заявили три претендента. – И возможно, есть еще один, который не говорит во всеуслышание о своих намерениях. Илэйн заставила себя выдержать пристальный взгляд Дайлин. Просто встретила с ней глазами, без всякого гнева. Но Дайлин, похоже, приняла ее прямой взгляд за признак гнева – судя по отвердевшему подбородку и вспыхнувшему лицу. Что ж, пусть считает так. – Аримиллу, саму по себе, можно было бы не принимать во внимание, но за ней стоит Насин вместе с Домом Кирен, и его поддержка – спятил он или нет – вынуждает все же считаться и с Аримиллой. Ниан и Эления в тюрьме, но их люди – на свободе. Люди Ниан могут спорить и метаться, пока не найдут лидера, но Джарид – верховная опора Дома Саранд, и он ухватится за возможность удовлетворить амбиции жены. С обоими заигрывают Дома Бэрин и Аншар; самое лучшее, на что я могу надеяться, – первый примкнет к Саранд, а второй – к Араун. Девятнадцать Домов в Андоре обладают достаточной силой, чтобы к ним примкнули меньшие Дома. Шесть из них замышляют против меня, а на моей стороне – два.

Пока еще шесть, и ниспошли Свет, чтобы за нее стояло два! Илэйн не упомянула три Дома, которые собирались поддержать Дайлин; Эгвейн, во всяком случае, на время связала их по рукам и ногам в Муранди.

Илэйн указала на стул рядом с собою, и Дайлин села, аккуратно расправив юбки. Выражение, наводившее на мысль о грозовой туче, с ее лица исчезло. Она посмотрела на Илэйн, никак не показывая, о чем думает или хочет спросить.

– Мне все это известно не хуже тебя, Илэйн, но Луан и Эллориен приведут к тебе свои Дома, как и Абелль, я уверена, – начала она осторожно, но продолжила с большей горячностью. – За ними потянутся и другие Дома. Если только ты не отпугнешь их. О Свет, Илэйн, это ведь не Война за престолонаследие. Траканд наследует Траканд, а не другой Дом. Даже тогда при борьбе за наследование редко доходило до открытого столкновения! Преврати гвардию в армию, и ты рискуешь всем.

Илэйн вскинула голову, рассмеялась, но смех ее был невесел и напоминал отдаленные раскаты грома.

– Я рискнула всем в тот день, Дайлин, когда вернулась домой. Говоришь, Норвелин и Траймане придут ко мне, и еще Пендар? Замечательно, тогда со мной будет пять против шести. Что другие «потянутся», как ты сказала, я не думаю. Если какой-то из Домов двинется прежде, чем всем станет ясно, что Розовый венец – мой, он выступит против меня, а не за меня.

Если повезет, эти лорды и леди постесняются объединиться с заединщиками Гейбрила, но на везение полагаться не хочется. Она-то не Мэт Коутон. О Свет, большинство людей считают, что Ранд убил ее мать, и единицы верят, что «лорд Гейбрил» был одним из Отрекшихся. Чтобы исправить нанесенный Равином вред Андору, ей потребуется вся жизнь, даже если удастся прожить столько, сколько кому-то из Родни! Некоторые из Домов не поддержат ее потому, что свои беззакония Гейбрил творил именем Моргейз, а другие потому, что Ранд обмолвился о намерении «вручить» ей трон. Она любила его всем сердцем, но чтоб ему сгореть за то, что он заикнулся об *этом*! Пусть даже это и осадил Дайлин. Самый захудалый фермер в Андоре – и тот возьмется за топор или косу, лишь бы сбросить с Львиного трона марионетку!

– Я бы очень хотела избежать того, чтобы андорцы убивали андорцев, Дайлин, но Престолонаследие или нет, а Джарид готов сражаться, пусть даже Эления под замком. Дом Ниан готов сражаться. – Обеих женщин лучше как можно скорее доставить в Кэймлин; в Арингилле слишком много возможностей незаметно передать на волю послание, а то и приказ. – Аримилла тоже готова сражаться, а за нею – люди Насина. Для них это и есть Престолонаследие, и

единственный способ остановить их – быть сильнее, чтобы они и думать не смели о сражении. Превратит Бергитте к весне гвардию в армию – и замечательно, потому что, если раньше армия была мне не нужна, к тому времени она понадобится. И не надо забывать о шончан. Они не удовлетворятся Танчиго и Эбу Дар, им нужно всё. А я, Дайлин, не отдам им Андора, как не отдам его и Аримилле. – За окнами прогрохотал гром.

Дайлин, оглянувшись на Бергитте, облизнула губы. Пальцы ее нервно перебирали складки юбок. Ее мало что могло испугать, но слухи о шончан пугали. Тихонько, себе под нос, она пробормотала:

– Я надеялась избежать открытой гражданской войны.

Эти слова могли ничего не означать – или же очень многое! Возможно, стоит прощупать глубже.

– Гавин, – внезапно сказала Бергитте. Лицо ее просветлело, и через узы передалось облегчение. И чувство это было довольно сильным. – Когда он появится, он и примет командование. И станет твоим первым принцем меча.

– Чушь собачья! – огрызнулась Илэйн, и тут же за окнами полыхнула молния.

С чего это Бергитте взбрело в голову именно сейчас сменить тему? Дайлин вздрогнула, и щеки Илэйн вновь обдало жаром. По удивленному выражению лица Дайлин стало ясно, что ругательство прозвучало слишком грубо. Ну и ни к чему смущаться; подумаешь, Дайлин – подруга ее матери. Илэйн машинально сделала большой глоток вина – и из-за горечи чуть не подавилась. Она поспешно отогнала мысленный образ: Лини грозит вымыть ей рот с мылом, и напомнила себе, что уже стала взрослой женщиной и борется за трон. Вряд ли ее мать так часто чувствовала себя попавшей в дурацкое положение.

– Да, Бергитте, станет, – продолжила Илэйн спокойнее. – Когда появится.

В Тар Валон уже отправились три курьера. Даже если ни одному не удастся ускользнуть от Элайды, Гавин со временем узнает о ее претензии на трон и придет. Он очень ей нужен, очень. Илэйн не питала иллюзий относительно своих полководческих способностей, а Бергитте так боится оказаться недостойной ходящих о ней легенд, что кажется, страшится порой даже и пытаться что-то сделать. Встать против целой армии – это пожалуйста, а вот возглавить армию – ни за что на свете!

Бергитте и сама знала, что за каша у нее в голове. Сейчас лицо ее казалось застывшим, но в душе кипел гнев на себя и на свое замешательство, причем кипел все сильнее. Илэйн, внезапно ощутив раздражение, открыла рот, собираясь ответить на замечание Дайлин о гражданской войне, пока на нее не нахлынул отраженный гнев Бергитте.

Но не успела она слова сказать, как распахнулись высокие красные двери. Вспыхнувшая было в ее душе надежда, что это Найнив или Вандене, растаяла при виде двух женщин Морского народа. Несмотря на погоду, они были босиком.

Перед ними плыли волны мускусного аромата, и Ата'ан Миэйр являли собой живописное зрелище: в ярких парчовых штанах и блузах, с кинжалами, усыпанными драгоценными камнями, в ожерельях из золота и ценной поделочной кости, не считая прочих украшений. Десять маленьких толстых колец в ушах Ренейле дин Калон прятались под ее прямыми черными волосами с проседью на висках, но надменности в темных глазах нельзя было не заметить – как и золотой, увешанной медальонами цепочки, что тянулась от серьги к колечку в носу. На лице ее была написана решимость, и плавная походка ничуть не смягчала впечатления, что Ренейле способна проходить сквозь стены. У Зайды дин Парид – почти на ладонь ниже своей спутницы и чернее угля – на левую щеку свешивалось раза в полтора больше золотых медальонов, и излучала она скорее властность, чем высокомерие, – несомненную уверенность в подчинении своим приказам. В ее густых черных кудрях кое-где проглядывала седина, но она была потрясающая – одна из тех женщин, что с возрастом становятся еще красивее.

Увидев эту парочку, Дайлин вздрогнула и потянулась было рукой к носу. Обычно именно так реагировали люди, непривычные к облику Ата'ан Миэйр. Илэйн скривилась, и причиной тому были не кольца в носу. Мелькнула мысль – а не выругаться ли еще разок... да позабористее... В данный момент не было на свете двоих людей, за исключением Отрекшихся, кого она хотела бы видеть меньше всего. Рин Харфор обязана была проследить, чтобы этого не произошло!

– Прошу меня простить, – сказала Илэйн, грациозно поднимаясь, – но я сейчас очень занята. Государственные дела, как вы сами понимаете, иначе я встретила бы вас сообразно вашему положению. – Морской народ отличала приверженность к формальностям и этикету, во всяком случае, в том виде, как они это понимали. Вполне возможно, мимо главной горничной они прошли, попросту не сказав, что желают видеть Илэйн, но столь же легко они оскорбились бы, случись Илэйн приветствовать их сидя – ведь корона пока еще не на ее голове. А Илэйн, испепели их обеих Свет, не вправе допустить, чтобы они оскорбились. Рядом с нею сразу встала Бергитте, взяв с церемонным поклоном свой кубок; по узам Стража передалась настороженность. Бергитте всегда оживлялась в присутствии Морского народа, и при них с языка у нее вполне могло что-нибудь сорваться. – Я встречу с вами сегодня попозже, – договорила Илэйн и добавила: – Если на то будет воля Света.

Морской народ также придавал большое значение церемонным фразам, и этой фигурой речи Илэйн выказала вежливость и одновременно оставила себе выход из положения.

Ренейле остановилась, лишь когда подошла вплотную к Илэйн, чуть ли не на расстояние шага. Затем коротко указала на стул татуированной рукой – явно разрешая Илэйн сесть. Подумать только, *разрешая* ей!

– Ты избегаешь меня, – произнесла она голосом слишком низким для женщины и холодным, как заваливший крыши снег. – Не забывай, что я – Ищущая Ветер при Несте дин Реас Две Луны, Госпоже Кораблей Ата'ан Миэйр. Ты еще не выполнила оставшуюся часть сделки, которую заключила для своей Белой Башни.

Морской народ знал о расколе в Башне – об этом уже все знали, – но Илэйн не видела смысла добавлять себе новых трудностей, публично признавшись, на чьей она стороне. Пока еще рано. Ренейле договорила надменным, приказным тоном:

– Ты со мной поговоришь, и немедленно! – Вот вам и весь этикет и прочие церемонии.

– Думаю, она избегает не тебя, Ищущая Ветер, а меня. – по контрасту с Ренейле Зайда говорила так, словно вела самый обычный разговор. Не торопясь ступить на ковры, она двинулась ленивой походкой по комнате, приостановилась, потрогала высокую вазу из тонкого зеленого фарфора, потом приподнялась на цыпочки, заглядывая в окуляр стоявшего на высокой подставке калейдоскопа из четырех колен. Когда же Зайда повернулась наконец к Илэйн и Ренейле, в ее черных глазах блеснула искорка любопытства. – В конце концов, сделка заключена с Нестой дин Реас, говорившей от имени кораблей. – Зайда была не только Госпожой Волн клана Кателар, но еще и послом Госпожи Кораблей. Послом к Ранду, а не в Андор, но в ее полномочия входило право выступать от имени самой Несты и заключать договоры. Сменив один позолоченный тубус на другой, она вновь приподнялась на цыпочки, заглянула в окуляр. – Ты обещала предоставить Ата'ан Миэйр двадцать наставниц, Илэйн. Пока что ты предоставила одну.

Появление Морского народа было столь неожиданным, столь драматическим, что Илэйн только теперь с удивлением заметила на пороге Мерилилль. Та, закрыв двери, повернулась лицом к собравшимся. Серая сестра, ростом еще ниже Зайды, выглядела элегантно – в темно-синем шерстяном платье, отороченном серебристым мехом и шитом по лифу маленькими лунными камнями, однако те неполные две недели, что провела она, обучая Ищущих Ветер, наложили свой отпечаток. Большинство из них были властными женщинами, жаждавшими знаний, и готовы были выжать Мерилилль под прессом, как виноград, до последней капли ценного

сока. Прежде Илэйн полагала, что Серую сестру с ее самообладанием ничто не может удивить, но теперь у Мерилилль были круглые глаза и рот приоткрыт, словно она только что удивилась так, что почти лишилась способности соображать, и ждет новых потрясений. Женщина сложила руки на животе и застыла у порога в ожидании, испытывая, похоже, облегчение оттого, что в центре внимания сейчас не она.

Дайлин, громко хмыкнув, поднялась на ноги и хмуро воззрилась на Зайду и Ренейле.

– Следи за своими словами, – прорычала она. – Ты сейчас в Андоре, а не на своем корабле, а Илэйн Траканд в недалеком будущем королева Андора! Вашей сделкой займутся в надлежащее время. А сейчас у нас есть более важные и насущные заботы.

– Во имя Света, нет ничего более важного, – в свою очередь загремела Ренейле, накинувшись на нее. – Говоришь, сделкой займутся? Значит, ты ручаешься. Знай, здесь найдется место подвесить тебя за ноги, так же, как...

Зайда щелкнула пальцами. Один сухой щелчок, но Ренейле затряслась мелкой дрожью. Схватив свисавшую с одного из ожерелий золотую коробочку с благовониями, она приложила ее к носу и глубоко вдохнула. Она могла быть Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей, она обладала у Ата'ан Миэйр громадной властью, но для Зайды она была... Ищущей Ветер. Что глубоко уязвляло ее гордость. Илэйн была уверена: есть какой-то способ воспользоваться сим обстоятельством себе на благо, но пока она не нашла его. О да, хорошо это или плохо, но отныне Даэсс Дей'мар стал ее второй натурой.

Илэйн легким шагом обошла, словно колонну, умолкшую, кипевшую от ярости Ренейле, двинулась через комнату, но не к Зайде. Если кто имел полное право чувствовать себя здесь как дома, так это она. Нельзя уступить Зайде ни на волосок, иначе Госпожа Волн обреет ее наголо, а волосы продаст на парик. Подойдя к камину, Илэйн протянула руки к огню.

– Неста дин Реас считает, что мы сдержим обещание, иначе никогда не согласилась бы на сделку, – спокойно сказала она. – Чаша Ветров снова у вас, но нужно время, чтобы собрать еще девятнадцать сестер. Знаю, вы беспокоитесь о тех кораблях, что оставались в Эбу Дар, когда появились шончан. Пусть Ренейле откроет переходные ворота в Тир. Там находятся сотни судов Ата'ан Миэйр. – Так говорилось во всех посланиях. – Вы сможете узнать, что известно им, и вернетесь к своему народу. Вы нужны им против шончан. – И Илэйн от них избавится. – Остальных сестер отправят к вам сразу, как только их выберут.

Мерилилль у дверей не шелохнулась, но позеленела лицом – явно запаниковала от мысли остаться одной среди Морского народа.

Зайда перестала забавляться с калейдоскопом и покосилась на Илэйн. По полным губам скользнула язвительная улыбка.

– Я должна быть здесь. Во всяком случае, пока не побеседую с Рандом ал'Тором. Если он вообще когда-нибудь появится. – На миг улыбка исчезла, а потом расцвела вновь; Ранду с Зайдой придется ой как несладко. – И я оставлю на время при себе Ренейле и ее спутниц. При встрече с шончан несколько Ищущих Ветер мало что изменят, а здесь, по воле Света, они узнают немало полезного.

Ренейле фыркнула достаточно громко, чтобы ее услышали. Зайда нахмурилась и начала поглаживать пальцами окуляр, нашедшийся на уровне ее головы.

– В твоём дворце есть пять Айз Седай, считая и тебя, – задумчиво пробормотала она. – Возможно, кто-то из вас мог бы заняться обучением. – Можно подумать, эта идея только что пришла ей в голову. Столь же маловероятно, как то, что Илэйн под силу поднять обеих женщин Морского народа одной рукой!

– О да, это было бы великолепно, – вдруг возбужденно сказала Мерилилль, шагнув вперед. Но, взглянув на Ренейле, тут же умолкла, а на по-кайриэнски бледном лице вспыхнул румянец. Она опять сложила руки на животе, словно покорность стала для нее второй натурой.

Бергитте изумленно покачала головой. Дайлин посмотрела на Айз Седай так, будто видела ее впервые в жизни.

– Можно что-нибудь придумать, если будет на то воля Света, – осторожно промолвила Илэйн. Ей пришлось снова приложить усилия, чтобы не потерять виски. Ах, если бы виновником этой головной боли был нескончаемый гром!.. Услышав это предложение, Найнив взорвется как вулкан, а Вандене, скорее всего, просто его проигнорирует, но Кареане и Сарейта, возможно, сочтут приемлемым. – Но не больше, чем несколько часов в день, вы же понимаете. Когда у них будет время. – Илэйн старалась не смотреть на Мерилилль. Даже Кареане с Сарейтой могут взбунтоваться, засунь их под такой пресс.

Зайда коснулась пальцами правой руки своих губ.

– Договорено, под Светом.

Илэйн заморгала. Слова Зайды прозвучали как-то зловеще. Похоже, по мнению Госпожи Волн, они только что заключили еще одну сделку. Из своего весьма ограниченного опыта общения с Ата'ан Миэйр Илэйн вынесла, что тебе еще повезло, коли ушла от них в одной рубашке. Ну нет, на сей раз все будет по-другому. Например, что от этого получают сестры? В сделке ведь всегда участвуют две стороны. Зайда улыбнулась, словно прочла мысли Илэйн и они ее позабавили. Тут одна из дверей вновь открылась, и Илэйн испытала почти что облегчение, воспользовавшись случаем отвернуться от женщин Морского народа.

Рин Харфор вошла в комнату, почтительная, но без услужливости, и сдержанный реверанс ее предназначался не королеве, а верховной опоре могущественного Дома. Но никакая верховная опора гроша ломаного не стоит, если у нее не хватает ума оказывать уважение главной горничной королевского дворца. Седеющие волосы госпожи Харфор, уложенные узлом, венчали ее голову, словно корона, поверх красно-белого платья на плечи ее был накинут алый короткий плащ-табар. На груди красовался Белый лев Андора. Рин ни разу не высказывала своего мнения о том, кто должен сидеть на троне, но со дня приезда Илэйн носила положенное по этикету полное одеяние главной горничной, как будто королева уже обосновалась во дворце. При виде женщин Ата'ан Миэйр лицо Харфор мгновенно посуровело, но только тем она и показала, что заметила их. До времени. Скоро они узнают, чем чревата враждебность главной горничной.

– Наконец-то прибыл Мазрим Таим, миледи. – В устах Рин обращение «миледи» звучало как «моя королева». – Передать ему, чтобы подождал?

«Выбрал же время! И где он раньше был?» – промелькнула у Илэйн мысль. Она звала его еще два дня назад!

– Да, госпожа Харфор. Предложите ему вина. Какого-нибудь похуже. Скажите, что я приму его, как только...

В комнату с таким видом, будто хозяин во дворце он, вошел Таим. Илэйн сразу поняла, кто это. На рукавах черной куртки от локтей до манжет красовались золотисто-синие драконы, копия драконов на руках Ранда.

«Впрочем, – подумала Илэйн, – вряд ли подобное замечание пришлось бы Таиму по вкусу».

Он был крепкого телосложения, высок ростом, немногим ниже Ранда, имел крючкова-тый нос и темные, зловеще поблескивающие глаза и двигался с ловкостью, немного напоми-навшей смертоносную грацию Стражей, но казалось, за ним следует какая-то тень – словно половина ламп в комнате погасла; не настоящая тень, конечно, но смутное ощущение неотвратимой угрозы, которую как будто можно было потрогать и которая впитывала в себя свет.

Следом за Таимом вошли еще двое в черных куртках: лысый мужчина с длинной седова-той бородой и хитрыми голубыми глазами и темноволосый молодой, гибкий как змея, с презри-тельно-надменным выражением лица, столь свойственным юношам, еще не узнавшим жизни. На высоких воротниках у обоих красовались значки в виде серебряного меча и красного эма-

левого дракона. Оружия ни у кого из троих не было – они в нем не нуждались. И гостиная вдруг показалась странно маленькой и тесной.

Илэйн инстинктивно обняла саидар и потянулась за соединением. Мерилилль с легкостью влилась в круг; как ни удивительно, это сделала и Ренейле. Но, коротко взглянув на Ишущую Ветер, Илэйн удивляться перестала: лицо у той посерело, она крепко стиснула рукоять заткнутого за кушак кинжала – Илэйн даже ощутила, как заныли у Ренейле костяшки. Она пробыла в Кэймлине достаточно долго и знала, кто такие Аша'маны.

Мужчины, конечно, поняли, что кто-то обнял саидар, хотя и не видели свечения, окружившего трех женщин. Лысый одеревенел; стройный юнец сжал кулаки. В глазах у них вспыхнул гнев. Несомненно, они взялись за *саидин*. Илэйн пожалела было, что дала волю инстинктам, но отпускать Источник не собиралась, тем более теперь. Таим излучал угрозу – так от огня исходит тепло. Илэйн глубоко зачерпнула через соединение – столько, что нахлынувшее чувство жизни стало пронзительно-острым, до покалывания во всем теле. Но и это было... радостью. С бурлящей в ней сейчас Силой она могла сровнять дворец с землей, но не знала, хватит ли ее, чтобы справиться с Таимом и двумя его спутниками. Как ей хотелось, чтобы сейчас при ней оказался один из трех найденных в Эбу Дар *ангриалов* — они хранились под запором вместе с остальными находками, пока у нее не появится время заняться ими.

Таим презрительно покачал головой, по губам скользнула полуулыбка.

– Посмотрите внимательно, – голос его был негромок, но тверд и высокомерен. – Здесь всего две Айз Седай. Вы что, боитесь двух Айз Седай? Или хотите напугать будущую королеву Андора?

Его спутники расслабились, затем попытались принять столь же надменную позу, как у Таима.

Рин ничего не знала ни о саидар, ни о саидин; она повернулась к вошедшим с сердитым видом. Аша'маны, не Аша'маны, но прилично вести себя должны все. Главная горничная проворчала что-то себе под нос. Негромко, но слова «шныряющие крысы» разобрать можно было вполне отчетливо.

Поняв же, что ее слышали все в комнате, главная горничная покраснела, и Илэйн выпал редкий случай – видеть, как засуетилась Рин Харфор. А именно – та выпрямилась и с изысканным достоинством, которому позавидовали бы и царственные особы, сказала:

– Простите, миледи Илэйн, но мне сообщили, что в кладовых развелись крысы. Весьма необычно для этого времени года, и их довольно много. Если позволите, я распоряжусь насчет крысоловов и отравленной приманки.

– Останься, – велела Илэйн холодно. И спокойно. – С паразитами разберемся в нужное время. – Две Айз Седай. Значит, Таим не понял, что Ренейле тоже способна направлять Силу, и он подчеркнул слово «две». Есть ли преимущество у трех женщин? Или нужно больше? Видимо, Аша'манам известно о некотором преимуществе женщин в группе меньшей, чем круг из тринадцати. Значит, вошли к ней без разрешения и без стука, вот как? – Проводишь к выходу этих добрых людей, когда я закончу с ними.

Спутники Таима, названные «добрыми людьми», нахмурились, но сам их предводитель лишь сверкнул очередной полуулыбкой. Он оказался достаточно сообразительным и понял: говоря о паразитах, Илэйн имела в виду его. О Свет! Может, когда-то этот человек и был нужен Ранду, но зачем он ему теперь, да еще и облеченный такой властью? Что ж, здесь его власть – ничто.

Илэйн неторопливо расположилась на своем стуле снова и с минуту поправляла юбки. Мужчинам придется, как просителям, обойти вокруг женщин, чтобы оказаться перед нею, иначе они будут говорить, стоя в стороне, где она их не видит. У нее мелькнула мысль, не передать ли контроль над малым кругом. Аша'маны наверняка сосредоточат на ней все свое внимание. Но Ренейле все еще была серого цвета, в душе ее явно боролись гнев и страх; она

могла, едва получив соединение, тут же и ударить. Мерилилль тоже была испугана, хотя держала в узде свой страх, смешанный с изрядным... обалдением, о чем красноречиво говорили ее вытаращенные глаза и приоткрытый рот. Одному Свету ведомо, как поступит она, если получит управление соединением.

Дайлин величаво подошла к стулу Илэйн и встала рядом, словно прикрывая ее собой от Аша'манов. Что бы ни творилось в душе у верховной опоры Дома Таравин, на лице ее не было ни тени страха, одна суровость. Остальные женщины тоже не теряли времени даром и были наготове. Зайда застыла неподвижно у калейдоскопа, изо всех сил пытаясь выглядеть незаметной и не представляющей никакой угрозы, но руки она прятала за спиной, и кинжала за кушаком уже не было. Бергитте в ленивой позе прислонилась к камину, опершись левой рукой о его боковую стенку, но ножны ее тоже пустовали, и, судя по положению правой руки, она изготовилась к броску снизу. Узы донесли до Илэйн... сосредоточенность. Стрела на тетиве, натянутой до отказа, готовая в любой миг устремиться в цель.

Илэйн и головы не повернула, чтобы взглянуть на трех мужчин.

– Во-первых, вы слишком медлили явиться по моему зову, мастер Таим, а теперь врываетесь столь внезапно. – О Свет, держится ли он сейчас за саидин? Кроме отсечения щитом, есть и другие способы помешать мужчине направить Силу, но это сложное умение, ненадежное, и знала Илэйн об этих приемах мало, больше теоретически.

Он сделал несколько шагов и оказался перед нею, но не стал от этого похожим на просителя. Мазрим Таим знал, кто он такой и на что способен, хотя и ценил себя выше небес. Полыхнувшая за окнами молния отбросила на его лицо странные тени. Наверняка многие испытывали перед ним благоговейный страх, даже не зная его громкого имени и не будь на нем этой причудливой куртки. Многие, но только не Илэйн. Она не станет его бояться!

Таим задумчиво потер подбородок.

– Насколько я понимаю, во всем Кэймлине вы спустили Драконовы стяги, госпожа Илэйн. – Если не в глазах, то в глубоком голосе его было веселье! Дайлин зашипела от ярости при виде столь явного неуважения к Илэйн, но он не обратил никакого внимания на ее возмущение. – Салдэйцы, как я слышал, отступили к биваку Легиона Дракона, а в скором времени и последние из Айил окажутся в лагерях за пределами города. Что он скажет, когда обо всем узнает? – Кого имел в виду Таим, не было никаких сомнений. – И это после того, как он отправил вам подарок. Откуда-то с юга. Позже я передам его.

– Андор станет союзником Дракона Возрожденного, – холодно ответила Илэйн, – но Андор никто не завоевывал, ни он, ни кто-либо другой. – Она попыталась расслабить руки, лежавшие на подлокотниках. О Свет, то, что она уговорила айильцев и салдэйцев уйти, – ее самое большое достижение на сегодняшний день, и это было необходимо, пусть даже в городе с тех пор больше злодеяний! – Во всяком случае, мастер Таим, не вам с меня спрашивать. Если у Ранда будут возражения, то я разберусь с ним!

Таим приподнял бровь, и странная полуулыбка задержалась на этот раз у него на губах чуть дольше.

«Чтоб мне сгореть, – без всякого почтения к себе подумала Илэйн, – не надо было называть имя Ранда!»

Этот человек думает, что ему точно известно, как она разберется с гневом проклятого Дракона Возрожденного! А хуже всего то, что, если ей удастся затащить Ранда в постель, она так и сделает. Не для того, чтобы разобраться с ним, а просто потому, что ей этого хочется. Интересно, что за подарок он ей прислал?

Голос ее стал тверже от гнева. От гнева на взятый Таимом тон, на долгое отсутствие Ранда. На саму себя, краснеющую и думающую о подарках. Подарки!

– Вы заняли четыре мили Андора. – О Свет, это в полтора раза больше Внутреннего города! Сколько же там может быть таких мужчин? От этой мысли по спине Илэйн побежали

мурашки. – С чьего разрешения, мастер Таим? И не говорите мне о Драконе Возрожденном. В Андоре у него нет никакого права давать какие бы то ни было разрешения. – Дайлин, стоявшая рядом, переступила с ноги на ногу. Да, права-то никакого, но если есть сила, то будет и право. Илэйн не отводила взгляда от Таима. – Вы отказались впустить Королевскую гвардию в свое... поселение. – Хотя до ее возвращения никто и не старался к ним войти. – Закон Андора, мастер Таим, действует на *всей* территории Андора. Правосудие *одинаково* и для лорда, и для фермера – и для Аша'мана. Я не намерена силой прорываться туда. – Он снова начал было улыбаться. – Я не собираюсь ронять своего достоинства. Но если Королевскую гвардию не пропустят, то обещаю: через ваши ворота не пройдет и картофелины. Знаю, вы способны Перемещаться. Пусть тогда Аша'маны и Перемещаются каждый день, чтобы покупать еду.

Улыбка исчезла с его лица с еле заметной гримасой; чуть слышно шаркнули сапоги. Досада Таима, впрочем, длилась всего мгновение.

– Еда – не такая уж большая проблема, – вкрадчиво промолвил он, разведя руками. – Как вы сами сказали, мои люди способны Перемещаться. Туда, куда я прикажу. Сомневаюсь, что у вас что-то получится. Думаю, уже в десяти милях от Кэймлина я смогу закупать все необходимое, так что меня ваш запрет не беспокоит. Тем не менее я разрешаю вам приезжать, только сначала попросите. Но визиты будут ограниченными, и всякий раз с эскортом. Обучение в Черной Башне тяжелое. Почти каждый день погибают люди. Я не хочу, чтобы произошел какой-нибудь несчастный случай.

Таим был раздражающе точен в том, на каком расстоянии от Кэймлина действуют ее указы. Но это всего лишь раздражало. А вот его упоминание о Перемещениях куда угодно по его приказу и о «несчастных случаях» – не являлось ли оно замаскированной угрозой? Разумеется, нет. В душе Илэйн поднялась волна гнева, когда она поняла, что была уверена – он не будет ей угрожать из-за Ранда. Но она не станет прятаться за Ранда ал'Тора. Ограниченные визиты? Когда она попросит? Испепелить бы этого наглеца на месте!

Она вдруг осознала, *что* струится к ней от Бергитте по узам: гнев, отражение ее собственного, он сливался с гневом Бергитте, возвращался от Бергитте к ней, вновь накатывался на Бергитте, подпитывая сам себя, все нарастая и нарастая. Рука Бергитте, сжимавшая нож, вздрагивала от желания его метнуть. А сама Илэйн? Ее переполняла ярость! Еще чуть-чуть, и она могла упустить саидар. Или нанести удар.

Илэйн с трудом пригасила гнев, добившись какого-то подобия спокойствия. И, сглотнув комок в горле, постаралась, чтобы голос ее звучал ровно.

– Гвардейцы будут приезжать каждый день, мастер Таим. – Как это удастся при такой-то погоде, Илэйн не знала. – Возможно, я и сама прибуду, вместе с несколькими сестрами. – Если возможность появления Айз Седай в Черной Башне и расстроила Таима, он этого ничем не выказал. О Свет, она же пытается восстановить власть Андора, а не досадить этому человеку. Чтобы успокоиться, девушка торопливо проделала упражнение для послушниц – река входит в берега. Это немного помогло. Теперь ей хотелось только выплеснуть на него кубок вина. – С просьбой об эскорте я согласна, но вы не должны ничего скрывать. Я не желаю, чтобы под покровом тайны прятали какие-то преступления. Мы поняли друг друга?

Поклон Таима отдавал насмешкой – насмешкой! – но в голосе его послышалась натянутость.

– Я вас прекрасно понял. Но и вы меня поймите. Мои люди – не крестьяне, они не станут падать перед вами на колени. Только надавите на Аша'мана, и узнаете, насколько крепок ваш закон.

Илэйн открыла рот, собравшись объяснить ему доподлинно, насколько крепок в Андоре закон, как в дверях раздался женский голос:

– Пришло время, Илэйн Траканд.

– Кровь и пепел! – пробормотала Дайлин. – Сюда что, весь мир решил явиться?

Илэйн узнала голос. Она ждала этого зова, не зная, когда он прозвучит. Но зная, что должна будет подчиниться немедленно. Она встала, жалея, что не хватило времени до конца объясниться с Таимом. А он, глядя на вошедшую женщину, нахмурился, потом перевел взор на Илэйн, явно не понимая, что это означает. Вот и хорошо. Пусть помается, пока у Илэйн снова не найдется время окоротить его и дать понять, какие такие особые права имеют в Андоре Аша'маны.

Надере была ростом с обоих спутников Таима, широкоплечей и почти такой же мускулистой, как все айильцы, которых видела Илэйн. Она несколько мгновений смотрела своими зелеными глазами на стоявших у порога мужчин и сочла, что интереса они не представляют. На Хранительниц Мудрости Аша'маны впечатления не производили. Затем, звякнув браслетами, Надере поправила темную шаль на плечах, прошла в гостиную и остановилась перед Илэйн, спиной к Таиму. Невзирая на холод, на ней поверх тонкой белой блузы была только шаль, но на руке для чего-то висел тяжелый шерстяной плащ.

– Ты должна идти сейчас, – сказала она Илэйн, – не мешкая.

Брови Таима едва не полезли на лоб; он явно не привык к тому, чтобы его игнорировали столь откровенно.

– Свет небесный! – прошептала Дайлин, массируя виски. – Я не знаю, в чем дело, Надере, но, наверно, с этим вполне можно подождать, пока...

Илэйн положила ладонь на руку Дайлин.

– Ты и в самом деле не знаешь, Дайлин, и подождать с этим нельзя. Я отошлю всех и пойду с тобой, Надере.

Хранительница Мудрости отрицательно покачала головой.

– Дитя, готовое родиться, не будет ждать, пока отошлют людей. – Она качнула толстым плащом. – Я принесла его, чтобы оберечь твоё тело от холода. Наверно, мне стоит оставить плащ и сказать Авиенде, что твоя стыдливость сильнее желания обрести сестру.

До Дайлин внезапно дошел смысл происходящего, и она тихо охнула. От возмущения Бергитте узы Стража чуть не завибрировали.

Оставался только один выход. А на самом деле – никакого. Илэйн отпустила соединение с остальными двумя женщинами и саидар. Но сияние, окружавшее Ренейле и Мерилилль, не погасло.

– Ты сможешь мне с пуговицами, Дайлин? – услышав свой ровный голос, Илэйн ощутила гордость. Она ведь ждала этого. Но не тогда, когда вокруг столько свидетелей! – грустно подумала девушка. И, повернувшись спиной к Таиму – чтобы не видеть хотя бы, как он смотрит на нее! – начала расстегивать крохотные пуговицы на рукавах. – Дайлин, тебя не затруднит?... Дайлин!

Дайлин спохватилась, принялась возиться с пуговицами на спине платья, но все равно двигалась как во сне и что-то потрясенно бормотала. Один из Аша'манов у дверей сдавленно хихикнул.

– Кругом! – рявкнул Таим, и у дверей глухо стукнули сапоги.

Илэйн не знала, отвернулся ли сам Таим – она прямо-таки ощущала на себе его взгляд, – но внезапно рядом оказались Бергитте, и Мерилилль, и Рин, и Зайда, и даже Ренейле. Плечом к плечу они встали стеной между Илэйн и мужчинами, хмуро поглядывая на последних. Не слишком хороший заслон. Все женщины были ниже Илэйн, а Зайда и Мерилилль едва доходили ей до плеча.

«Сосредоточься, – велела себе Илэйн. – Я спокойна. Я совершенно невозмутима. Я... Я раздеваюсь догола в комнате, где полно народу! Вот что я делаю!»

Девушка заторопилась, сбросила на пол платье и сорочку, скинула мягкие туфли и чулки. Кожа ее тут же покрылась пупырышками; но дрожала Илэйн, кажется, не от холода. И щеки у нее пылали тоже по какой-то другой причине.

– Безумие! – глухо проворчала Дайлин, подхватив сброшенную одежду. – Полное безумие!

– В чем дело? – прошептала Бергитте. – Мне пойти с тобой?

– Я должна идти одна, – прошептала в ответ Илэйн. – И не спорь!

Бергитте не стала спорить, но за нее все сказали узы. Илэйн, вынув из ушей золотые кольца, отдала их Бергитте, потом, чуть помешкав, сняла и кольцо Великого Змея. Хранительницы Мудрости говорили, что она должна будет явиться, как новорожденное дитя. Указаний было много, а самое главное из них – никому не говорить, что произойдет. Она и сама не прочь узнать, что произойдет. Но дитя рождается, не зная заранее, что его ждет. Бергитте разворчалась точь-в-точь как Дайлин.

Вперед шагнула Надере с плащом, протянула его девушке; Илэйн поспешила завернуться в плотную ткань. Она по-прежнему чувствовала на себе взгляд Таима. И хотя ее подмывало поскорее убраться отсюда, она запахнулась, выпрямилась, придерживая полы плаща, и медленно повернулась. Не будет она суетиться и дергаться, словно места от стыда не находит.

Пришедшие с Таимом мужчины стояли как деревянные лицом к дверям, а сам Таим, сложив руки на груди, глядел в камин. Значит, ощущение его взгляда было всего лишь игрой воображения. Все женщины в комнате, кроме Надере, смотрели на Илэйн кто с любопытством, кто с испугом, кто потрясенно. На лице же Надере читалось только нетерпение.

Илэйн из последних сил попыталась придать своему голосу королевское достоинство.

– Госпожа Харфор, предложите мастеру Таиму и его людям вина на дорогу. – Хорошо, что голос хотя бы не дрожит. – Дайлин, займи, пожалуйста, Госпожу Волн и Ищущую Ветер и постарайся развеять их опасения. Бергитте, вечером я надеюсь услышать твои соображения насчет рекрутского набора.

Названные женщины изумленно моргали, потом молча кивали.

Наконец Илэйн вышла из гостиной следом за Надере, жалея, что не получилось лучше. И последним, что услышала она перед тем, как захлопнулись двери, был голос Зайды:

– Странные у вас, сухопутных, обычаи.

В коридоре Илэйн старалась идти быстро, но это было нелегко – приходилось придерживать плащ, чтобы он не распахивался. Красно-белые плиты пола оказались намного холоднее, чем ковры в гостиной. Встречные слуги, закутанные в теплые шерстяные ливреи, изумленно тарасились на проходившую мимо Илэйн, потом торопились по своим делам. Огоньки канделябров подрагивали на вечном сквозняке коридоров. Ток воздуха порой шевелил даже gobelens на стенах.

– Так нарочно задумано? – спросила она у Надере, не слишком надеясь на ответ. – Позвали меня именно тогда, когда вокруг было полно людей. Чтобы убедиться, что Авиенда в самом деле многое значит для меня. – Ей не раз говорили, что это важнее всего. – А как вы поступили с ней?

У Авиенды, казалось, стыдливости было совсем мало, она частенько разгуливала по своим покоям без одежды, ничуть об этом не беспокоясь, даже не замечая входивших слуг. Да ей, считай, все равно, если ее заставят раздеться среди толпы.

– Если захочет, она сама тебе расскажет, – отозвалась Надере. – Ты проникательна, раз поняла. Многие не понимают. – Она хмыкнула; от этого большая грудь ее всколыхнулась. – Как те мужчины поворачивались спиной, а женщины оберегали тебя! Я бы все это прекратила, если б мужчина в расшитой куртке не поглядывал через плечо и не восхищался твоими бедрами. И если б твой румянец не подсказал, что ты об этом знаешь.

Илэйн сбилась с шага и споткнулась. Плащ распахнулся, и все сбереженное ею тепло улетучилось прежде, чем она подхватила полу и снова запахнулась.

– Мерзкий похотливый козел! – прорычала Илэйн. – Да я его!.. Я его...

Чтоб ей сгореть, и что она делает? Расскажет Ранду? Пусть он разберется с Таимом? Да никогда в жизни!

Надере с интересом взглянула на девушку.

– Многим мужчинам нравится глядеть на женские прелести. А теперь хватит думать о мужчинах и начинай думать о женщине, которую ты хочешь в сестры.

Вновь зардевшись, Илэйн представила себе Авиенду. Что ничуть не умерило ее волнения. Перед ритуалом ей велено было думать об определенных вещах, и кое-какие мысли девушку тревожили.

Надере шла с Илэйн шаг в шаг, а та старательно прикрывала ноги, чтобы их не было видно между распахивавшимися полами плаща – всюду шныряли слуги, – и очень скоро они добрались до комнаты, где собралось больше дюжины Хранительниц Мудрости, все в тяжелых юбках, белых блузах и темных шалиях, украшенные ожерельями и браслетами из золота и серебра, драгоценной поделочной кости и самоцветов; длинные волосы их были повязаны сложенными шарфами. Из комнаты вынесли всю мебель и ковры, каменные плиты пола сверкали белизной. Огонь в камине не горел. Здесь, в глубине дворца, в помещении без окон гром был едва слышен.

Взгляд Илэйн сразу устремился к стоявшей в дальнем конце комнаты Авиенде. Обнаженной. Айилка взволнованно улынулась Илэйн. Взволнованно! И кто – Авиенда! Илэйн, поспешно сбросив плащ, улынулась в ответ. И, как сама сообразила, тоже взволнованно. Авиенда тихонько рассмеялась, а через мгновение рассмеялась и Илэйн. О Свет, а ведь и вправду воздух холодный! А пол еще холоднее!

Многих Хранительниц Мудрости девушка не знала, но одно знакомое лицо сразу бросилось ей в глаза. Эмис чем-то походила на Айз Седай, хоть волосы ее были седые, а на лице лежала печать многих лет жизни. Должно быть, она Переместилась из Кайриэна. Эгвейн обучала ходящих по снам, дабы расплатиться за то, что они делились с нею знаниями о *Тел'аран'риоде*. И чтобы отдать долг, как она утверждала, хотя никогда не уточняла, что это за долг.

– Надеюсь, Мелэйн будет здесь, – промолвила Илэйн. Ей нравилась жена Бэйла, радушная и щедрая женщина. Не то что две другие женщины в комнате, которых она тоже знала: костлявая, с угловатым лицом Тамела и Виендре, красивая голубоглазая орлица. Способностями в Силе обе превосходили и саму Илэйн, и любую из знакомых ей сестер, не считая Найнив. И хотя у айильцев этому не придавали особого значения, девушка не могла представить другой причины, почему они всякий раз при виде нее презрительно фыркали и смотрели свысока.

Илэйн предполагала, что старшей будет Эмис – она как будто всегда главенствовала, – однако вперед вышла невысокая женщина с соломенно-желтыми, чуть рыжеватыми волосами. Звали ее Монаэлле. Не такая уж она была и низенькая, но из всех собравшихся лишь она уступала в росте Илэйн. И была самой слабой в Силе – в Тар Валоне ее дара едва хватило бы, чтобы получить право на шаль. Наверное, для Айил уровень владения Силой и вправду не так важен.

– Будь здесь Мелэйн, – сказала Монаэлле резко, но не враждебно, – дети, которых она носит, стали бы, коснись их плетения, частью уз между тобой и Авиендой. Если бы, конечно, выжили вообще – у неродившихся слишком мало сил. Вопрос в том, хватит ли сил у вас двоих? – Обеими руками она указала на пол перед собой. – Выйдите сюда, на середину.

Только тут Илэйн поняла, что ритуал пройдет с применением саидар. Она-то думала, что это просто церемония, обмен клятвами, возможно, какие-то обеты. Что же все-таки должно произойти? Конечно, это не важно, но все-таки... Девушка, еле волоча ноги, приблизилась к Монаэлле.

– Мой Страж... Наши узы... Ее это... не затронет?..

Авиенда, вставшая лицом к Илэйн, нахмурилась, заметив ее колебания, но когда прозвучал вопрос, айилка тоже обратила испытующий взгляд к Монаэлле. Видимо, и она кое о чем не подумала.

Низкорослая Хранительница Мудрости покачала головой.

– Никого за пределами этой комнаты плетения не коснутся. Некоторые ощущения она может с тобой разделить, поскольку вы связаны узами, но весьма немногие.

Облегченный вздох Авиенды прозвучал эхом вдоха Илэйн.

– Итак, – продолжила Монаэлле. – Все нужно делать по порядку. Приступим. Мы же не вожди клана, обсуждающие за *оосквай* водные обеты. – Все остальные женщины, посмеиваясь над шуткой о вождях и крепком айильском напитке, окружили Авиенду и Илэйн. Монаэлле уселась на пол, скрестив ноги, шагах в двух от обнаженных девушек. Смешки стихли, и голос ее зазвучал торжественно: – Мы собрались здесь потому, что две женщины желают стать первыми сестрами. Мы проверим, достаточно ли они сильны, и если так, то поможем им. Присутствуют ли их матери?

Илэйн вздрогнула, но в следующее мгновение позади нее оказалась Виендре.

– Мать Илэйн Траканд не может сюда прийти. Я – вместо нее. – Положив ладони на плечи Илэйн, Виендре подтолкнула ее вперед, а потом, надавив сверху, заставила опуститься на колени на холодный пол перед Авиендой и сама встала на колени. – Я предлагаю свою дочь для испытания.

За спину Авиенды шагнула Тамела, так же заставила ее опуститься на колени, почти вплотную к Илэйн, и тоже встала на колени позади девушки-айилки.

– Мать Авиенды не может сюда прийти. Я – вместо нее. Я предлагаю свою дочь для испытания.

В другое время Илэйн не удержалась бы и захихикала. С виду Виендре и Тамела выглядели старше Авиенды или самой Илэйн лет на пять-шесть. В другое время. Но не сейчас. Лица стоявших Хранительниц Мудрости были строги и серьезны. Они рассматривали ее и Авиенду, словно оценивали, верно ли они все взвесили.

– Кто претерпит за них муки рождения? – спросила Монаэлле, и вперед шагнула Эмис.

Вместе с ней вышли еще двое, огненно-рыжая, по имени Шайанда, которую Илэйн видела с Мелэйн, и незнакомая седоволосая женщина. Они помогли Эмис раздеться. Гордая в своей наготе, Эмис повернулась лицом к Монаэлле и шлепнула себя по упругому животу.

– Я рожала детей. Я вскармливала их, – сказала она, взяв в ладони свои груди, выглядывшие так, словно детей у нее никогда не было. – Я предлагаю себя.

Монаэлле величественно кивнула в знак согласия, и Эмис села на колени с другой стороны, в двух шагах от Илэйн и Авиенды. По бокам от нее опустились на колени Шайанда и та седая Хранительница Мудрости. Внезапно сияние Силы окружило всех собравшихся в комнате женщин, за исключением Илэйн, Авиенды и Эмис.

Илэйн глубоко вздохнула и заметила, что Авиенда тоже вздохнула. В комнате повисла тишина, в которой слышались лишь дыхание, слабый отдаленный гром да редкий стук браслетов Хранительниц. Когда Монаэлле заговорила, Илэйн чуть не вздрогнула от неожиданности.

– Вы обе будете вести себя так, как вам указывали. Если вы дрогнете или зададите вопрос, то ваша решимость недостаточно тверда. Я отошлю вас, и все будет кончено раз и навсегда. Я буду спрашивать, а вы станете отвечать искренне. Если откажетесь отвечать, вас отошлют прочь. Если любая здесь сочтет, что вы солгали, вас отошлют прочь. Разумеется, вы сами можете уйти в любое время. Что также сразу положит всему конец. Второго шанса не будет. Итак. Что, по-вашему, самое лучшее в женщине, которую вы хотите взять в первые сестры?

Отчасти Илэйн ожидала такого вопроса. В числе прочего ей велели подумать и об этом. Не так-то просто выбрать из многих достоинств одно, однако ответ у нее был готов. Когда Илэйн заговорила, потоки саидар внезапно сплелись вместе между нею и Авиендой, и ни еди-

ный звук не слетел с ее языка, как и с языка Авиенды. Машинально, какой-то частицей своего разума девушка подмечала плетения, откладывая их себе в память; даже сейчас стремление узнать новое было такой же частью ее «я», как и цвет глаз. Плетения исчезли, как только ее губы сомкнулись.

– Авиенда так уверена в себе, так горда. Ей все равно, что подумают о том, как она поступит, о том, какова она сама. Она – та, кем хочет быть, – услышала Илэйн собственный голос, и в то же время внезапно стали слышны и слова Авиенды:

– Даже когда Илэйн так испугана, что у нее во рту сухо, духом она не поддается. Она храбрее всех, кого я видела.

Илэйн изумленно уставилась на подругу. Авиенда считает ее храброй? Свет, она, конечно, не трусиха, но разве храбра? Странно, но и Авиенда недоверчиво смотрела на нее.

– Храбрость как колодец, – сказала Виендре на ухо Илэйн, – в одном человеке глубокий, в другом – мелкий. Глубокий или мелкий, но со временем колодцы пересыхают, даже если позже вновь наполняются. Ты встретишь то, чему не сможешь противостоять. Твой хребет обратится в студень, а твоя хваленая храбрость оставит тебя, бросит плачущей во прахе. Этот день еще придет. – она говорила так, словно ей хотелось своими глазами увидеть эту картину.

Илэйн коротко кивнула. Она хорошо знала, каково это, когда хребет превращается в студень; чуть ли не ежедневно она боролась с подобным ощущением.

Тамела говорила Авиенде, и голос ее был почти таким же довольным, что и у Виендре.

– *Джи'и'тох* связывает тебя подобно стальным полосам. Ради *джи* ты заставляешь себя делать все то, чего от тебя ожидают, вплоть до мелочей. Ради *тох* ты, если понадобится, унизишь себя и будешь на брюхе ползать. Потому что тебя до мозга костей волнует то, что все о тебе думают.

Илэйн чуть не ойкнула. Это было жестоко и несправедливо. Она кое-что знала о *джи'и'тох*, но Авиенда совсем не такая. Однако Авиенда кивнула, очень похоже на Илэйн. Нетерпеливо соглашаясь с тем, что и сама уже знала.

– Хорошие качества вам нравятся в первой сестре, – сказала Монаэлле, поправив шаль на локтях, – но что вы считаете в ней самым худшим?

Илэйн поерзала на мерзнувших коленях, облизнула губы и лишь потом ответила. Этого она страшилась. И вовсе не из-за предупреждения Монаэлле. Авиенда говорила, что они должны говорить правду. *Должны*, иначе чего стоит их дружба? Вновь плетения удержали слова девушек, пока они не договорили.

– Авиенда... – неожиданно раздался неуверенный голос Илэйн. – Она... она считает, что все можно решить силой. Иногда она думает не дальше своего ножа на поясе. Иногда она совсем как мальчишка, который не желает взрослеть!

– Илэйн знает, что... – начал голос Авиенды, потом, после паузы, он стал сбивчивым, торопливым. – Она знает, что красива, знает, какую власть над мужчинами дает красота. Иногда она выставляет напоказ чуть ли не всю грудь, и она улыбается, когда заставляет мужчин делать то, что ей хочется.

Илэйн задохнулась от возмущения. Авиенда так думает о ней? Да она выглядит сущей вертихвосткой! Авиенда нахмурилась в ответ и открыла было рот, но Тамела надавила ей на плечи и заговорила сама.

– Ты думаешь, мужчины не видят твоего лица? – В голосе Хранительницы Мудрости слышались нотки раздражения; властное – вот лучшее слово, каким можно было охарактеризовать ее лицо. – Разве они не посматривают на твою грудь в палатке-парильне? Не восхищаются твоими бедрами? Ты красива, и тебе это известно. Отрицать это – все равно что отречься от самой себя! Тебе нравятся взгляды мужчин, и ты улыбаешься им. Неужели ты никогда не улыбнешься мужчине, чтобы придать своим словам больший вес? Не прикоснешься к его руке, чтобы отвлечь от слабости своих доводов? Так было, и так будет.

Щеки Авиенды расцвели пунцовым цветом, но Илэйн нужно было слушать Виендре. И бороться с краской, залившей щеки.

– В тебе тоже есть насилие. Отрицать это – все равно что отречься от самой себя! Неужели ты никогда не впадала в ярость, не бросалась с кулаками? Никогда не проливала кровь? Никогда тебе не хотелось этого? Никогда не видела иного пути? И мысли другой не было? Пока ты дышишь, насилие останется в тебе, без него нет тебя.

Илэйн подумала о Таиме, о других подобных случаях, и лицу стало жарко, как будто у натопленной печи.

На этот раз ответ был не один.

– Твои руки ослабеют, – говорила Тамела Авиенде. – Ноги утратят быструю. Юнец окажется способен вырвать нож из твоей руки. Пригодятся ли тебе тогда умение владеть ножом или твоя свирепость? Сердце и разум – вот твое истинное оружие. Но разве, когда ты стала Девой, ты за один день научилась владеть копьем? Если ты не заточишь ныне разум и сердце, ты постареешь и дети способны будут запутать тебя. Клановые вожди усадят тебя в уголок играть с «кошачьей колыбелькой», а когда ты заговоришь, все услышат только ветер. Не забывай и, пока можешь, учись побеждать умом.

– Красота мимолетна, – продолжала Виендре, обращаясь к Илэйн. – Пройдут года, и груди твои обвиснут, плоть ослабнет, кожу покроют морщины. Мужчины, что улыбались, глядя на твое лицо, станут разговаривать с тобою так, словно бы ты – просто другой мужчина. Муж твой, может, и будет видеть тебя всегда такой, какой увидел впервые, но никто из других мужчин не станет грезить о тебе. А разве ты не останешься собой? Твое тело – всего лишь покров. Твоя плоть усохнет, но ты – это твои сердце и разум, а они не изменятся, разве что станут сильнее.

Илэйн покачала головой. Не отрицая, но и не соглашаясь. Впрочем, она никогда не задумывалась о старости. Особенно с тех пор, как отправилась в Башню. Груз лет не слишком тяжек даже для очень старых Айз Седай. А если она проживет столько же, что и женщины из Родни? Это, разумеется, означало бы отказаться от планиды Айз Седай, но что все-таки в таком случае? Родня стареет очень медленно, но и им не избежать морщин. О чем думает Авиенда? Она стояла на коленях с весьма... угрюмым видом.

– Что самое ребяческое в женщине, которую вы хотите взять в первые сестры? – спросила Монаэлле.

С этим проще, и не так чревато последствиями. Говоря, Илэйн даже улыбнулась. Авиенда тоже ухмыльнулась – вся ее угрюмость куда-то исчезла. Вновь плетение сохранило слова девушек, освободив разом их голоса, в которых слышался смех.

– Авиенда не хочет учиться плавать. Хотя я и пыталась ее научить. Она не боится ничего, кроме воды, если той больше, чем в ванне для купания.

– Илэйн лопает сласти, хватая двумя руками, точно ребенок, сбежавший из-под надзора матери. Если не прекратит себя так вести, к старости растолстеет как свинья.

Илэйн вскинулась. Лопает? *Лопает*? Она просто пробует, вот и все. Хочется же попробовать и то, и это. Растолстеет? И почему Авиенда так на нее зыркает? Разве не ребячество – отказываться заходить в воду глубже, чем по колено?

Монаэлле кашлянула, прикрыв рот ладонью, но Илэйн показалось, будто та прячет улыбку. Некоторые из стоявших Хранительниц Мудрости смеялись в открытую. Над глупостью Авиенды? Или над ее... тягой к сладкому?

Монаэлле вновь напустила на себя важный вид, расправила юбки, но в голосе ее проскальзывали смешливые нотки.

– Что вызывает у вас самую большую зависть к женщине, которую вы хотите взять в первые сестры?

Наверное, Илэйн попыталась бы увильнуть от ответа на этот вопрос, даже вопреки требованию говорить правду. То, что сразу пришло ей на ум, было правдой, но она могла бы сказать что-нибудь другое, что сошло бы тоже за правдивый ответ и меньше смутило бы их обеих. Наверное, могла бы. Но то, что она, Илэйн, расточает улыбки мужчинам и грудь выставляет напоказ... Может, она и улыбается, но сама-то Авиенда! Разгуливает в чем мать родила перед красными как раки слугами, словно их не замечает! А Илэйн, значит, конфеты *лопает*, да? И скоро растолстеет, да? И девушка стала говорить горькую правду, а потоки подхватывали ее слова, и губы Авиенды тоже двигались в мрачном безмолвии, пока обе подруги наконец не закончили и сказанное ими не зазвучало в комнате.

– Авиенда лежала в объятиях мужчины, которого я люблю. А я – нет; может, и никогда не буду, и мне остается только оплакивать свою судьбу.

– Илэйн любима Рандом ал’То... *Рандом*. У меня сердце разрывается от желания, чтобы он любил меня, но я не знаю, случится ли это когда-нибудь.

Илэйн вперила взгляд в непроницаемое лицо Авиенды. Та завидует ей из-за *Ранда*? Когда он избегает Илэйн Траканд, будто у нее чесотка? Дальше размышлять ей не дали.

– Ударь ее ладонью изо всей силы, – велела Тамела Авиенде, убрав свои руки с плеч девушки.

Виендре слегка сжала плечи Илэйн.

– Не защищайся.

Ни о чем таком их раньше не предупреждали! Наверняка Авиенда не станет...

Илэйн, сморгнув, оперлась на руки и приподнялась с ледяных плит пола. Осторожно ощупала щеку и поморщилась. Отпечаток ладони останется на весь день. Напрасно Авиенда ударила так сильно.

Все ждали, пока Илэйн вновь не опустится на колени, а потом Виендре наклонилась ближе.

– Ударь ее ладонью изо всей силы.

Ладно, она-то не собирается бить Авиенду по уху. Она-то вовсе не собирается... От полновесной пощечины Авиенда растянулась на полу, даже проскользила грудью по полу к самой Монаэлле. У Илэйн ладонь от удара горела так же, как собственная щека.

Авиенда приподнялась на руках, помотала головой, потом с трудом вновь заняла свое место. И Тамела сказала:

– Ударь ее другой рукой.

На этот раз Илэйн улетела по стылому полу к самым коленям Эмис. В голове звенело, горели обе щеки. И когда она снова встала на колени напротив Авиенды и Виендре велела ей ударить, Илэйн вложила в оплеуху весь вес своего тела, так что, когда Авиенда упала, чуть сама не свалилась на нее.

– Теперь вы можете уйти, – сказала Монаэлле.

Илэйн резко обернулась к Хранительнице Мудрости. Авиенда, еще не успевшая подняться, окаменела.

– Если хотите, – продолжала Монаэлле. – Мужчины обычно после этого уходят, а то и раньше. Да и многие женщины тоже. Но если вы по-прежнему любите друг друга и готовы продолжать, то обнимитесь.

Илэйн кинулась к Авиенде, и встречный порыв подруги едва не опрокинул ее. Девушки сжали друг друга в объятиях. Илэйн почувствовала, что из глаз у нее текут слезы, и поняла, что Авиенда тоже плачет.

– Мне очень жаль, – горячо зашептала Илэйн. – Прости, Авиенда.

– Прости меня, – шептала ей в ответ айилка. – Прости меня.

Монаэлле теперь стояла над ними.

– Каждая из вас еще узнает на себе гнев другой, вы будете говорить жестокие слова, но вы всегда будете помнить, что уже ударили ее. Ударили ее лишь потому, что вам велели так поступить. Если когда-то вам захочется ударить другую, то считайте, что этот удар уже нанесен. У вас тох друг к другу, тох, который вы не сможете заплатить и не станете и пытаться, поскольку каждая женщина – навсегда в долгу перед своей первой сестрой. Вы родитесь вновь.

Ощущение от саидар в комнате изменилось, но как именно, Илэйн не определила бы, даже явись у нее такая мысль. Свет померк, словно погасли все лампы. Прикосновение рук Авиенды перестало ощущаться. Звуки затихли. Последнее, что слышала Илэйн, был голос Монаэлле:

– Вы родитесь вновь.

Все исчезло. Она сама исчезла – будто перестала существовать.

Какой-то проблеск сознания. Она не думала ни о себе, ни о чем другом, просто что-то ощущала. Какой-то звук. Вокруг журчала жидкость. Приглушенное бульканье, неясный рокот. И ритмичные глухие удары. Это слышнее всего. *Ту-тук. Ту-тук.* Она не понимала почему, но ей было приятно. *Ту-тук.*

Время. Она не знала времени, однако проходили эпохи. Звук раздавался внутри нее, звук, который и *был* ею. *Ту-тук.* Тот же звук, тот же ритм. *Ту-тук.* И из другого места, ближе. *Ту-тук.* Другой. *Ту-тук.* Тот же звук, тот же стук. Нет, не другой. Они были одинаковы; они были едины. *Ту-тук.*

Вечность минула под этот мерный ритм, все существующее время. Она коснулась другой, той, которая была ею самой. Она могла чувствовать. *Ту-тук.* Она двигалась, она и та, другая, что была ею, они изгибались, руки и ноги сплетались, их разносило в стороны, но они всегда возвращались друг к другу. *Ту-тук.* Иногда появлялся во мраке свет; сумрак, недоступный зрению, но яркий для того, кто никогда не знал ничего, кроме тьмы. *Ту-тук.* Она открыла глаза, всмотрелась в глаза другой, которая была ею самой, потом, удовлетворенная, снова закрыла их. *Ту-тук.*

Внезапно случилась перемена, потрясая ту, которая не знала никаких перемен. Давление. *Ту-тук-ту-тук.* Это успокаивающее биение стало быстрее. Конвульсивное сдавливание. Вновь. Еще раз. Становится сильнее. *Ту-тук-ту-тук! Ту-тук-ту-тук!*

Внезапно другая, что была ею, – исчезла. Она осталась одна. Она не знала страха, но она испугалась и была одна. *Ту-тук-ту-тук!* Давление! Сильнее, чем прежде! Сдавливая ее, сминая ее. Если бы она знала, как кричать, если бы она знала, что такое крик, она бы вопила.

А потом свет, слепящий, и вокруг закружились образы. Она обрела вес; прежде она не ощущала никакого веса. Режущая боль в животе. Что-то щекотало ее ногу. Что-то щекотало спину. Поначалу она не поняла, что за крик рвется из нее. Она слабо задрыгала ногами, замаскировала руками, которые не знали, как двигаться. Ее подняли, положили на что-то мягкое, но тверже, чем она когда-либо раньше ощущала, не считая воспоминаний о другой, которая была ею, той, которая исчезла. *Ту-тук. Ту-тук.* Звук. Тот же звук, то же биение. Ее охватило одиночество, непонятное, но и удовлетворение тоже.

Медленно начала возвращаться память. Она приподняла голову и взглянула вверх, на лицо Эмис. Да, Эмис. Мокрое от пота и с усталыми глазами, но улыбающееся. И она была Илэйн; да, Илэйн Траканд. Но теперь в ней было еще что-то. Не похожее на узы Стража, но все же похожее. Слабее, но намного прекраснее. Медленно и неуверенно – шея дрожала – она повернула голову и увидела ту, которая была ею самой, лежащую рядом на груди Эмис. Увидела Авиенду: волосы той слиплись, лицо и тело блестело от пота. И она радостно улыбалась. Смеясь, плача, они обняли друг друга так крепко, словно не собирались никогда разжимать объятия.

– Это моя дочь Авиенда, – произнесла Эмис, – а это моя дочь Илэйн, рожденные в один день, в один час. Пусть они всегда оберегают друг друга, поддерживают друг друга, любят друг

друга. – Она тихонько засмеялась, устало и ласково. – А теперь пусть кто-нибудь принесет нам одежду, пока я и мои новые дочери не замерзли насмерть!

В эту минуту Илэйн было все равно, замерзнет она насмерть или нет. В слезах, смеясь, она сжимала в объятиях Авиенду. Она обрела свою сестру. О Свет, она обрела сестру!

Тувин Газал разбудил шум – шаги других женщин, приглушенные разговоры. Лежа на жесткой узкой койке, она с сожалением вздохнула. Ее руки, сжимавшие плотку Элайды, были всего лишь приятным сном. А эта крохотная каморка с парусиновыми стенами – реальность. Спала она плохо и чувствовала себя разбитой и измотанной. К тому же проспала и позавтракать вряд ли успеет. Тувин неохотно откинула одеяла. Прежде здание представляло собой что-то вроде склада, с толстыми стенами, низким потолком и тяжелыми массивными балками, но тепла оно не сохраняло. Из рта от дыхания вырывался пар, и не успела она опустить ноги на неструганные половицы, как сквозь сорочку сразу принялся кусать морозный утренний воздух. Но даже возникни у нее мысль еще понежиться в постели, того не позволили бы отданные ей приказы. Мерзкие узы Логайна не допускали неподчинения, как бы ей ни хотелось другого.

Тувин всегда старалась думать о нем как о просто Абларе, или в худшем случае – как о мастере Абларе, но всегда в голове появлялось имя Логайн. Имя, приобретшее печальную известность. Логайн, Лжедракон, разгромивший армии своего родного Гэалдана. Логайн, сметший с дороги немногих алтарцев и мурандийцев, у кого хватило духу попытаться остановить его, пока он не стал угрозой для самого Лугарда. Логайн, укрощенный и каким-то образом вновь обретший способность направлять Силу, посмеявшийся наложить проклятое плетение саидин на Тувин Газал. Какая жалость, что он не приказал ей перестать думать! Она *чувствовала* его, где-то в глубине своего сознания. Он всегда был там.

На миг Тувин крепко зажмурилась. О Свет! Ферма госпожи Довиль казалась Бездной Рока, многолетнее изгнание и бесконечное наказание – почти невыносимыми, как и то, что она превратилась в гонимую изменницу. Несколько дней не прошло с того дня, как ее захватили в плен, и она многое поняла. Вот она, Бездна Рока. И нет возможности ни бежать, ни спастись. Тувин сердито помотала головой, яростно стерла пальцами блестящую на щеках влагу. Нет! Она спасется, как-нибудь, но спасется, пусть только для того, чтобы на самом деле вцепиться в горло Элайде. Как-нибудь, но спасется.

В комнатке, не считая койки, было всего три предмета обстановки, но все равно свободного места почти не оставалось. Поясным ножом Тувин разбила ледок в стоявшем на умывальнике желто-полосатом кувшине, наполнила щербатый белый тазик и направила Силу, согревая воду, пока над тазиком не поднялся пар. Чтобы согреть воду, ей было позволено направлять. Но не более того. Механически она почистила зубы солью и содой, затем достала из маленького деревянного сундучка в ногах койки свежую сорочку и чулки. Свое кольцо Тувин хранила на самом дне, в маленьком бархатном мешочке. Тоже по приказу. Здесь были все ее вещи, кроме бювара. Когда ее захватили, бювар, к счастью, потерялся. Платья висели на вешалке – шкафа для них не было. Она не глядя выбрала одно, оделась и принялась расчесывать волосы щеткой и гребнем.

Украшенная костяной накладкой щетка замедлила движения, когда Тувин всмотрелась в свое отражение в убогом, с пузырями, зеркале. Прерывисто вздохнув, она положила щетку рядом с гребнем. Взятая наугад платье оказалось из плотной, тонкой шерсти красного цвета, столь темного оттенка, что казалось почти черным. Черным, как одежда Аша'манов. Ее искаженное отражение смотрело на нее, кривя губы. Сменить платье – означает в каком-то смысле признать свое поражение. И Тувин решительно сдернула с вешалки свой подбитый куницей серый плащ.

Когда она откинула парусиновый полог, в длинном центральном проходе, тянувшемся вдоль парусиновых выгородок, было уже около двадцати сестер. Некоторые тихонько перего-

варивались, но большинство избегали смотреть в глаза другим, даже членам собственной Айя. Страх владел всеми, но на многих лицах читался стыд. Акоура, коренастая Серая, смотрела на руку, на которой обычно носила свое кольцо. Десандре, Желтая, гибкая, как ивовый прут, прятала правую руку под мышкой.

При появлении Тувин тихие разговоры смолкли. Несколько женщин в упор посмотрели на нее. В том числе и Дженаре с Лемай, из той же Айя, что сама Тувин! Десандре уже настолько пришла в себя, что повернулась к ней спиной. За два дня чудовища в черных мундирах захватили в плен пятьдесят одну Айз Седай, и пятьдесят из них винили в этом несчастье Тувин Газал, как будто Элайда а'Ройхан тут вовсе ни при чем. Не вмешайся Логайн, уже в первую ночь здесь они выместили бы свое зло на Тувин. И Тувин вовсе не полюбила его за то, что он прекратил избиение и заставил Карниеле Исцелить рубцы от ремней и синяки, оставленные кулаками и ногами. Она предпочла бы оказаться забитой до смерти, чем быть у него в долгу.

Набросив на плечи плащ, Тувин с гордым видом прошла по коридору и шагнула под бледные лучи утреннего солнца, которые были под стать ее изнеможенному состоянию. В спину Тувин кто-то выкрикнул злые, обидные слова, а потом дверь, оборвав их, закрылась. Дрожащими руками Тувин натянула капюшон, спрятала лицо под темным мехом. Никто не смеет безнаказанно измываться над Тувин Газал. Даже госпожа Довиль, которая за несколько лет сумела добиться подобия повиновения, узнала об этом, когда изгнание окончилось. Она еще покажет им. Она еще всем им покажет!

Общая спальня пленниц находилась на окраине большого, довольно необычного поселения. Поселения Аша'манов. Как слышала Тувин, здания тут располагались так, что повторяли в миниатюре Белую Башню, но в большинстве из домов теперь жили. В каждой из пяти больших массивных каменных казарм, что стояли вдоль улиц, шириной не уступавших тарвалонским, могла поместиться сотня Аша'манов-солдат. Благодарение Свету, казармы были пока пусты; еще два здания с толстыми стенами, окруженные строительными лесами, присыпанными снегом, поджидали рабочих – оставалось доделать соломенные крыши. Около дюжины каменных зданий поменьше были построены для Аша'манов-посвященных – каждое под десять человек, еще одно достраивалось. А вокруг стояло почти две сотни обычных домов, какие можно увидеть в любой деревне; в них жили семейные мужчины и семьи тех, кто еще недалеко продвинулся в обучении.

Мужчины, обладавшие способностью направлять Силу, не пугали Тувин. Однажды, правда, она поддалась панике, но это к делу не относится. Однако пятьсот мужчин, способных направлять, были для нее что осколок кости между зубами, которого не вытащить. Пять сотен! И они могли Перемещаться – некоторые из них. Очень острый осколок кости. А до стены ей пришлось прошагать по снегу через лес с милю, если не больше. Вот это-то и пугало ее, это как раз имело значение.

Стена не была достроена, хотя достигала местами высоты в двенадцать, а то и в пятнадцать футов, башни и бастионы были едва начаты. Она могла бы взобраться в некоторых местах на груды черных камней, если бы не приказ не пытаться бежать. Тем не менее стена тянулась на восемь миль, и Тувин верила Логайну, который утверждал, будто ее начали возводить меньше трех месяцев назад. Ему нет нужды врать – слишком крепко он держал ее. Логайн назвал возведение стены пустой тратой времени и сил, и, возможно, так оно и было, но при виде ее Тувин скрипнула зубами. Всего три месяца. И с использованием Силы. Мужской половины Силы. Глядя на эту черную стену, она видела безжалостную мощь, которую невозможно остановить, катящуюся лавину, которая грозила похоронить под собой Белую Башню. Что, разумеется, невозможно. Невозможно, но когда Тувин не снились сны, как она душит Элайду, она видела сны о гибели Башни.

Ночью прошел снегопад, и крыши укрыло толстое белое одеяло, но по широкой улице Тувин двигалась без труда. Утоптанная земля была расчищена – это было частью обучения

мужчин, урок, который они выполняли до восхода. Они пользовались Силой всегда – начиная с укладки поленьев в дровяные ящики до чистки одежды! Тут и там по улице торопились мужчины в черном, еще больше их выстраивалось в шеренги перед казармами, кто-то громким голосом проводил переключку. Мимо них безмятежно проходили закутанные от холода женщины, неся корзины со склада или кожаные ведра с водой от ближнего источника, чего Тувин никак не могла взять в толк – как здесь могла оставаться хоть одна женщина, зная, кем стал ее муж? Вне ее разума было и другое: бегавшие по улицам дети; они шныряли среди черных каре мужчин, способных направлять Силу, смеялись и кричали, играли с обручами и мячами, возились с куклами и собаками. Штрих обыденности, который только усугублял остальную зловещую картину.

Навстречу Тувин по улице шагом двигался отряд верховых. За свое короткое пребывание здесь – целая вечность! – она ни разу не видела в поселении конных, только рабочих с повозками и фургонами. Никаких посторонних. Но некоторые из этого отряда являлись, похоже, почетными гостями. Пятеро мужчин в черном сопровождали дюжину людей в красных мундирах и плащах гвардии королевы, впереди ехали две светловолосые женщины, одна в красно-белом плаще, подбитом черным мехом, а вторая... У Тувин брови полезли на лоб. На второй были зеленые кандорские штаны и куртка, по покрою и отделке свидетельствовавшая о принадлежности капитан-генералу гвардии. На плече ее красного плаща даже красовались золотые банты, знак этого звания! Должно быть, насчет мужчин в красном Тувин ошиблась. Встретиться эта девица с настоящими гвардейцами, ей бы несладко пришлось. Как бы там ни было, для визитеров час слишком ранний.

Всякий раз, как странная процессия приближалась к очередному каре, воин перед строем выкрикивал: «Аша’маны, равняйся! Смирно!» – и под дружный стук каблуков по утопанной земле остальные застывали, точно каменные столбы.

Поглубже натянув капюшон и пряча лицо, Тувин отошла с середины улицы к углу одной из каменных казарм. Из дверей ее появился пожилой мужчина с раздвоенной бородой, на его ворота блеснула серебром эмблема в виде меча. Не замедляя шага, он с любопытством взглянул на Тувин.

И тут до нее дошло, что она сделала. Ее будто окатили ведром холодной воды, и она чуть не разрыдалась. Теперь ни одна из этих женщин не заметит лица Айз Седай, даже если они и способны узнать таковую. Если кто-то из них обладает способностью направлять, как бы невероятно это ни было, они не пройдут настолько близко, чтобы определить этот дар и в Тувин. Она страдает и изводится, не желая подчиняться Логайну, а потом безропотно, не задумываясь, исполняет его указания!

Как будто в знак неповиновения Тувин остановилась на месте, повернулась и стала наблюдать за гостями. Руки ее машинально поправили капюшон, прежде чем она успела прижать их к телу. И смешно, и грустно. Аша’мана во главе отряда она узнала – по крайней мере не раз видела его: массивный мужчина средних лет с сальными черными волосами, с елеинной улыбкой и многозначительным взглядом. Но остальных она не знала. Ну и на что она надеется? К чему ей этот факт? Как можно доверить кому-то из них послание? Даже провались эскорт сквозь землю, как ей подойти, чтобы передать записку, – ведь ей запрещено раскрывать посторонним, что в деревне есть Айз Седай?

Сегодняшние обязанности черноволосому явно уже наскучили, он зевал чуть ли не в открытую, лениво прикрывая рот рукой в перчатке.

– ...Когда мы осмотрим все тут, – говорил он, проезжая мимо Тувин, – я покажу вам городок ремесленников. Он побольше будет. У нас найдутся люди всяких профессий, от каменщиков и плотников до кузнецов и портных. Мы можем изготовить все, что нам нужно, леди Илэйн.

– Кроме репы, – высоким голосом сказала одна из женщин, а вторая рассмеялась.

Тувин вскинула голову. Она проводила взглядом всадников, двигавшихся по улице под выкрики приказов и стук каблуков. Леди Илэйн? Илэйн Траканд? Младшая из двоих вполне подходила под данное Тувин описание. Элайда не объясняла, почему ей так отчаянно хочется заполучить беглую принятую, пусть даже та и могла стать королевой, но Элайда не отпускала из Башни ни одной сестры, не распорядившись, как той поступить, если встретится случайно эта девчонка.

«Будь очень осторожна, Илэйн Траканд, – подумала Тувин. – Мне бы не хотелось, чтобы Элайда радовалась – а значит, не попадайся к ней в лапы».

Она задумалась было, нет ли способа воспользоваться присутствием здесь девушки, но неожиданно в глубине сознания ее возникло некое ощущение – умеренной удовлетворенности и нарастающей решимости. Логайн позавтракал. И скоро выйдет. А к этому времени он велел ей быть у него.

Не успела Тувин об этом подумать, как ноги сами пустились бегом. И в результате юбки запутались между ног, и Тувин грохнулась наземь. От падения перехватило дыхание. В душе вскипел гнев, но она поднялась на ноги и, даже не отряхнувшись, подхватила юбки выше колен и вновь припустила бегом. Плащ за спиной надулся пузырем. Вслед ей летели пронзительные крики мужчин, а ребятишки со смехом указывали на нее пальцами.

Вдруг откуда ни возьмись Тувин окружила стая собак – злобно рыча, псы норовили ухватить ее за пятки. Она запрыгала, завертелась, принялась отбиваться ногами, но собаки не отставали. Ей хотелось завопить от ярости и огорчения. Вечно от собак неприятности, а она не может и капельки Силы направить, чтобы их отогнать. Серая псина вцепилась в подол, потянула в сторону. Тувин охватила паника. Если она упадет, собаки разорвут ее в клочья.

Какая-то женщина в коричневой шерстяной одежде закричала и с размаху швырнула тяжелое ведро в собаку, державшую Тувин за юбку. Псина шарахнулась; круглая бадья угодила пятнистой дворняге по ребрам, и, затявжав, та кинулась прочь. Тувин в удивлении оглянулась, и это ей дорого обошлось: другая собака вцепилась в ее левую ногу, разорвала клыками чулок и содрала лоскут кожи. Тут Тувин окружили женщины, отгоняя чем попало наседавших на нее собак.

– Ступай своей дорогой, Айз Седай, – сказала костлявая седая женщина, стегая кнутом пятнистого пса. – Больше они тебя не тронут. Я бы завела себе кошечку, но кошки теперь не выносят моего мужа. Иди.

Тувин, не задержавшись даже поблагодарить спасительниц, побежала дальше. Она лихорадочно соображала. Женщины знали. Раз знает одна, знают и все. Но они не станут передавать посланий, не помогут при побеге – нет, коли сами остаются здесь. Сознательно они помогать не будут. Так-то.

Неподалеку от дома Логайна, на одной из боковых узких улиц Тувин замедлила шаг и поспешно опустила юбки. У порога ждали восемь или девять человек в черных куртках – мальчики, старики и зрелые мужчины, – но Логайна среди них еще не было. Она по-прежнему ощущала его – преисполненного целеустремленности, сосредоточенного. Наверное, читает. Остаток пути Тувин проделала с уверенным видом. Воплощение спокойствия, до кончиков ногтей Айз Седай, каковы бы ни были обстоятельства. Ей почти удалось выбросить из памяти свое паническое бегство от собак.

Всякий раз, как Тувин видела дом, она не переставала удивляться. Другие дома на этой улице не уступали ему размерами, два были даже больше. Обычный деревянный двухэтажный дом, только вот странно смотрелись красные дверь, ставни и оконные рамы. Стекла в окнах были столь скверного качества, что Тувин сомневалась, сумела бы она что-нибудь разглядеть внутри, будь даже отдернуты занавески. В таком неказистом доме мог жить не слишком преуспевающий лавочник; слишком уж мало он походил на резиденцию одного из самых печально известных людей этого времени.

Тувин недоуменно оглянулась, высматривая Габрелле. Где она? Вторая сестра, связанная узами с Логайном, получила те же указания, что и Тувин, и до сих пор всегда оказывалась на месте первой. Габрелле так увлеченно изучала Аша'манов, словно собиралась написать о них книгу. Возможно, это предположение недалеко от истины; Коричневых хлебом не корми, дай только какой трактат составить. Тувин выбросила мысли о Коричневой сестре из головы. Если Габрелле опоздает, тогда и посмотрим, как она будет выкручиваться. А пока у Тувин есть чем заняться.

Стоявшие у красной двери мужчины оглядели Тувин, но ничего не сказали. Враждебности в этом не было. Они просто ждали. Дыхание белесыми облачками клубилось у лиц, но плащей на мужчинах не было. Все имели ранг посвященных и носили на ворота серебряный значок в виде меча.

И так каждое утро, когда Тувин докладывала о своем приходе, правда, у дома не всегда ждали одни и те же мужчины. Некоторых она знала, во всяком случае, по именам. Красавчик Эвин Винчова – он был в том лесу, когда ее захватил Логайн, – прислонился к углу дома и забавлялся с веревочкой. Донало Сандомер, если таково было его настоящее имя, с морщинистым лицом фермера и остроконечной напояженной бородкой, пытался принять томную позу, каковая, по его разумению, свойственна людям благородного звания. Тарабонец Анд-рол Генхальд, коренастый и широкоплечий, задумчиво супил брови, заложив за спину руки; он носил золотое кольцо-печатку, но Тувин считала его подмастерьем, сбившим усы и снявшим вуаль. Мезар Курин, доманиец с седыми висками, теребил в левом ухе серыгу с гранатом; весьма вероятно, он принадлежал к какому-нибудь незначительному Дому. Мысленно Тувин тщательно раскладывала по полочкам имена и лица. Раньше или позже их придется выследить, и тогда пригодится любая деталь, которая поможет их опознать.

Красная дверь открылась, мужчины выпрямились, но на пороге появился вовсе не Логайн.

Тувин удивленно моргнула, потом в упор взглянула в зелено-карие глаза Габрелле, не стараясь скрыть своего отвращения. Благодаря этим проклятым узам с Логайном она знала, чем занимался тот прошлой ночью – ей казалось, что она никогда не заснет! – но и в самых ужасных предположениях она не допускала, что с ним Габрелле! Кое-кто из мужчин был изумлен не меньше. Некоторые прятали улыбки. Курин в открытую ухмыльнулся и большим пальцем пригладил тоненькие усики.

Гадкая женщина даже покраснеть не удосужилась. Она подняла свой вздернутый нос, затем нахально оправила на бедрах темно-синее платье, словно бы обращая всеобщее внимание на свой наряд. Затем, накинув на плечи плащ и завязывая шнурки, двинулась к Тувин, серьезная, какой бывала в Башне.

Тувин схватила ее за руку, оттащила в сторону от мужчин.

– Может, мы и пленницы, Габрелле, – резко зашептала она, – но это еще не причина сдаваться. Тем более не причина уступать мерзкой похоти Аблара! – На лице Габрелле не было заметно и капли смущения или стыда. И тут Тувин осенило. Ну конечно. – Неужели он... Он тебе приказал?

Издав нечто вроде презрительного хмыканья, Габрелле высвободила руку.

– Тувин, мне понадобилось два дня, чтобы решить, стоит ли, как ты сказала, «уступить» его похоти. Считаю, мне повезло, что я всего за четыре дня убедила его подпустить меня к себе. Возможно, вам, Красным, и неведомо это, но мужчины любят болтать и сплетничать. Нужно лишь слушать или хотя бы притворяться, что слушаешь, и мужчина выложит тебе всю свою жизнь. – Лоб ее пересекла задумчивая морщинка, кривая усмешка пропала с губ. – Интересно, похоже ли это на то, что бывает с обыкновенными женщинами?

– Что на что похоже? – требовательно спросила Тувин. Габрелле за ним *шпионит*? Или просто пытается собрать побольше материала для своей книги? Но такое просто невероятно, даже для Коричневой! – О чем ты говоришь?

Задумчивое выражение не сходило с лица Габрелле.

– Я чувствовала... беспомощность. О, он был нежен, но я никогда раньше не думала, как сильны мужские руки, а я не в состоянии и капельки Силы направить. Он был... главное, так я думаю, хотя это и не совсем правильно. Скорей... сильнее, и я это понимала. Такое странно волнующее чувство... будто голова кружится.

Тувин содрогнулась. Габрелле наверняка рехнулась! Она только собралась заявить ей об этом, как из дома появился сам Логайн. Он был высок ростом, выше любого мужчины возле его красной двери, надменное лицо обрамляли темные волосы, спускавшиеся на широкие плечи. На высоком вороте его куртки красовались серебряный меч и та нелепая змея с лапами. Логайн закрыл за собою дверь и одарил Габрелле улыбкой. Эта вертихвостка улыбнулась ему в ответ. Тувин вновь содрогнулась. Волнующее! Габрелле *точно* ума лишилась!

Собравшиеся мужчины, как обычно по утрам, начали докладывать Логайну. Тувин почти никогда не могла определить, кто из них по положению старше или младше, но слушала внимательно.

– Логайн, я отыскал еще двоих, кто, по-видимому, интересуется тем новым способом Исцеления, который применила к тебе Найнив, – хмурясь, сказал Генхальд, – но один едва ли способен на то Исцеление, какое нам известно, а второй... Он желает знать больше, чем я мог ему сказать.

– Вряд ли ты расскажешь ему больше, чем знаю я, – отозвался Логайн. – Госпожа ал’Мира мало чем поделилась со мной. И мне удалось разузнать лишь крохи и обрывки, прислушиваясь к разговорам других сестер. Просто бросай семена и надейся, что будут всходы. Это все, что нам под силу.

Вслед за Генхальдом закивали и еще несколько мужчин.

Тувин взяла кое-что на заметку. Найнив ал’Мира. По возвращении в Башню она частенько слыхала это имя. Еще одна беглая принятая – еще одна, кого желала заполучить в свои руки Элайда, и это желание превосходило всякие разумные границы. И она из той же деревни, что ал’Тор. И как-то связана с Логайном. Что со временем могло к чему-то привести. Но *новый* способ Исцеления? Использованный *принятой*? Невероятно – да даже и невозможно, но Тувин уже не раз становилась свидетельницей невозможного, так что она запрятала услышанное поглубже. Как она заметила, Габрелле тоже внимательно слушала. Вдобавок и за Тувин наблюдала краем глаза.

– Кое с кем из двуреченцев есть трудности, Логайн, – заявил Винчова. На его гладком лице выступили пятна от гнева. – К тому же это сущие мальчишки! Тем двоим от силы четырнадцать! А сколько им на самом деле, они не говорят. – Сам-то он был всего на год-два постарше, судя по юношескому пушку на щеках. – Это преступление – привести их сюда.

Логайн покачал головой, но с сожалением или в гнев – было не определить.

– Я слыхал, в Белую Башню забирают девочек двенадцати лет. Если получится, присматривай за двуреченцами. Няничься нельзя, иначе на них остальные ополчатся, но постарайся, чтобы они не наделали глупостей. Лорду Дракону вряд ли понравится, если мы убьем слишком много его земляков.

– По-моему, ему до них дела нет, – пробормотал лощеный малый. В его речи явственно слышался мурандийский выговор, хотя лихо закрученные усы и так говорили, откуда он родом. Он сосредоточенно перекачивал между пальцев серебряную монету, что, казалось, ничуть не мешало его разговору с Логайном. – Слышал я, сам лорд Дракон велел М’Хаэлю выкорчевать в Двуречье все мужское, что способно направлять. Под корень извести. И тот стальных привел, что я удивился, как он не приволок заодно барашков с петушками.

Его острота была встречена ухмылками, но ровный тон Логайна пресек их, как отрезал. – Что бы ни приказывал лорд Дракон, я надеюсь, мои приказы совершенно ясны.

На этот раз коротко кивнули все, а кое-кто даже пробормотал: «Да, Логайн» и «Как скажешь, Логайн».

Тувин поспешила стереть с лица презрительную усмешку. Невежественные олухи. Башня принимает девочек младше пятнадцати, только если они уже начали направлять Силу. Впрочем, остальное из услышанного представляет определенный интерес. Опять Двуречье. Чуть ли не каждый твердит, что ал'Тор повернулся спиной к своей родине, однако Тувин не была в этом уверена. Почему Габрелле за ней наблюдает?

– Прошлой ночью, – помолчав, заметил Сандомер, – я узнал, что М'Хаэль дает отдельные уроки Мишраилу. – Он потербил остроконечную бородку с таким довольным видом, точно отыскал драгоценный самоцвет.

Возможно, так и есть, но Тувин не могла сказать, чем же ценно его сообщение. Логайн медленно кивнул. Другие молча переглянулись, лица их были будто высечены из скалы. Глядя на них, Тувин испытала разочарование. Слишком часто так случалось: они не видели смысла комментировать какие-то события – или боялись? – и она не понимала сути происходящего. Она чувствовала, что за умалчиванием этим кроются драгоценные зерна, но достать их была не в силах.

Низкорослый, едва по грудь Логайну, но широкоплечий кайриэнец открыл было рот, но Тувин так и не узнала, хотел он сказать еще что-то о Мишраиле или о другом.

– Логайн! – По улице во всю прыть, громко топоча сапогами, неся Вэлин Каджима. Мелко позвякивали колокольчики в его косичках. Еще один посвященный, чересчур улыбчивый мужчина средних лет, он тоже был с Логайном, когда тот пленил Тувин. Каджима был связан узами с Дженаре. Он тяжело дышал, и улыбки на лице его сейчас не было. Протолкавшись к Логайну и едва переведя дыхание, Каджима заговорил: – Логайн, из Кайриэна вернулся М'Хаэль. На доске у дворца он написал имена новых дезертиров. Ты не поверишь, кто они!

И срывающимся от волнения голосом он единым духом огласил имена. То и дело его прерывали изумленные восклицания других, так что Тувин почти ничего не удалось расслышать.

– Посвященные и раньше дезертировали, – пробормотал кайриэнец, когда Каджима договорил, – но такого никогда не случалось с теми, кто получил звание Аша'мана. А теперь семеро? И сразу?

– Если мне не веришь... – начал Каджима, нервно вытягиваясь во весь рост. В Арафеле он был писцом.

– Мы тебе верим, – поспешил его успокоить Генхальд. – Но Гедвин и Торвал, они же из людей М'Хаэля. Рочайд и Кисман – тоже. С чего бы им дезертировать? Он давал им все, в пору королям.

Каджима недовольно покачал головой, отчего его колокольчики тихонько зазвенели.

– Вы же знаете, в списке только имена. О причинах никогда не говорится.

– Тем лучше – пусть катятся, – прорычал Курин. – А еще лучше, если не нам придется их теперь отслеживать.

– Вот других я не пойму, – вмешался Сандомер. – Я был у Колодцев Дюмай. И видел потом, как выбирал лорд Дракон. Ну, Дашива, этот как всегда, в облаках витал. Но Флинн, Хопвил, Наришма? Счастливее людей не было. Они были все равно что ягнята, которых в амбар с зерном пустили.

Седоватый крепыш сплюнул.

– Не знаю, у Колодцев я не был, но побывал на юге, против шончан. – Выговор у него был андорский. – Видать, ягням не так понравилось на скотобойне, как в амбаре.

Логайн сложил руки на груди и слушал, не вмешиваясь в разговор. Его непроницаемое лицо, точно маска, скрывало все мысли. А потом он спросил:

– А тебя, Канлер, беспокоит скотобойня?

Андорец поморщился, потом пожал плечами.

– По-моему, мы туда прямиком и идем. Раньше, позже, все там будем, Логайн. Особого выбора у нас вроде и нет, но смеяться над этим я бы не стал.

– Это от настроения зависит, – негромко заметил Логайн. Он обращался к человеку, которого назвал Канлером, но согласно закивали все остальные.

Логайн, бросив взгляд за спины мужчин, заметил Тувин и Габрелле. Тувин всем своим видом постаралась показать, что ничуть не подслушивала, а сама мысленно твердила услышанные имена.

– Здесь холодно, ступайте в дом, – велел женщинам Логайн. – Сделайте себе чаю, согрейтесь. Я приду, как только смогу. И не трогайте мои бумаги.

Знаком подозвав к себе Аша'манов, он повел их по улице в ту сторону, откуда появился Каджима.

Тувин разочарованно скрипнула зубами. Хоть у нее и не получилось сопровождать Логайна туда, где проходила подготовка, мимо так называемого Древа изменников, где на голых сучьях больными плодами торчали отрубленные головы, и понаблюдать за тем, как мужчины учатся уничтожению с помощью Силы, тем не менее она надеялась, что придет день, когда она сможет свободно бродить где вздумается и разузнает побольше. Тувин и раньше слышала, как мужчины упоминают «дворец» Таима, и сегодня рассчитывала увидеть его и, может, хоть одним глазком взглянуть на человека, чье имя обрело столь же мрачную славу, что и имя Логайна. Вместо этого она покорно шагнула вслед за Габрелле за красную дверь. Сопrotивляться бесполезно.

Войдя, Тувин обвела внимательным взором переднюю, а Габрелле тем временем повесила плащ на колышек. Внутри Тувин ожидала увидеть нечто грандиозное, соответствующее славе Логайна, пусть внешне дом его и выглядел неказисто. В сложенном из нетесаного камня очаге горел огонь. Голые половицы, длинный узкий стол, простые стулья. Внимание ее привлек письменный стол, отличавшийся несколько лучшей отделкой, чем прочая мебель. На нем стояло множество закрытых шкатулок для писем, валялись кожаные папки с бумагами. У Тувин буквально зачесались руки, но она знала, что, даже усевшись за стол, не сможет и пальцем коснуться ничего, кроме ручки и стеклянной чернильницы.

Вздыхнув, Тувин двинулась за Габрелле на кухню, где дышала жаром растопленная железная плита и на низком шкафчике возле окна стояли грязные тарелки с остатками завтрака. Габрелле наполнила чайник водой и поставила на плиту, затем из другого шкафчика достала зеленый глазурированный заварник и деревянную чайницу. Тувин бросила плащ на стул и села за квадратный стол. Чаю ей вовсе не хотелось – разве что вместе с завтраком, на который она не успела, – но пить придется.

Глупая Коричневая принялась болтать, одновременно возясь с посудой и чаем, будто довольная жизнью фермерская женка.

– Я уже о многом разузнала. Логайн – единственный полный Аша'ман, кто живет в самом поселении. Все остальные живут у Таима во «дворце». У них есть слуги, но Логайн нанял жену одного из тех, кто проходит обучение. Она готовит для него и убирается. Скоро она придет, а поскольку она считает, что благодаря ему восходит солнце, нам лучше к ее приходу закончить мало-мальски важные разговоры. Он нашел твой бювар.

Тувин почувствовала, как ледяная рука стиснула ее горло. Она постаралась скрыть свое потрясение, но Габрелле смотрела на нее в упор.

– Он сжег его, Тувин. После того, как все прочитал. Кажется, он думает, что сделал нам одолжение.

Рука ослабила хватку, и Тувин сумела вздохнуть.

– В моих бумагах был приказ Элайды. – Она откашлялась, чтобы избавиться от хрипоты в голосе. Приказ Элайды гласил – укротить всех обнаруженных здесь мужчин, а затем сразу же повесить, без судебного разбирательства в Тар Валоне, какового требует закон Башни. – Она требовала применения суровых мер, и эти мужчины могли отреагировать сурово, если бы узнали о содержании приказа. – Несмотря на исходящий от плиты жар, Тувин пробрал озноб. Эта одна-единственная бумажка могла дорого обойтись им всем – их могли бы усмирить и повесить. – А зачем Логайну делать нам одолжение?

– Не знаю, Тувин. Он – не злодей, как, в общем-то, и большинство людей. Может, в этом и все дело. – Габрелле поставила на стол тарелку с хрустящими булочками и еще одну, с белым сыром. – Или же в том, что эти узы гораздо больше сходны с узами Стража, чем мы полагаем. Может, ему не хотелось испытать, что будет, если нас обеих казнят.

В желудке Тувин все перевернулось, но булочку она взяла как ни в чем не бывало.

– Подозреваю, «сурово» – еще мягко сказано, – продолжала Габрелле, ложечкой засыпая чай в заварочный чайник. – Я заметила, как ты дернулась. Разумеется, они пошли на риск, приведя нас сюда. Пятьдесят одна сестра! И пусть на нас наложены узы, но они должны опасаться, что мы отыщем способ обойти их приказы, какую-нибудь щелку, которую они проглядели. Ответ очевиден – если мы погибнем, гневу Башни не будет предела. А раз мы живы и в плену, даже Элайда станет вести себя осмотрительно. – она засмеялась, негромко и весело. – Ну и лицо у тебя, Тувин. По-твоему, я все время только и думала, как бы запустить пальцы в шевелюру Логайна?

Тувин захлопнула рот и отложила нетронутую булочку. Все равно холодная и черствая на ощупь. Пожалуй, это было ошибкой – считать Коричневых оторванными от мира, погруженными в свои книги и исследования и не замечающими больше ничего вокруг.

– Что еще ты видела?

Габрелле, все еще держа ложку в руке, села за стол напротив Тувин и наклонилась к ней.

– Их стена, может, и будет мощной, когда ее закончат, но здесь полно трещин. Есть клика Мазрима Таима, есть сторонники Логайна, хотя я не уверена, отдадут ли оба себе в этом отчет. Возможно, существуют и другие группировки, и, конечно, найдутся и такие мужчины, которые ни о чем не ведают. Пятьдесят одна сестра – ужели мы не можем воспользоваться этим обстоятельством, даже и при узах? Второй вопрос: что *мы* от этого получим?

– Второй вопрос? – переспросила Тувин, но собеседница ее молча ждала ответа. – Если мы сумеем вбить клин в щели и расширить их, – наконец промолвила она, – мы рассеем по миру десять, пятьдесят, а то и сотню банд, каждая опаснее любой виденной нами армии. Чтобы переловить всех, потребуется целая жизнь, и мир может постигнуть нечто вроде нового Разлома, и это тогда, когда грядет Тармон Гай’дон. Именно так, если этот пресловутый ал’Тор и в самом деле Возрожденный Дракон. – Габрелле открыла было рот, но Тувин отмахнулась. Весьма вероятно, он и есть Дракон Возрожденный. Впрочем, в данный момент это вряд ли имеет значение. – Но если мы не... Подавить бунт, собрать всех сестер в Башню, отозвать всех ушедших на покой сестер – и то не знаю, сумеем ли мы все вместе уничтожить это место. Полагаю, при этом погибнет половина Башни. А какой первый вопрос?

Габрелле откинулась на спинку стула, лицо ее вдруг стало усталым.

– Да, решить не просто. И каждый день они приводят еще больше мужчин. Полагаю, пятнадцать-двадцать с того дня, как мы здесь.

– Габрелле, довольно шуточки шутить! Что за первый вопрос?

Взгляд Коричневой сестры стал пронзительнее, и она долго не сводила своего взора с Тувин.

– Скоро первоначальный шок пройдет, – в конце концов произнесла она. – И что потом? Власти, данной тебе Элайдой, больше нет; поход окончен. И первый вопрос: едины ли мы, пятьдесят одна сестра, или вновь превратимся в Коричневых и Красных, Желтых, Зеленых

и Серых? И отдельно – бедная Аяко, которая горько жалеет, что Белые настояли на участии в походе сестры от их Айя. Самое высокое положение среди нас занимают Лемай и Десандре. – Габрелле предостерегающе взмахнула ложкой. – Единственный для всех шанс удержать единство – это нам с тобой публично признать главной Десандре. Мы должны так поступить! Во всяком случае, это будет началом. Надеюсь. Если мы сумеем объединиться хотя бы еще с несколькими, начало будет положено.

Тувин глубоко вздохнула и сделала вид, что задумалась, глядя в никуда. Само по себе подчинение сестре, занимающей более высокое положение, не столь неприятно. У всех Айя есть свои тайны, порой они немного интригуют друг против друга, но теперешний открытый раскол в Башне ее ужасал. Кроме того, она узнала, что значит смирение – смирению ее научила госпожа Довиль. Интересно, понравился ли той нищенский труд на ферме при надсмотрщице, которая посуровей ее самой?

– Я смогу пойти на это, – наконец сказала Тувин. – Нам нужен план действий, чтобы убедить Десандре и Лемай. – Отчасти план у нее уже был, правда, придумывала она его не для того, чтобы выносить на чей-то суд – чей бы он ни был. – Ой, Габрелле, вода кипит.

Глупая женщина, вдруг улыбнувшись, встала и заторопилась к плите. Все-таки Коричневые всегда лучше разбирались в манускриптах, чем в людях. Прежде чем Логайн и Таим, а с ними и все прочие, будут уничтожены, они помогут Тувин Газал низвергнуть Элайду.

Своей громадой, упряманной за массивными стенами, стольный город Кайриэн прижимался к реке Алгуэнья. Небо было чистым и безоблачным, но задувал холодный ветер, и под яркими солнечными лучами сверкал засыпавший крыши снег, искрились не желавшие таять сосульки. Алгуэнья не замерзла, но с верховьев течение несло небольшие неровные льдины. Они кружились на стремнине, глухо ударялись о борта кораблей, ожидавших у причалов своей очереди на разгрузку. Зима и война, а еще и появление Дракона Возрожденного не лучшим образом сказывались на торговле, но она не знала перерыва: торговля замирает только с гибелью страны. Несмотря на холод, по улицам города, террасами прорезавшим склоны холмов, шли люди, катились фургоны и телеги. Го`рода, который здесь называли Столицей.

Перед уступчатыми квадратными башнями Солнечного дворца, возле длинного въезда, собралась толпа, глазевшая на дворец. Купцы в одеждах из тонкой шерсти и благородные господа в бархате стояли рядом с чумазыми работниками и еще более грязными беженцами. Никому не было дела до того, кто подпирает рядом плечо, и даже карманники забыли о своем ремесле. Посмотрев на дворец, мужчины и женщины уходили, покачивая головами, но им на смену вставали другие, порой подсаживая детей, чтоб им было лучше видно разрушенное крыло дворца, где рабочие расчищали развалины третьего этажа. Во всем Кайриэне слышались удары молотов, скрип тележных осей, выкрики лавочников, сетования покупателей, бормотание купцов. Толпа же перед Солнечным дворцом хранила молчание.

В миле от дворца, в претенциозно названной Академии Кайриэна, Ранд стоял у окна и сквозь заиндевевшее стекло смотрел на мощеный конюшенный двор. Во времена Артура Ястребиное Крыло, да и раньше, существовали школы, называемые академиями, – центры знаний, куда со всех уголков мира стекались ученые. Тщеславие тут роли не играло; пусть хоть Сараем зовут, лишь бы делали то, чего он хочет. Куда более важные дела не оставляли мыслей Ранда. Не допустил ли он ошибки, так рано вернувшись в Кайриэн? Но у него не оставалось времени, и он вынужден был бежать, чтобы в нужном месте узнали, что он действительно бежал. Бежал поспешно и не имея времени подготовиться. Однако оставались вопросы, которые нужно было задать, и дела, которые нельзя отложить. И Мин хотела забрать книги мастера Фила. Ранд слышал, как она бормочет себе под нос, копаясь среди полок, куда убрали книги после смерти Фила. Похоже, вскоре библиотеке Академии станет тесно в отведенных ей комнатах бывшего дворца лорда Бартанеса, тем более недавно объявили, что библиотека купит отсутствующие у

нее книги и рукописи и скупиться не станет. Где-то в глубине сознания Ранда сидела Аланна; судя по всему, она пребывала в мрачном расположении духа; уж она-то узнает, что Ранд в Столице. Находясь так близко, она могла бы отправиться напрямик к нему, но о подобной ее попытке он узнал бы. Благодарение небесам, что Льюс Тэрин сейчас умолк. В последнее время он кажется безумнее прежнего.

Ранд протер рукавом от инея кусочек оконного стекла. Добротная темно-серая шерсть, в самый раз для человека, у которого водятся деньги и который о себе высокого мнения, – и навряд ли такая одежда подходит для Дракона Возрожденного, каким его рисует молва. На запястье блеснула металлом златогривая драконья голова; здесь это не опасно. Наклонившись к стеклу и глядя во двор, Ранд ненароком коснулся сапогом лежавшей под окном кожаной сумы.

Каменные плиты конюшенного двора были расчищены от снега, и в центре стояла большая повозка. Ее, точно выросшие на поляне грибы, окружали ведра и бадьи. С полдюжины мужчин в тяжелых куртках, шарфах и шапках что-то делали с необычным грузом фургона; механические устройства густо облепили толстый металлический цилиндр, занимавший более половины кузова повозки. Еще страннее – у фургона отсутствовали оглобли. Один из мужчин перекладывал наколотые поленья из большой тележки в боковину металлического ящика, прикрепленного ниже одного конца цилиндра. В ящике горел огонь, в открытую дверцу виднелись красные отсветы, а из высокой узкой трубы шел дым. Возле фургона сутился бородатый лысый мужчина. Шапки на нем не было. Он размахивал руками, куда-то указывал и, по-видимому, выкрикивал какие-то распоряжения, которые, впрочем, ничуть не подгоняли остальных. Дыхание людей вилось белыми султанчиками. В комнате же было почти тепло – благодаря большим печам в подвалах Академии и разветвленной системе отопления и вентиляции. Полуисцеленные незаживающие раны на боку Ранда горели.

Он не мог разобрать приглушенные чертыханья Мин – но был уверен, что она именно ругается, и, судя по тону, они не уйдут отсюда, если только ее за шкуру не выволочь. Впрочем, можно еще кое о чем спросить.

– Что говорят люди? О дворце?

– Легко догадаться, – отвечал из-за спины Ранда лорд Добрэйн – с бесконечным терпением, как он отвечал и на все прочие вопросы. Даже когда он признавал, что чего-то не знает, тон его нисколько не менялся. – Некоторые говорят, что на вас напали Отрекшиеся. Или Айз Седай. Те, кто думает, будто вы поклялись в верности Айз Седай, склонны полагать, что Отрекшиеся. В любом случае вовсю обсуждают, погибли вы, похищены или сбежали. Большинство считает, что вы живы, где бы вы ни были, или же говорят, что так думают. Некоторые – и боюсь, таких немало – считают... – он умолк.

– Что я сошел с ума, – закончил за Добрэйна Ранд таким же ровным тоном. Не стоит о том ни волноваться, ни сердиться. – Что я сам разрушил часть дворца? – Ему не хотелось говорить о погибших. Их было меньше, чем в другое время, в других местах, но все равно много, и отдельные имена встают перед мысленным взором, стоит только закрыть глаза. Один из людей внизу слез с фургона, но лысый поймал его за руку и потащил обратно, заставляя показать сделанное. Еще один из рабочих, неосторожно спрыгнув на мостовую по другую сторону фургона, поскользнулся, и лысый, бросив первого, обежал фургон и заставил второго тоже забраться наверх следом за собой. Что, во имя Света, они делают? Ранд оглянулся через плечо. – И не так уж они не правы.

Добрэйн Таборвин встретил его взгляд бесстрастными темными глазами. Это был низкорослый мужчина, с бритой спереди и припудренной по этикету головой. Красивым Добрэйна не назовешь, но замечательна его уравновешенность. Спереди на его темном бархатном кафтане от шеи и почти до колен были нашиты синие и белые полосы. В кольце-печатке сверкал резной рубин, и еще один рубин был приколот на вороте – не слишком крупный, но для кайриэнца вызывающе яркий. Добрэйн являлся верховной опорой своего Дома, и за спиной у него

было сражений побольше, чем у многих, и напугать его могло мало что. Доказательством чему была битва у Колодцев Дюмай.

Но на Ранда смотрела без страха и приземистая седеющая женщина, терпеливо ожидавшая своей очереди подле Добрэйна. Платье Идриен Тарсин, шерстяное, практичного коричневого цвета, простотой наводившее на мысль о лавочнице, резко контрастировало с элегантной придворной одеждой Добрэйна, однако у Идриен был свой источник власти и достоинства. Она занимала пост главы Академии, звание, которое она сама себе присвоила, поскольку большинство ученых и механиков стали называть себя мастерами того, учителями сего, а то и магистрами. Школой она управляла твердой рукой и возлагала надежды на сугубо практические вещи, например на новые способы мощения дорог или создания красок, на усовершенствования в литейном или мельничном деле. И еще она возлагала надежды на Дракона Возрожденного. Практично это или нет, но, во всяком случае, прагматично, и ему придется довольствоваться этим.

Ранд вновь повернулся к окну и расчистил кусочек стекла побольше. Возможно, сооружение предназначено для нагревания воды – в некоторых ведрах вроде как еще оставалась вода; а в Шайнаре для нагревания воды в банях используются большие котлы. Но при чем тут фургон?

– Никто не уходил после моего появления? Или, может, пришел неожиданно?

Никого на самом деле Ранд не ждал, никого, кто представлял бы для него интерес. Голубиная почта купцов, глаза-и-уши Белой Башни – и Мазрим Таим, о котором он не должен забывать; при этом имени Льюс Тэрин нечленораздельно зарычал, – со всеми этими голубями, шпионами, соглядатаями, болтливыми языками весь мир через несколько дней узнает, что он пропал из Кайриэна. Кайриэн больше не будет полем грядущей битвы. Но ответ Добрэйна удивил Ранда.

– Никто, разве что... и одна из высокопоставленных особ Морского народа. Обе исчезли после... нападения. – Еле заметная пауза. Возможно, он и сам не был уверен, что же произошло. Однако данное слово он сдержит. Свою верность Добрэйн доказал у Колодцев Дюмай. – Тела не обнаружены, но их могли убить. Тем не менее Госпожа Волн Морского народа отказывается допускать подобную возможность. Она подняла сущую бурю, требуя отыскать ее женщину. По правде сказать, Айлил могла убежать из города. Или отправилась к своему брату, несмотря на данную вам клятву. Ваши три Аша'мана по-прежнему в Солнечном дворце. Флинн, Нарисша и Хопвил. Из-за них люди нервничают. Теперь еще больше, чем раньше.

Глава Академии издала горлом какой-то звук и переступила с ноги на ногу, шаркнув туфлей по половице. Она-то точно нервничает из-за них.

Ранд выбросил Аша'манов из головы. Находясь в Солнечном дворце, на таком удалении от Академии, ни один из них не почувствовал, как он открыл здесь переходные ворота, – не настолько они сильны. Эти трое не участвовали в нападении, однако тому, кто составил план атаки, нельзя отказать в уме, он вполне мог предусмотреть возможность неудачи. И вполне мог запланировать другой сюрприз, заранее приставив своих людей к Ранду – на случай, если тот уцелеет.

«Ты не уцелеешь, – прошептал Льюс Тэрин. – Никто из нас не уцелеет».

«Сгинь, усни», – раздраженно подумал Ранд. Он и сам знал, что ему не уцелеть. Но выжить хотелось. Ответом ему стал раздавшийся в голове иронический хохот, вскоре затихший. Лысый мужчина во дворе теперь разрешил всем спуститься с фургона и с довольным донельзя видом потирал руки. Ну и ну, да он, похоже, собрался речь произнести!

– Айлил и Шалон живы, и они не сбежали, – громко сказал Ранд. Он их связал, заткнул рты и засунул под кровать, где их через несколько часов обязательно обнаружили бы слуги, хотя щит, сплетенный им на Ищущей Ветер Морского народа, должен был распутиться еще

раньше. Тогда обе женщины освободились бы сами. – Присмотритесь к Кадсуане. Она могла увести их во дворец леди Арилин.

– Кадсуане Седай приходит в Солнечный дворец и покидает его, когда захочет, словно он ее собственный, – рассудительно произнес Добрэйн, – но как она вывела бы их незамеченными? И зачем? Айлил – сестра Торама, но его претензии на Солнечный трон и раньше были призрачны, а теперь все равно что пыль. И она никакой важности не имеет, даже как пешка в игре. А что касается того, чтобы удерживать высокопоставленную Ата'ан Миэйр... С какой целью?

Ранд постарался придать голосу беспечность и легкость.

– А зачем, Добрэйн, она удерживает в «гостях» леди Каралайн и благородного лорда Дарлина? Зачем Айз Седай что-то делают? Вы найдете их там, где я сказал. Если она вас выпустит.

«Зачем?» – вопрос совсем не глупый. Просто у него нет ответа. Разумеется, Каралайн Дамодред и Айлил Райатин представляют два последних Дома, удерживавших Солнечный трон. И Дарлин Сиснера возглавлял ту часть знати Тира, которая желала выбросить Ранда вон из их драгоценной Твердыни, вон из Тира.

Ранд нахмурился. Он был уверен, что Кадсуане не оставляет его без внимания, хоть и делает вид, что это не так, но вдруг она не притворяется? Вот было бы хорошо! Меньше всего ему нужна Айз Седай, которая думает, будто может совать нос в его дела. Меньше всего. Наверное, Кадсуане решила сунуть свой нос еще куда-нибудь. Мин видела на голове Сиснеры необычную корону; Ранд немало размышлял над этим видением. О другом, что предстало ей в видениях, ему думать не хотелось, особенно о том, что касалось его самого и Зеленой сестры. Может, все еще проще – вдруг Кадсуане полагает, будто в ее власти решить, кто станет править и Тиром, и Кайриэном?

Проще? Ранд чуть не рассмеялся. Но ведь именно так ведут себя Айз Седай. А Шалон, Ищущая Ветер? Через нее Кадсуане могла бы воздействовать на Харине, Госпожу Волн, но Ранд подозревал, что Ищущую Ветер Кадсуане прихватила за компанию с Айлил, чтобы скрыть, кто захватил знатную даму. Кадсуане будет немало разочарована. Уже решено, кто будет править в Тире и Кайриэне. Он укажет ей на просчет. Попозже. Это для него сейчас – далеко не самое главное.

– Прежде чем я уйду, Добрэйн, мне нужно вручить вам... – слова буквально замерзли у него на языке.

На дворе мужчина без шапки потянул за рычаг на фургоне, и неожиданно конец длинной горизонтальной перекладки двинулся вверх, потом ушел вниз, приведя в движение рычаг покороче, утопив его в отверстии, прорезанном в днище фургона. И, дрожа так, словно вот-вот развалится на части, извергая дым из трубы, фургон двинулся с места. Перекладка поднималась и опускалась – сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Фургон ехал, и без всяких лошадей!

Ранд и не сообразил, что говорит вслух, пока Идриен ему не ответила.

– А-а, это! Милорд Дракон, это паровой фургон Мервина Поэла. Так он его называет. – в ее высоком, удивительно молодом голосе явственно слышались неодобрительные нотки. – Заявляет, будто эта хитроумная повозка потянет сотню фургонов. Думаю, вряд ли, вечно в ней что-то ломается или замерзает. Впрочем, насколько мне известно, один раз ему удалось проехать на ней пятьдесят шагов.

И в самом деле этот... паровой фургон?.. не проехав и двадцати шагов, задрожал и остановился. Вокруг содрогавшегося все сильнее фургона вновь засуетились люди, один из них принялся что-то лихорадочно крутить в нем, обмотав руку тряпкой. Внезапно из узкой трубы ударила струя пара, дрожь стала слабее, а потом и вовсе прекратилась.

Ранд покачал головой. Он вспомнил, что видел уже этого Мервина с его устройством, которое подрагивало на столе и ничего не делало. И из этой штуки родилось этакое чудо?

Ему-то казалось, что она скорее имела отношение к музыке. Выходит, вокруг фургона прыгал Мервин, грозя остальным кулаком. Что же еще за необычные изобретения создают здесь, в Академии, какие чудеса?

Когда Ранд, все еще глядя на суету у фургона, задал этот вопрос, Идриен громко фыркнула. По мере того как она говорила, слышавшееся в ее голосе уважение к Дракону Возрожденному уступало место недовольству.

– И без того плохо, что я должна искать места для философов, историков, арифметиков и тому подобного люда. Но вы велели принимать любого, кто хочет создать что-то новое. Пусть, мол, трудятся, пока у них получается что-то дельное. Я полагала, вы надеетесь на какое-то оружие, но теперь у меня на руках десятки мечтателей и мотов, и у каждого по старой книге или манускрипту, а то и пять-шесть. И все, заметьте, по времени относятся, по их уверениям, к заключению Союза Десяти государств, если не к самой Эпохе легенд! И все пытаются отыскать смысл в рисунках и набросках, и в описаниях вещей, которых они в глаза не видели, а возможно, и никто никогда не видел! Я сама заглядывала в эти старые рукописи – в них говорится о людях с глазами на животе, о животных десяти футов высотой с клыками длиной в человеческий рост, о городах, где...

– Но что они делают, госпожа Тарсин? – спросил Ранд. Люди вокруг фургона двигались сосредоточенно, действовали целеустремленно – те, кого постигла неудача, так себя не ведут. И фургон-то ехал.

На сей раз глава Академии фыркнула громче.

– Всякие глупости, милорд Дракон, вот что они делают. Кин Товир сконструировал большую зрительную трубу. Через нее можно увидеть луну так отчетливо, как собственную ладонь. Еще в нее видно то, что Товир называет иными мирами. Но что в этом проку? А теперь ему хочется построить еще большую трубу. Мэрил Харке мастерит громадных воздушных змеев, которые зовет планерами, и с наступлением весны вновь собирается прыгать с холмов. Сердце замирает, когда видишь, как она планирует с холма на этой штуковине. Боюсь, в следующий раз, когда змей сложится, она себе не только руку сломает. Джандер Парентакис верит, будто водяным колесом с мельницы сможет привести в движение баржу. Но когда он взял на борт достаточно людей, чтобы крутить колесо, на судне не осталось места для груза, и его баржу обогнал бы любой корабль с парусом. Рийн Анхара поймал молнию в большие кувшины – сомневаюсь, что ему известно, зачем оно надо... Нико Токама – просто глупа, со своими...

Ранд развернулся так резко, что Идриен от неожиданности попятилась, и даже Добрэйн переступил с ноги на ногу – движением опытного фехтовальщика. Нет, они вовсе не уверены, что он не сошел с ума.

– Поймал молнию? – негромко спросил Ранд.

На ее грубоватом лице появилось понимание, и Идриен всплеснула руками.

– Нет, нет! Не так... совсем не так! – Не так, как вы, хотела она сказать. – Это штуковина – провода, колеса, большие глиняные кувшины и один Свет знает что еще. Он называет это молнией, и я однажды видела, как на кувшин запрыгнула крыса, на торчащий на верхушке металлический штырь. Ее и впрямь будто молнией ударило. – И добавила с надеждой в голосе: – Если желаете, я его останавливаю.

Ранд попытался представить, как кто-то летит на воздушном змее, но зрелище было совершенно нелепое. А молния, пойманная в кувшин, – такая картина оказалась не под силу его воображению. И еще...

– Пусть продолжают свою работу. Кто знает? Может, какое-то из изобретений окажется важным. Если какое-то устройство работает как заявлено, выдайте изобретателю награду.

На морщинистом загорелом лице Добрэйна отразилось сомнение, которое он постарался скрыть. Идриен угрюмо наклонила голову в знак согласия и даже присела в реверансе, но про себя думала, похоже, что Ранд просит научить свиней летать.

Ранд отчасти был с ней согласен. Но вдруг одна из этих свиней все-таки отрастит крылья? Фургон же ехал! А ему очень хотелось оставить что-то после себя, что помогло бы миру пережить новый Разлом, который, по утверждению пророчеств, принесет Ранд. Тревожило другое: он никакого представления не имел, что бы это могло быть. Разве только школы... Но кто возьмется сказать, какие чудеса они явят? О Свет, как же ему хочется создать хоть что-нибудь, что переживет его.

«Я думал, что смогу такое создать, – тихо произнес у Ранда в голове Льюс Тэрин. – Я ошибся. Мы не строители, ни ты, ни я, ни тот, другой. Мы – разрушители. Разрушители».

Ранда пробрала дрожь. Он запустил пятерню в волосы. Тот, другой? Иногда голос, звучавший вполне трезво, выдавал нечто совершенно безумное. А они смотрели на Ранда: Добрэйн почти удалось скрыть свою неуверенность, а Идриен даже и не пыталась прятать свои сомнения. Выпрямившись, словно ни в чем не бывало, Ранд вытащил из-за пазухи два тонких пакета. На обоих, на печатях красного воска, красовались Драконы. Печатью с успехом послужила пряжка ремня, которым и сейчас был подпоясан Ранд.

– Тот, что сверху, назначает вас моим наместником в Кайриэне, – сказал он, протягивая пакеты Добрэйн. Третий пакет по-прежнему лежал у груди, он предназначался Грегориноу ден Лушеносу и назначал того наместником в Иллиане. – Так что, пока меня не будет, вряд ли кто станет сомневаться в ваших полномочиях. – Возникни подобные трудности, Добрэйн справится с ними и при помощи своих воинов, но лучше, чтобы никто не мог выразить сомнений или сослаться на неосведомленность. Затруднений, пожалуй, вообще не будет, если все поверят, что на нарушителя спокойствия обрушится сам Дракон Возрожденный. – Там еще распоряжения, что нужно сделать, но я полагаюсь и на ваш здравый смысл. Решайте сами. Когда леди Илэйн заявит о своих правах на Солнечный трон, окажите ей всемерную поддержку. – Илэйн... О Свет, Илэйн и Авиенда. По крайней мере, им ничего не угрожает. Теперь бормотание Мин звучало удовлетворенно; наверное, она отыскала книги мастера Фила. А ей он позволил идти за собой навстречу гибели, потому что недостаточно силен, чтобы ее остановить. «Илиена, – простонал Льюс Тэрин. – Прости меня, Илиена!» Голос Ранда был холоден, как сердце зимы. – Вы узнаете, когда нужно будет вручить второй. И стоит ли вручать. Как угодно, но добейтесь у него ответа и выслушайте, что он скажет. Если вы не согласитесь или он откажется, я выберу кого-нибудь другого. Не вас.

Возможно, слова Ранда прозвучали бесцеремонно, но выражение лица Добрэйна почти не изменилось. Прочитав надписанное на втором пакете имя, он чуть приподнял брови – вот и все. Потом отвесил вежливый поклон. Кайриэнцев обычно отличала вежливость.

– Как скажете, так и будет. Прошу простить, но, судя по вашим словам, вы собираетесь отсутствовать долго.

Ранд пожал плечами. Он доверял благородному лорду так же, как доверял другим. Почти так же.

– Кто знает? В такое время ни в чем нельзя быть уверенным. Позаботьтесь, чтобы глава Академии Тарсин не испытывала недостатка в деньгах. Как и люди, открывшие школу в Кэймлине. И еще на вашем попечении – школа в Тире, пока дела там не пойдут на лад.

– Как скажете, – повторил Добрэйн, пряча пакеты во внутренний карман. Теперь его лицо не выражало никаких чувств. Да, кому-кому, а Добрэйн опыт в Игре Домов не занимать.

Глава Академии, со своей стороны, каким-то образом выглядела одновременно и довольной, и раздраженной. Она принялась оправлять платье, как обычно ведут себя женщины, когда не хотят говорить, что у них на уме. Несмотря на свои стенания, Идриен ревниво оберегала благосостояние Академии. Она и слезинки не прольет, если другие школы исчезнут, а ученые оттуда вынуждены будут перебраться в Академию. Даже философы и мечтатели. Интересно, что она подумала бы об одном особом распоряжении из пакета, переданного Добрэйн?

– Я нашла все, что хотела, – заявила Мин, выходя из-за книжных полок. Девушка слегка пошатывалась под тяжестью трех округлившихся матерчатых котомок. Ее костюм, состоявший из простой коричневой куртки и штанов, очень напоминал тот, который был на ней в Байрлоне, когда Ранд впервые ее увидел. По какой-то причине она жаловалась на свой наряд, пока все, кто знал Мин, не решили, что Ранд просит ее носить платье. Сейчас, однако, Мин улыбалась радостно и чуть лукаво. – Надеюсь, выючные лошади нас еще ждут. Не то милорду Дракону самому придется подставить спину под выюки.

Услышав такие слова, Идриен потрясенно ахнула, но Добрэйн только улыбнулся. Он уже видел не раз Мин и Ранда.

Ранд наскоро распрощался с Идриен и Добрэйном, поскольку они увидели и услышали то, что он хотел, – и отпустил их, напомним напоследок, что его тут никогда не было. Добрэйн кивнул, словно ждал такого указания. Идриен же, уходя, имела задумчивый вид. Если она обмолвится хоть словечком в присутствии слуг или каких ученых мужей, о визите Дракона Возрожденного в два дня узнает вся Столица. В любом случае времени не так много. Возможно, поблизости нет никого, кто почувствует открытие переходных врат, но тот, кто знает, какие следы высматривать, уже точно уверен, что в городе объявился *та'верен*. А обнаруживать себя в планы Ранда не входило.

Когда за Добрэйном и Идриен закрылась дверь, Ранд оглядел Мин, затем забрал у девушки одну котомку и повесил себе на плечо.

– Только одну? – сказала Мин. Опустив книги на пол, она подбоченилась и, нахмурившись, воззрилась на Ранда. – Иногда ты и вправду сущий овечий пастух. Да эти мешки каждый под центнер весят! – Впрочем, голос у девушки был скорее заинтригованный, чем обиженный.

– Выбирала бы книги поменьше, – сказал ей Ранд, натягивая перчатки и пряча под ними знаки Дракона. – Или полегче.

Он повернулся к окну, собираясь взять кожаную торбу, и тут на него обрушилась волна дурноты. Колени подогнулись, он запнулся. В голове вспыхнул, проплыл и исчез мерцающий лик – чей, Ранд не разобрал. Усилием воли он сумел устоять, выпрямился. И ощущение кружащегося вокруг мира пропало. Где-то в тени тяжело, с присвистом дышал Льюс Тэрин. Не ему ли принадлежало то лицо?

– Только не думай, что заставишь меня тащить их всю дорогу, – пробурчала Мин. – На конюшне подручные и то лучше притворяются. Еще упасть бы придумал.

– Не в этот раз.

Направляя Силу, Ранд готов был к тому, что случилось сейчас; он мог отчасти сдерживать приступы. Обычно. В большинстве случаев. Но это нечто новое – головокружение без обращения к саидин. Или он просто слишком быстро повернулся? А может, свиньи и впрямь летают. Он пристроил кожаную суму на другое плечо. Люди на конюшенном дворе по-прежнему были заняты. Они – созидали.

– Мин...

Девушка немедленно нахмурила брови. Она молча надела красные перчатки для верховой езды и принялась постукивать ногой по полу. Опасный признак у женщины, особенно у той, которая носит ножи.

– Мы уже все выяснили, Ранд растреклятый Возрожденный Дракон ал'Тор! Меня ты не оставишь, и не думай!

– Да мне и в голову такое не приходило, – соврал Ранд. Он был слишком слаб; он не сумеет сейчас сказать нужные слова, не сможет заставить ее остаться.

«Слишком слаб, – с горечью подумал он, – и из-за моей слабости она может погибнуть, да испепелит меня Свет!»

«И испепелит», – негромко пообещал Льюс Тэрин.

– Я просто подумал, лучше тебе знать, что мы делаем и что собираемся сделать, – продолжал Ранд. – По-моему, я был не очень-то откровенен.

Собравшись с силами, он ухватил саидин. Комната закружилась перед глазами, и Ранд оказался верхом на лавине огня, льда и мерзости, от которой к горлу подкатила тошнота. Тем не менее он умудрился устоять и даже не пошатнулся. С превеликим трудом. Он еще сумел как-то сплести потоки, открыв переходные врата, ведущие на заснеженную поляну, где к низко нависшему суку дуба были привязаны две оседланные лошади.

Увидев животных на месте, Ранд обрадовался. Поляна находилась в стороне от дороги, но ныне развелось немало бродяг, отвернувшихся от семей, бросивших фермы, оставивших торговлю и ремесло, ибо Дракон Возрожденный порвал все узы и сломал все скрепы. Так глаголили пророчества. С другой стороны, немалое число пустившихся в скитания мужчин и женщин, сбивших ноги, а теперь еще и полузамерзших, уже устали от поисков, ибо они и сами не ведали, чего ищут. И наверняка первый же человек, который обнаружил бы оставленных без присмотра невзрачных лошадей, увел бы их с собой. У Ранда хватало при себе золота на покупку других лошадей, но вряд ли Мин пришла бы в восторг от часовой прогулки по снегу до ближайшей деревни, где они оставили выючных животных.

Поспешно выйдя на поляну и притворившись, что споткнулся, ступив с ровного поля в снег по колено глубиной, Ранд отпустил Силу сразу, как только Мин вслед за ним прошла через врата. Они находились в пятистах милях от Кайриэна и много ближе к Тар Валону. Когда врата закрылись, Аланна в голове Ранда исчезла.

– Откровенен? – с сомнением произнесла Мин. Ранд надеялся, что сомневается она в его мотивах или еще в чем, только не в его правдивости. Ощущение дурноты и головокружения постепенно оставляло его. – Ты был открыт, как мидия, Ранд, но я-то не слепая. Сначала мы Переместились в Руидин, где ты задавал уйму вопросов про какое-то место под названием Шара – любой бы решил, что ты надумал туда отправиться. – слегка нахмурившись, девушка покачала головой и принялась приторачивать котомку к седлу своего бурого мерина. Она кряхтела от усилий; вторая котомка с книгами лежала в снегу, ожидая своей очереди. – Никогда не думала, что Айильская пустыня такая... Тот город больше Тар Валона, хоть и наполовину разрушен. А фонтаны, а озеро... Я даже дальнего берега не разглядела. Мне казалось, в Пустыне вообще воды нет. И там было так холодно! А я-то считала, что в Пустыне жарко!

– Летом ты днем жарись как на сковородке, но ночью все равно мерзнешь. – Ранд почувствовал себя лучше и, шагнув к мышастой лошади, начал пристраивать свою ношу. Ненамного лучше. Но время не ждет. – Раз ты и так уже все поняла, скажи, что я еще делал, кроме того, что вопросы задавал?

– То же самое, что и в Тире прошлым вечером. Стремился, чтобы все кошки и дрозды узнали, что ты там был. В Тире ты расспрашивал о Чачине. Стараешься запутать всех, кто попытается понять, где ты и куда собираешься. – Вторую котомку с книгами она пристроила позади седла, по другую сторону от первой, а потом распутала поводья и забралась на лошадь. – Ну, разве я слепая?

– У тебя глаза как у орла. – Он надеялся, что все это заметят и его преследователи. Или те, кто их направляет. Незачем им гоняться Свет знает где. – Мне нужно оставить побольше ложных следов.

– Так зачем терять время? Я знаю, у тебя есть какой-то план, и он имеет какое-то отношение к тому, что лежит в той кожаной суме. Там *са'ангриал*, да? И я понимаю, как это важно. И чего ты так удивляешься? Ты с этой торбы глаз не сводишь. Почему бы не взяться за дело сразу? Что ты задумал? Зачем нужно оставлять ложные следы? Среди которых, конечно, есть и настоящий. Сам же говорил, что хочешь напасть на них, когда они меньше всего ожидают. А это у тебя вряд ли получится, если только они не последуют туда, куда ты их заманишь.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты и не начинала читать книги Герида Фила, – угрюмо пробурчал Ранд, влезая в седло мышастого. Голова кружилась самую малость. – Слишком многое разгадала. И как я теперь хоть что-то сохраню от тебя в тайне?

– А никак и никогда, шерстеголовый, – засмеялась Мин, а потом, противореча самой себе, спросила: – А какой у тебя план? Ну, если не считать убийства Дашивы и остальных. У меня есть право знать, раз я отправилась с тобой. – Как будто не она настояла на том, чтобы отправиться с ним.

– Я хочу очистить мужскую половину Источника, – бесстрастным голосом ответил Ранд. Важное заявление. Великий замысел, куда как великий. Многие назвали бы его грандиозным. Но, судя по реакции Мин, он предложил ей съездить на послеобеденную прогулку. Она просто смотрела на него, опершись ладонями о луку седла в ожидании продолжения. – Не знаю, сколько времени займет очищение. И когда я начну, думаю, вокруг меня на тысячу миль все, кто способен направлять Силу, поймут, что что-то происходит. Прерваться я, пожалуй, не смогу, если туда вдруг явятся, заинтересовавшись, Дашива и компания или какой Отрекшийся. С Отрекшимся я вряд ли что сумею поделаться, но с остальными, если повезет, вскоре покончу. – Возможно, в том, что он – та'верен, и есть небольшое преимущество, которое ему так отчаянно нужно.

– Если положишься на везение, то и Корлан Дашива, и Отрекшиеся сделают из тебя отбивную и слопают с потрохами на завтрак, – сказала Мин, разворачивая лошадь. – Может, я придумаю что получше. Поехали. В гостинице тепло, в очаге огонь горит. Надеюсь, перед отъездом мы съедим чего-нибудь горячего.

Ранд недоверчиво проводил ее взглядом. Пять отступников-Аша'манов, не говоря уж об Отрекшихся, тревожат ее как будто меньше, чем разболевшийся зуб. Ударом каблуков Ранд послал мышастого вперед. Тот, разбрасывая снег, нагнал бурого, и дальше Ранд ехал рядом с Мин молча. У него еще оставались от нее секреты – например, дурнота, накатывавшая, когда он направлял Силу. Вот истинная причина, почему он должен сначала разделаться с Дашивой и остальными. Это даст ему время преодолеть тошноту. Если удастся. В противном случае Ранд не был уверен, что от двух тер'ангриалов, лежавших в суме позади седла, будет хоть какой-то прок.

Глава 1

Покинуть пророка

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, над Аритским океаном поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

На восток дул ветер над холодными, серо-зелеными океанскими валами, в сторону Тарабона, куда направлялись корабли и, бросив якоря на протяжении нескольких миль вдоль низкого берега, ждали своей очереди войти в гавань Танчико для разгрузки. Еще больше кораблей, больших и малых, теснилось в огромной гавани, баржи сновали туда-сюда, перевоза на берег людей и грузы, – поскольку уже не оставалось места у городских доков. Жители Танчико, и без того напуганные падением столицы перед их новыми повелителями – с их чудными обычаями, странными животными, женщинами на привязи, способными направлять Силу, – пришли в еще больший ужас, когда прибыл флот, поражающий своим числом. И все эти корабли доставили не только солдат, но и остроглазых купцов, ремесленников с их инструментами, целые семейства с фургонами, нагруженными сельскохозяйственной утварью и неизвестными растениями. И хотя блюли закон новые король и панарх, которые, впрочем, присягнули какой-то императрице за семью морями, и хотя шончанская знать заняла множество дворцов и требовала куда большего повиновения, чем любой тарабонский лорд или леди, для большинства народа жизнь изменилась мало, разве что к лучшему. С простым человеком шончанские Высокородные дела почти не имели, а со странными обычаями вполне можно смириться и привыкнуть к ним. Анархия, терзавшая и раздиравшая страну, ушла в прошлое, а вместе с ней канул в воспоминания и голод. Мятежники, разбойники, принявшие Дракона, которые наводнили край, были либо истреблены, либо схвачены, а избежавшие подобной участи были оттеснены на равнину Алмот, и торговля вновь ожила. Заполонившие городские улицы орды голодных беженцев вернулись в свои деревни, на свои фермы. И новоприбывших в Танчико было ровно столько, сколько мог без труда прокормить город. Несмотря на глубокие снега, солдаты и купцы, ремесленники и земледельцы тысячами и десятками тысяч растекались из столицы по всему Тарабону, но ледяной ветер, хлестнувший по Танчико, утихомирил город, и после бед первых дней большинство смирилось со своей участью.

На восток, на многие лиги дул ветер, то стихая, то усиливаясь, все время на восток, понемногу забирая к югу через леса и равнины, застывшие в зимнем саване, с голыми ветвями и бурой травой, над последним перекрестком, где некогда пролежала граница между Тарабоном и Амадицией. Граница осталась, но лишь по названию – таможенные посты разобраны, стражи

нет. На восток и на юг, вокруг южных отрогов Гор тумана, огибая высокие стены Амадора. Завоеванного Амадора. Над массивной Цитаделью Света хлопало на ветру знамя – казалось, с него вот-вот слетит золотой ястреб, сжимающий в когтях молнии. Редко местные жители покидали дома, разве что при крайней необходимости, и эти немногие торопливо пробегали по замерзшим улицам, завернувшись в плащи и опустив взгляд. Причем смотрели они под ноги не только потому, что опасались поскользнуться на гладких камнях мостовой, но и чтобы не взглянуть случайно на проезжающего мимо шончанина верхом на чудовище, смахивающем на кошку с бронзовой чешуей, ростом с добрую лошадь, или на тарабонцев в стальных вуалях, охраняющих группки бывших Чад Света, теперь закованных в цепи и, точно тягловые животные, впряженных в фургоны, на которых вывозили из города отбросы и прочий мусор. Полтора месяца длилось владычество шончан, и жители столицы Амадиции воспринимали пронзительный ветер как некую кару, и те, кто не клял свою долю, терзался мыслями, за какие грехи обрушилась на них такая кара.

Завывая, неся ветер на восток над обезлюдившим краем, над сожженными деревнями и разрушенными фермами, над деревнями, где еще жили люди, – таких было меньше половины. Снег белым покрывалом накрывал обугленные балки и бревна, брошенные амбары, и к голодной смерти добавлялась гибель от пронизывающего холода. Здесь уже успели пройти меч, топор и копье, и сталь оружия готова была убивать вновь и вновь. На восток дул ветер, пока не застонал он свою погребальную песнь над не обнесенной стенами Абилой. Над городскими сторожевыми башнями не было флагов, ибо здесь обосновался пророк лорда Дракона, а пророку не нужны никакие знамена, ему достаточно одного имени. В Абиле людей пробирало дрожью не от ветра, они дрожали скорее при одном упоминании пророка. Да и повсюду, услышав это имя, люди содрогались.

Шагая прочь от высокого купеческого особняка, где жил Масима, Перрин натягивал перчатки. Ветер рвал полы подбитого мехом плаща. Солнце на небе едва грело, и морозный воздух глубоко запускать свои пальцы. Перрин старался, чтобы лицо не выдавало его чувств, но он был слишком рассержен и холода не ощущал. С трудом он удерживал руки подальше от висевшего на поясе топора. Масима – он не будет звать этого человека пророком, даже в мыслях не станет! – весьма вероятно, глупец и уж наверняка безумец. Но глупец, обладающий властью, которой не имели порой и короли, вдобавок – сумасшедший.

По обеим сторонам улицы толпились охранники Масимы, они виднелись и за углом улицы: костлявые парни в краденых шелках, безбородые подмастерья в рваных куртках, некогда дородные купцы в обносках тонкой шерсти. Над ними туманом клубился парок от дыхания, некоторые без плащей дрожали от холода, но у всех было оружие – кто сжимал древко копья, кто держал взведенный арбалет. Однако враждебным никто не выглядел. Они знали, что Перрин сказался знакомым пророка, и провожали его с открытыми ртами, точно ждали, что он сейчас подпрыгнет и полетит. Или хотя бы перекувырнется в воздухе. Перрин чувствовал горьковатый запах дыма из городских печных труб. От людей же пахло немытыми телами, застарелым потом, рвением и страхом. И еще странным возбуждением, которого он не распознал раньше, – отражением безумия Масимы. Враждебны или нет, по приказу Масимы они убьют его, как убьют и любого другого. По приказу Масимы они утопят в крови любую страну. Приближаясь к ним, он ощущал холод, проникавший глубже самого сильного зимнего ветра. И больше прежнего радовался, что отказался взять с собой Фэйли.

Те, кого Перрин оставил с лошадьми, играли на расчищенном от снежной каши пяталке мостовой в кости. Он не доверял Масиме и не разрешил увести своего гнедого в стойло, и спутники его не доверяли тоже. Дому и охранникам они уделяли куда больше внимания, чем игре. Едва появился Перрин, трое Стражей вскочили на ноги, впились взорами в тех, кто шел за его спиной. Они знали, какие чувства испытывали в том доме Айз Седай. Неалд помед-

лил, подбирая кости и монеты. Франтоватый Аша'ман то и дело подкручивал усы, с ухмылкой поглядывая на женщин, но и он стоял напружинившись, настороженный, как кот.

– Я уж думал, нам придется оттуда с боем прорываться, – пробормотал за спиной Перрина Илайас. Однако его золотистые глаза были спокойны. Худощавый мужчина в летах, в широкополой шляпе, с седыми длинными волосами, свисавшими на спину до пояса, и борода – лопатой на груди. У пояса – не меч, а длинный нож. Но он когда-то был Стражем. И оставался им до сих пор.

– Только одно и ладно, – сказал ему Перрин, забирая у Неалда поводья Трудяги. Аша'ман вопросительно вздернул бровь, но Перрин покачал головой, не вникая в суть этого вопроса, и Неалд, скривив губы, вручил Илайасу поводья мышастого мерина, а потом влез на своего серого в яблоках.

У Перрина не было времени гадать о причинах сумрачного вида мурандийца. Ранд послал Перрина привести Масиму, и Масима придет. Как всегда, когда он в последнее время думал о Ранде, в голове его вихрем закружились цвета, краски, и, как всегда, он проигнорировал их. Масима – та еще задачка, и Перрину не до того, чтобы изводиться мыслями о каких-то красках. Этот проклятый человек считает святотатством, когда кто-то, кроме Ранда, касается Единой Силы. Для него Ранд, казалось, не был простым смертным; он был сам Свет, обретший плоть! Так что не будет никаких Перемещений, быстрого броска в Кайриэн через переходные врата, созданные кем-то из Аша'манов, как ни старался Перрин переубедить Масиму. Весь путь придется проделать верхом – все четыре с лишком сотни лиг, и одному Свету ведомо, что их ждет в дороге. И нужно сохранить в тайне и кто они такие, и кто такой Масима. Таков был приказ Ранда.

– Парень, только одним способом можно все провернуть, – сказал Илайас, словно бы в ответ на невысказанные слова Перрина. – Иного не вижу. Очень слабый шанс. Надо было улучшить момент и дать тому малому по голове, а потом прорываться.

– Знаю, – прорывал Перрин. За время многочасового спора эта мысль не раз приходила ему в голову. Могло получиться, ведь на их стороне были Аша'ман, Айз Седай и Хранительницы Мудрости. Но он видел битву, где действовала Единая Сила, когда людей в мгновение ока разрывало на кровавые ошметки, когда сама земля взрывалась огнем. Абила превратилась бы в бойню. Видеть такое ему не хотелось, раз уж в его силах было избежать сражения.

– И что, по-твоему, задумал этот самый пророк? – спросил Илайас.

Перрин с трудом выбросил из головы мысли о Колодцах Дюмай, об Абиле, похожей на поле битвы у Колодцев Дюмай, и лишь тогда сумел вникнуть в вопрос Илайаса. Ох, и как же он собирается совершить невозможное?

– Мне плевать, что он задумал. – Одно можно сказать наверняка: хлопот с Масимой не оберешься.

Перрин раздраженно почесал бороду. Надо бы ее подрезать. Вернее, чтобы кто-нибудь подровнял ее. Возьми он в руки ножницы, Фэйли наверняка их отберет и вручит тому же Ламгвину. По-прежнему казалось невероятным, что этот громила со шрамом на лице и сбитыми кулаками может иметь навыки камердинера. О Свет! Камердинер! Перрин потихоньку выстраивал свои отношения с Фэйли, принаравливаясь к ее странным салдэйским обычаям, но чем больше он к ним подлаживался, тем чаще она умудрялась устраивать дела по своему усмотрению. Женщины, конечно, всегда так поступают, но порой ему казалось, что он сменил шило на мыло или один смерч на другой. Наверное, стоит как-нибудь властно прикрикнуть – ей это вроде как нравится. Неужели мужчине нельзя самому взять ножницы и позаботиться о своей бороде? Впрочем, он сомневался, что у него что-то получится. Трудно прикрикнуть на Фэйли, когда она начинает кричать первой. Ну что вообще за глупые мысли...

Перрин наблюдал, как к лошадям идут остальные, – так рассматривают инструменты перед началом сложной работы. Он опасался, что Масима превратит предстоящую поездку в ту еще работку, а у его инструментов отыщется немало щербин или других изъянов.

Подле него остановились Сеонид и Масури, прикрывшие лица капюшонами. К слабому аромату их духов примешивался острый как бритва запах – запах сдерживаемого страха. Будь у Масимы возможность, он убил бы их на месте. А охранники и сейчас могли убить, опознай они Айз Седай. Наверняка среди них найдутся такие, кто встречал Айз Седай. Масури была выше почти на ладонь, но Перрин без труда мог глядеть поверх их голов. Сестры, невзирая на присутствие Илайаса, обменялись взглядами из-под капюшонов; потом Сеонид тихо заговорила:

– Теперь ты понимаешь, почему его нужно убить? Этот человек... бешеный.

М-да, Зеленая сестра редко говорит обиняками. К счастью, рядом нет никого из масимовских охранников.

– Для таких слов могли бы выбрать местечко получше, – заметил Перрин. Нового спора ему не хотелось – ни сейчас, ни потом, особенно сейчас. И похоже, спора не будет.

Позади Айз Седай появились Эдарра и Карелле, уже намотав на головы темные шали. Свисавшие на грудь и спину концы шалей вряд ли защищали от холода, но Хранительниц Мудрости куда больше волновал снег – само его существование. Их загорелые лица, точно вырезанные из темного дерева, не отражали никаких мыслей, однако запах напоминал стальной шип. И, как этот шип, тверд был взгляд голубых глаз Эдарры, обычно столь спокойных, что это казалось даже странным для такого молодого лица. Разумеется, за ее хладнокровием пряталась сталь. Острая сталь.

– Здесь не место для разговоров, – мягким тоном сказала Карелле, обращаясь к Айз Седай, и убрала под шаль выбившуюся ярко-рыжую прядку. Ростом не уступавшая многим мужчинам, она всегда была мягкой. Для Хранительницы Мудрости, разумеется. Это означало, что она сначала предупредит, а уж потом откусит тебе нос. – Идите к лошадям.

И, коротко присев в реверансе, обе невысокие женщины поспешно забрались в седла, словно бы и не были Айз Седай. Для Хранительниц Мудрости они таковыми и не были. Перрин подумал, что никогда не привыкнет к этому. Даже если, как кажется, для Масури и Сеонид подобное в порядке вещей.

Вздыхнув, Перрин запрыгнул в седло Трудяги; Хранительницы Мудрости уже последовали примеру своих учениц – Айз Седай. Застоявшийся жеребец заплесал, но Перрин приструнил его, сжав бока коленями и крепко взявшись за поводья. Айилки сидели в седлах по-прежнему неумело, хотя уже несколько недель ехали верхом; их тяжелые юбки задрались выше колен, открыв простые шерстяные чулки. Они были совершенно согласны с мнением Айз Седай в отношении Масимы, и таково же было решение Хранительниц Мудрости в лагере. Неплохое затевается варево – попробуй тут донеси его до Кайриэна, того гляди ошпаришься.

Грейди и Айрам уже сидели верхом, и Перрин не сумел различить их запахи среди прочих. Да и не было в том особой нужды. Он всегда считал, что с виду Грейди, несмотря на черный мундир с серебряным мечом на воротах, походит на фермера, но только не сейчас. Неподвижно, как статуя, застыв в седле, коренастый Аша'ман мрачно взирал на охранников с видом человека, выбирающего место для первого надреза. А потом – для второго, третьего и сколько еще будет нужно. Айрам перебирал поводья, ядовито-зеленый плащ Лудильщика трепал ветер, над плечом торчала рукоять меча – на его лице было написано такое возбуждение, что у Перрина упало сердце. В Масиме Айрам увидел человека, отдавшего жизнь, сердце и душу Дракону Возрожденному. По мнению Айрама, Дракон Возрожденный стоял совсем рядом с Перрином и Фэйли.

«Ты не сделал пареньку никакой милости, – говорил Илайас Перрину. – Из-за тебя он утратил то, во что верил, и теперь ему приходится верить лишь в тебя и в этот меч. Этого слишком мало для любого человека».

Илайас знал Айрама, когда тот еще был Лудильщиком, еще до того, как Айрам взял в руку меч.

Варево, которое для кого-то станет ядом.

Охранники смотрели на Перрина с любопытством, и расступились они, лишь повинувшись чему-то окрику из окна дома. И расступились совсем немного – только-только всадникам проехать цепочкой. Непросто добраться до пророка без его разрешения. Покинуть его без разрешения – невозможно.

Оказавшись подальше от Масимы и его охранников, Перрин пустил коня быстрым шагом, насколько позволяли запруженные людьми улицы. Не так давно Абила была крупным, процветающим городом, с каменными рынками, четырехэтажными, крытыми кровельным сланцем зданиями. Меньше городок не стал, но груды булыжников и бревен отмечали места разрушенных домов и гостиниц. В Абиле не осталось ни одной гостиницы, ни одного дома, где замешкались бы с провозглашением славы лорду Дракону Возрожденному. Масима не миндальничал с теми, кто вызывал у него хотя бы малейшее недовольство.

В толпе попадалось немного тех, кто, судя по обличью, жил в городке: серый народец в столь же серой одежке; они в большинстве своем испуганно жались по сторонам улиц. Детей видно не было. Как, впрочем, и собак – по всей вероятности, голод тут если и не хозяйничал, то обосновался прочно. И едва не на каждом углу встречались группки вооруженных мужчин, с решительным видом шлепавших по грязи, по щиколотку утопая в том, что вчера вечером было снегом. Где по двадцать, где по пятьдесят человек, они отталкивали с дороги замешкавшихся, даже воловьи упряжки их объезжали. На одной улице не меньше сотни. А во всем городке – наверняка тысячи. Пусть воинство Масимы сброд, но сброд многочисленный. Благодарение Свету, что Масима согласился взять с собой только сотню. Целый час споров потребовался на то, чтобы убедить его в этом. В конце концов сыграло свою роль то, что Масима хоть и наотрез отказался Перемещаться, но до Ранда желал добраться поскорее. Лошадей у его последователей было маловато, а пешие очень замедлили бы передвижение. Лишь бы к ночи он прибыл в лагерь Перрина.

Всадников Перрин не приметил, верхом были только он и его спутники, и конный отряд притягивал к себе взгляды вооруженных людей – каменно-твердые взгляды, лихорадочно блестящие взгляды. Хорошо одетый люд частенько приезжал к пророку, благородные господа и купцы, в надежде покориться тому, кто окажет больше милости и меньше накажет, но они обычно покидали пророка пешими. Тем не менее препятствий всадникам не чинили, не считая того, что приходилось объезжать сборища масимовских приспешников. Если им оставили лошадей, то, должно быть, по указке Масимы. Впрочем, Перрину не было нужды предупреждать спутников держаться вместе. В самой атмосфере Абилы натянутой до звона струной висело некое ожидание, и никому, у кого есть голова на плечах, не хотелось оказаться поблизости, когда эта струна лопнет.

Перрин испытал облегчение, когда из проулка возле низкого деревянного мостика, ведущего из города, на своем большеносом мерине выехал Балвер. Не меньшее облегчение Перрин почувствовал и когда отряд пересек мостик и миновал последних стражников. Этот узколицый низкорослый человечек с узловатыми суставами, в простой коричневой одежде, которая болталась на нем, вполне мог и сам о себе позаботиться, но Фэйли намерена вести дом не хуже любой благородной леди и, несомненно, будет недовольна, если что-то случится с ее секретарем. Который, кстати, является также секретарем и Перрина. Тот не мог определить, какие испытывает чувства оттого, что у него появился секретарь, однако Балвер, помимо умения красиво писать, обладал и иными способностями. Что он и продемонстрировал, когда отряд удалился от городка на приличное расстояние и выехал к низким, поросшим лесом холмам. Деревья стояли по большей части голые и замерзшие, но кое-где из-под белизны проглядывали

ядовито-зеленые вкрапления уцелевшей листвы или хвои. На дороге больше никого не было, но продвижение отряда замедлял намерзший в колеях снег.

– Простите, милорд Перрин, – пробормотал Балвер, склоняясь в седле и глядя мимо Илайаса, – но в городке мне довелось кое-что услышать. Возможно, для вас это небезынтересно. – он осторожно покашлял в кулак, потом торопливо подхватил полу плаща и запахнулся поплотнее.

Илайас и Айрам, не дожидаясь жеста Перрина, послали лошадей вперед, присоединившись к остальным всадникам. Все уже привыкли к тому, что маленький сухой человечек предпочитает беседовать с ним наедине. Перрин и догадываться не собирался, для чего Балвер прикидывается, будто никому больше не известно, что в каждом городке и деревне, которые проезжает отряд, он собирает местные слухи и узнает о новостях. Знает ведь – все, что он сумел вынюхать, Перрин обсуждает с Фэйли и с Илайасом. Так или иначе, а раздобывать сведения Балвер умел.

Поравнявшись с Перрином, Балвер склонил голову набок, разглядывая его.

– У меня две новости, милорд. Одна, по-моему, важная, а другая – срочная.

Срочная или нет, но голос Балвера звучал сухо-сухо, точно шорох палой листвы.

– Насколько срочная? – Перрин поспорил сам с собой, о ком будет первое известие.

– Наверное, крайне срочная, милорд. Король Айлрон дал сражение шончан возле городка Джерамел, где-то в сотне миль к западу отсюда. Около десяти дней назад. – Балвер недовольно пожевал губами. Он не любил неточности, как не любил и чего-то не знать. – Надежные сведения очень скудны, но, вне всяких сомнений, амадийской армии больше не существует. Она либо перебита, либо захвачена в плен, либо рассеяна. Буду весьма удивлен, если найдется отряд хотя бы в сотню человек. Да и те вскоре скатятся до грабежей. Сам Айлрон пленен вместе со всем двором. В Амадии больше нет знати, во всяком случае хоть к чему-то пригодной.

Про себя Перрин отметил, что ставку он проиграл. Обычно Балвер начинал с известий о белоплащиках.

– Какая жалость, наверное, для Амадии. В любом случае жаль тех, кто попал в плен.

Если верить Балверу, то шончан очень сурово обращались с теми, кто сопротивлялся им и был захвачен с оружием в руках. Итак, у Амадии армии нет, как нет и лордов, способных собрать или возглавить другую. Ничто не остановит захватчиков, хотя шончанские войска и так продвигаются достаточно быстро, даже встречая сопротивление. Лучше сразу, как только Масима доберется до лагеря, отправиться на восток и двигаться как можно быстрее, полагаясь на выносливость лошадей и людей.

Так он и сказал Балверу, и тот кивнул с тонкой одобрительной улыбкой. Ведь Перрин понял ценность добытых им сведений.

– И еще одно, милорд, – продолжил Балвер. – В сражении участвовали белоплащики, но, судя по всему, в конце битвы Валда сумел большую их часть вывести с поля. У него везение самого Темного. Куда они подевались, кажется, не знает никто. Точнее, всяк указывает в разные стороны. Возьму на себя смелость предположить восточное направление. Подальше от шончан. – И конечно, в сторону Абилы.

Ага, значит, не вся ставка проиграна. Ладно хоть Балвер не с этой вести начал. Можно считать, остались при своих. Далеко впереди, в безоблачной выси, парил, направляясь на север, ястреб. Птица доберется до лагеря быстрее Перрина. Перрин припомнил времена, когда его, как и того ястреба, мало что тревожило. По крайней мере, если сравнивать с нынешними днями. Как давно это было...

– По-моему, Балвер, белоплащики стремятся избежать новой встречи с шончан. А нами они интересуются куда как меньше. Все равно двигаться быстрее у нас не получится. Это и есть вторая новость?

– Нет, милорд. Просто интересная деталь. – Кажется, Балвер ненавидел Чад Света, а особенно Валду – как подозревал Перрин, в прошлом Балвер немало претерпел от них. Но ненависть его была холодной и расчетливой, каким был и сам Балвер. Бесстрастной. – Другая новость такая. У шончан была еще одна битва, на сей раз на юге Алтары. Возможно, против Айз Седай, хотя упоминали мужчин, использующих Силу. – Повернувшись в седле, Балвер оглянулся на Грейди и Неалда в черных мундирах. Грейди разговаривал с Илайасом, а Неалд с Айрамом, но оба Аша'мана, как казалось, наблюдали за лесом с вниманием не меньшим, чем ехавшие позади Стражи. Айз Седай и Хранительницы Мудрости тоже вели негромкий разговор. – С кем бы они ни сражались, милорд, ясно, что шончан потерпели поражение и отброшены к Эбу Дар.

– Хорошее известие, – ровным тоном заметил Перрин. Перед его мысленным взором вновь воскресли картины битвы у Колодцев Дюмай. На миг он опять оказался на том поле, отчаянно сражаясь спиной к спине с Лойалом и думая, что следующий вздох будет последним. И в первый раз за этот день вздрогнул. По крайней мере, Ранду известно о шончан. Хорошо хоть об этом не надо беспокоиться.

Перрин чувствовал на себе изучающий взгляд Балвера. Тот смотрел на него, точно птица, разглядывающая необычное насекомое. И заметил его дрожь. Маленький человечек любил знать все обо всем, но есть такие секреты, о которых не должен знать никто.

Взгляд Перрина вновь привлек ястреб, теперь уже еле заметный. Птица навела Перрина на мысли о Фэйли, о его горячей жене-соколице. О его красавице-жене, красавице-соколице. Он выбросил из головы шончан и белоплащников, битвы и даже Масиму. Хотя бы на время.

– Давайте немного прибавим шагу, – обернувшись, крикнул Перрин остальным. Может, ястреб и увидит Фэйли раньше его, но, в отличие от птицы, Перрина встретит любовь его сердца. И сегодня он вообще не будет на нее кричать, что бы она ни сделала.

Глава 2

Захвачены

Ястреб вскоре исчез из виду, других путников, кроме них, на дороге не было, но, как Перрин ни торопился, быстро ехать не получалось: замерзшие выбоины и колея грозили переломать лошадям ноги, а всадникам – шею. Ветер дышал льдом и обещал назавтра снегопад. Было далеко за полдень, когда Перрин свернул в лес, в белые сугробы, в которых лошади местами утопали по колено. Преодолев последнюю милю, он выехал к разбитому в лесу лагерю, где оставались двуреченцы и айильцы, майенцы и гэалданцы. И Фэйли. Все оказалось вовсе не так, как предполагал Перрин.

Вообще-то говоря, здесь, как всегда, разбито было четыре лагеря, но возле дымящихся костров Крылатой гвардии, окружавших полосатые шатры Берелейн, было пусто. Признаки спешки – опрокинутые котлы и разбросанные предметы снаряжения – виднелись всюду на утопанном участке, где до отъезда Перрина располагались солдаты Аллиандре. В обоих опустевших биваках оставались лишь конюхи, возчики и кузнецы-ковали, да и те сбились в кучки у коновязей и обозных телег с высокими колесами. Перрин посмотрел туда, куда были прикованы их взоры.

Шагах в пятистах от каменистого, с плоской вершиной, холма, где расставили свои приземистые палатки Хранительницы Мудрости, собрались майенцы в серых мундирах, все девять сотен. Лошади возбужденно топтались, холодный ветер трепал красные плащи и длинные красные вымпелы на пиках. У подножия холма, сбоку, на ближнем берегу замерзшего ручья, выстроились гэалданцы, их конный строй тоже ошетинился пиками, но с зелеными вымпелами. По сравнению с майенскими красными шлемами и кирасами их зеленые мундиры и доспехи казались тусклыми и бесцветными, зато офицеры щеголяли в посеребренных нагрудниках, в алых мундирах и плащах, а уздечки и попоны лошадей украшала темно-красная бахрама. Великолепное зрелище, прямо парад какой-то, однако это был вовсе не парад. Крылатая гвардия стояла лицом к гэалданцам, а те были развернуты фронтом к холму. А сам гребень холма окружили двуреченцы, с луками в руках. И хотя никто еще не натянул тетиву, но стрела у каждого была наготове. Безумие.

Перрин ткнул Трудягу каблуками, и гнедой, вспахивая снег, рванулся вперед чуть ли не галопом. Следом за юношей поспешили и его спутники. В считанные секунды Перрин достиг передних рядов гэалданцев. Здесь были и Берелейн, в подбитом мехом красном плаще, и Галленне, одноглазый капитан ее Крылатой гвардии, и Анноура, ее советница – Айз Седай. Все они о чем-то спорили с первым капитаном Аллиандре – низкорослым упрямым по имени Герард Арганда, который столь усердно тряс головой, что пышный белый плюмаж на его сверкающем шлеме ходил ходуном. Вид у первой Майена был такой, словно она готова перекусить железный лом; сквозь обычное спокойствие Айз Седай на лице Анноуры проскальзывала досада.

Галленне поглаживал висевший у седла шлем с красным плюмажем, словно раздумывал, не надеть ли его. Завидев Перрина, спорщики умолкли и повернули лошадей к нему. Берелейн сидела в седле прямо, но ее черные волосы развевались на ветру; ее тонконогая белая кобыла дрожала, на боках после тяжелой скачки блестели застывающие хлопья пены.

Вокруг было столько много людей, что невозможно было различить запахи каждого, но ему не понадобился волчий нюх, чтобы понять: еще чуть-чуть, и беды не миновать. Не успел Перрин поинтересоваться, что, Света ради, тут происходит, как заговорила Берелейн. От ее застывшего, словно фарфор, лица и официального тона Перрин даже растерянно заморгал.

– Лорд Перрин, мы с миледи вашей женой и королевой Аллиандре охотились, и на нас напали Айил. Мне удалось бежать. Но больше никто из отряда не вернулся, хотя айильцы, возможно, кого-то взяли в плен. Я выслала эскадрон на разведку. Мы были в десяти милях на юго-восток, так что разведчики вернутся с новостями до темноты.

– Фэйли захвачена? – надтреснутым голосом переспросил Перрин. Еще до того как вступить из Гэалдана в Амадицию, они слышали о набегах айильцев, но грабежи и поджоги происходили в других местах, где-то по соседству. Эти айильцы казались всего лишь слухом, чем-то далеким, о чем не стоит тревожиться. Тем более что Перрину необходимо было выполнить приказы Ранда растреклятого ал’Тора! И вот она, цена, которую нужно платить.

– Тогда почему вы все еще здесь? – громко спросил Перрин. – Почему вы ее не ищете? – Он понял, что кричит. Ему хотелось завывать, укусить кого-нибудь. – Чтоб вам всем сгореть, чего вы ждете?

Ответ Берелейн, столь спокойный, словно она сообщила, сколько осталось фуража, вызвал у него гнев. И еще большее стало оттого, что она была права.

– На нас неожиданно напало две или три сотни, лорд Перрин. Но вам не хуже моего известно, что таких отрядов в окрестностях могло запросто рыскать с дюжину, если не больше. Если мы отправим на преследование все силы, то можем ввязаться в битву против Айил, которая дорого нам обойдется. И мы даже знать не будем, те ли это айильцы, что держат в плену миледи вашу жену. Сначала нужно узнать наверняка, лорд Перрин, иначе остальное будет бесполезно. Если не хуже.

Если она еще жива. Перрин задрожал; его внезапно пробрал холод. До самых костей. До сердца. Она должна быть жива. Должна. О Свет, ну почему он не разрешил ей отправиться вместе с ним в Абилу? На лице Анноуры, обрамленном тоненькими тарабонскими косичками, застыло сочувственное выражение. Перрин вдруг почувствовал боль в пальцах – он крепко, до судорог, стискивал поводья. Усилием воли он заставил себя разжать кулаки, расслабить пальцы.

– Она права, – тихо промолвил Илайас, подъезжая ближе на своем мерине. – Держи себя в руках. С айильцами шутки плохи. Ошибешься – напросишься на смерть. И может, утянешь за собой немало людей. Что проку, если погибнешь, а жена останется в плену. – Он постарался придать голосу бодрости, но Перрин чувал его напряжение. – Так или иначе, парень, мы ее отыщем. Она вполне могла улизнуть, это ведь такая женщина. Пытается вернуться пешком. На это время нужно, да еще в платье. Разведчики Первенствующей отыщут следы. – Запустив пальцы в длинную бороду, Илайас самокритично хихикнул. – А если я не отыщу следов побольше майенцев, буду корой питаться. Мы обязательно тебе ее вернем.

Но Перрина так легко не проведешь.

– Да, – хрипло вымолвил он. Никому не уйти от айильцев пешим. – Отправляйся. Потопись.

Нет, его не одурачишь. Илайас предполагал найти тело Фэйли. Она должна быть жива, а значит – в плену, но лучше быть пленницей, чем...

Они с Илайасом не могли переговариваться так, как общались с волками, но тот помедлил, словно понял мысли Перрина. И не стал ничего отрицать. Илайас повернул мерина на

юго-восток, пустил шагом – быстрее не позволял снег. Бросив короткий взгляд на Перрина, за ним следом двинулся Айрам. Его лицо потемнело. Бывшему Лудильщику не по душе был Илайас, но он едва ли не преклонялся перед Фэйли хотя бы потому, что она – жена Перрина.

Нет смысла ломать лошадям ноги, сказал себе Перрин, хмуро глядя им в спины. Ему-то хотелось, чтобы лошади припустили во всю прыть. Ему самому хотелось броситься за ними бегом. В его душе будто тоненькие трещинки зазмеились. Если они вернутся с дурными вестями, он все равно что разобьется вдребезги. К удивлению Перрина, вслед за Илайасом и Айрамом в лес устремились и три Стража. Лошади взрывали снег, грубые шерстяные плащи хлопали на ветру. Нагнав Илайаса и Айрама, Стражи придержали лошадей и поехали рядом с ними.

Перрин нашел в себе силы кивком поблагодарить Масури и Сеонид, а также Эдарру и Карелле. Кому бы в голову ни пришла мысль помочь, не приходится сомневаться, кто дал разрешение. Хранительницы Мудрости держали Айз Седай в ежовых рукавицах, причем ни одна из сестер не пыталась решать все за всех. Возможно, им и хотелось главенствовать, но руки в перчатках оставались на луках седел, и ни та ни другая ничем не выдали нетерпения, разве что веки дрогнули.

Не все провожали взглядами уезжавших. Анноура одновременно выказывала сочувствие Перрину и косила глазом в сторону Хранительниц Мудрости. В отличие от двух других сестер она не давала никаких обещаний, но, как и те, была крайне осмотрительна в отношениях с айилками. Галленне не сводил единственного глаза с Берелейн, готовый по первому же ее знаку выхватить меч. А первенствующая Майена смотрела на Перрина, и ее спокойное лицо оставалось непроницаемым. Грейди и Неалд, склонив друг к другу головы, бросали в сторону Перрина быстрые мрачные взгляды. Балвер сидел, не шелохнувшись, точно примостившийся на седле воробей, стараясь прикинуться невидимым и напряженно ко всему прислушиваясь.

Оттеснив высоким чалым мерином широкогрудого вороного Галленне и будто не замечая гневного блеска единственного глаза майенца, к Перрину подъехал Арганда. За сверкающим решетчатым забралом первого капитана яростно двигались губы, но Перрин ничего не слышал. Перед глазами стояло лицо Фэйли, только о ней он и думал сейчас. О Свет, Фэйли! Грудь словно стянули стальными полосами. Он был на грани паники, буквально ногтями удерживаясь на краю пропасти.

В отчаянии Перрин потянулся разумом вдаль, лихорадочно ища волков. Должно быть, Илайас уже использовал эту возможность – он-то при страшных новостях не ударился в панику, – но Перрин обязан попытаться сам.

И он нашел волков: стаи Трехпалого и Холодной Воды, Сумеречного и Весеннего Рога, и несколько других. Боль, переполнявшая сердце, вплелась в его мольбу о помощи, но боли стало только больше. Волки слышали о Юном Быке и соболезнавали ему в потере подруги, но они держались подальше от двуногих, распугавших добычу и грозящих гибелью одинокому волку. Было так много стай двуногих, пеших и верхом на твердолапых четвероногих, и волки не могли сказать, известно ли им о той, которую ищет Юный Бык. Двуногие они двуногие и есть, мало кто способен разговаривать с ними. Оплачь, говорили они ему, скорби и живи дальше, а вновь с нею встретишься в волчьих снах.

Один за другим тускнели образы, которые его разум превращал в слова. Дольше всего удержался этот: «Оплачь и встретишься с нею вновь в волчьих снах». Потом и он исчез.

– Вы слушаете или нет? – грубо спросил Арганда. Он не принадлежал к знати, приученной к сдержанности, и, несмотря на шелка и украшенную позолотой кирасу, все равно оставался тем, кем был, – седым воином, который впервые взял в руки копьё еще мальчишкой и на чьем теле битвы оставили десятка два шрамов. Его темные глаза сверкали таким же лихорадочным блеском, что и глаза людей Масимы. Пахло от него гневом и – страхом. – Эти дикари захватили и королеву Аллиандре!

– Когда мы отыщем мою жену, то найдем и вашу королеву, – сказал Перрин, голос его был холоден и тверд, как лезвие его топора. Она должна быть жива. – А теперь вам лучше объяснить мне, что тут происходит. Судя по всему, вы выстроились для атаки. И атаковать собираетесь не кого-то, а моих людей. – Он в ответе и за них тоже. Нельзя забывать о других обязанностях. Сознание этого было горьким, как желчь. Нет ничего важнее Фэйли. Ничего! Но двуреченцы были его народом.

Арганда подъехал вплотную к Перрину и рукой в латной перчатке ухватил юношу за рукав.

– Выслушайте меня! Первая леди Берелейн сказала, что королеву Аллиандре захватили айильцы, и за этими вашими лучниками и укрылись айильцы. У меня найдутся люди, которые охотно кое о чем расспросят тех айильцев. – На миг его горящий взор упал на Эдарру и Карелле. Возможно, ему пришло в голову, что найдутся и такие айильцы, путь к которым не заступили лучники.

– Первый капитан... чересчур взволнован, – пробормотала Берелейн, положив ладонь на другую руку Перрина. – Я уже объяснила ему, что никто из этих Айил не замешан в нападении. Уверена, что могу убедить его...

Перрин стряхнул ее ладонь, вырвал руку из пальцев гэалданца.

– Арганда, Аллиандре дала клятву верности мне. А вы присягали ей, и, значит, я – ваш лорд. Я сказал, что найду Аллиандре, когда найду Фэйли. – Лезвие топора. Она *должна* быть жива. – Без моего разрешения вы никого не будете допрашивать, ни к кому и пальцем не прикаснетесь. А сейчас вы сделаете вот что: немедленно отведете своих людей обратно в лагерь. Будьте готовы выступить по моему приказу. Если не будете готовы, тогда тут и останетесь.

Арганда уставился на Перрина, тяжело дыша. Он снова бросил взгляд в сторону, на сей раз на Грейди и Неалда, потом быстро перевел его обратно на Перрина.

– Как прикажете, милорд, – натянуто промолвил он.

Развернув чалого, Арганда прокричал приказы своим офицерам, и, не успели они отдать распоряжения, как он уже мчался галопом к биваку. Гэалданцы начали перестроение, и вот уже конные колонны потянулись вслед за первым капитаном, к своему лагерю, хотя оставалось лишь гадать, собирается ли Арганда там остаться и не окажется ли худшим вариантом, если он останется.

– У тебя очень хорошо получилось, Перрин, – сказала Берелейн. – Сложная ситуация и нелегкий для тебя час. – Тон ее больше не был официальным. Теперь перед ним была женщина, преисполненная жалости, сочувственно улыбающаяся. О, у Берелейн тысяча личин.

Берелейн протянула руку в ярко-красной перчатке, и Перрин заставил Трудягу отступить прежде, чем она его коснулась.

– Перестань, чтоб тебе сгореть! – прорычал Перрин. – Моя жена в плену! У меня нет сил терпеть твои детские игры!

Берелейн дернулась, точно он ее ударил. Краска заалела у нее на щеках, и она вновь переменялась, став гибкой и уступчивой.

– Вовсе не детские, Перрин, – пробормотала она, голос звучал глубоко и задумчиво. – Две женщины состязаются из-за тебя, и ты – приз? Я бы сочла, что ты себе льстишь. Проводите меня, лорд-капитан Галленне. Полагаю, нам тоже нужно быть готовыми к выступлению.

Одноглазый поскакал рядом с ней обратно к Крылатой гвардии, так быстро, как только позволял глубокий снег. Он склонился к первой Майена, словно выслушивал распоряжения. Анноура, перебирая поводья своей бурой кобылы, не спешила отъезжать. Губы ее под носом-клювом стянулись в бритвенно тонкую ниточку.

– Порой, Перрин Айбара, ты бываешь таким дураком. И довольно часто.

Он не понял, о чем речь, да и не до того ему было. Иногда Анноура, казалось, мирилась с тем, что Берелейн положила глаз на женатого мужчину, и даже как будто устраивала так,

чтобы Берелейн оставалась с ним наедине. Но сейчас обе они, и первая Майена, и Айз Седай, были равно противны Перрину. Ударив Трудягу по бокам, он, не проронив ни слова, потрусил прочь от Анноуры.

Люди на вершине холма расступились, пропуская Перрина; они вполголоса переговаривались и смотрели, как всадники внизу разъезжаются по своим лагерям. Потом цепочка вновь разомкнулась, дав проехать Хранительницам Мудрости, Айз Седай и Аша'манам. Они не разошлись и не обступили его, как ожидал Перрин, и за это он был им благодарен. На вершине пахло настороженностью. По большей части.

Снег на холме был утоптан, местами виднелись замерзшие ледяные дорожки, а местами – голая земля. Четверо Хранительниц Мудрости, остававшихся в лагере, когда Перрин отправился в Абилу, стояли у низкой айильской палатки. Высокие невозмутимые женщины, с темными шерстяными шальями на плечах, они смотрели, как слезают с лошадей две Айз Седай и Карелле с Эдаррой, и, по-видимому, не обращали внимания на происходящее вокруг. Прислуживавшие им вместо слуг *гай'шайн*, как обычно, тихо и с покорным видом сновали по своим делам, лица их скрывали глубокие капюшоны белых одеяний. Один парень даже выбивал ковер, перекинув его через натянутую между двумя деревьями веревку! Только по Гаулу и Девам можно было судить, что айильцев от сражения отделял один-единственный шаг. Они сидели на корточках, *шуфы* обмотаны вокруг голов, над черными вуалями, скрывавшими лица, сверкали глаза, руки сжимали короткие копыя и обтянутые бычьей шкурой щиты. Когда Перрин прыгнул с седла, они встали.

Подбежал Даннил Левин, озабоченно покусывая усы, из-за которых нос его казался еще больше. В одной руке он держал лук, а второй засовывал в колчан у пояса стрелу.

– Я не знал, что делать, Перрин, – срывающимся голосом сказал он. Даннил был у Колодцев Дюмай и сражался с троллоками в родном Двуречье, но случившееся не вписывалось в его представления о мире. – Когда мы сообразили, что происходит, эти гэлданцы уже двинулись сюда. Джондина Баррана и еще парочку парней, Хью Марвина и Гета Айлиа, я выслал на разведку. Кайриэнцам и вашим слугам велел составить в круг повозки и укрыться за ними. Надо же было как-то занять этот народ, что вечно таскается за леди Фэйли, а то они хотели за ней отправиться. А ни один из них не отличит след ноги от дубового листа! Сам тем временем привел сюда остальных. Я уж думал, эти гэлданцы нас атакуют, а тут Первая со своими людьми подросла. Видать, они спятили, коли надумали, будто кто-то из наших айильцев мог на леди Фэйли руку поднять. – Перрина порой еще называли по имени, но Фэйли у двуреченцев всегда удостоивалась титула «леди».

– Ты все правильно сделал, Даннил, – сказал Перрин, кидая ему поводья Трудяги. Хью и Гет в лесу чувствовали себя как рыба в воде, а Джондин Барран способен отыскать след вчерашнего ветра. Гаул и Девы, вытянувшись гуськом, двинулись с вершины. Они по-прежнему были в вуалях. – Передай, пусть здесь останется один из трех, – торопливо сказал Перрин Даннилу. Да, Арганда уступил Перрину, но это еще не означает, что он изменил свои намерения. – И остальных отошли собираться в дорогу. Я хочу выступить, как только будут известия.

Не дожидаясь ответа, Перрин поспешил к Гаулу и, упершись ладонью ему в грудь, оставил рослого айильца. Зеленые глаза Гаула над вуалью почему-то сузились. Сулин и прочие Девы, стоя цепочкой позади него, чуть не подпрыгивали от нетерпения.

– Найди ее ради меня, Гаул, – произнес Перрин. – Все вы, пожалуйста, отыщите тех, кто захватил ее. Если кто и способен выследить айильцев, так это вы.

Столь же внезапно, как и появилось, напряжение покинуло взор Гаула, и Девы тоже расслабились. Если про айильцев можно сказать «расслабились». Все было очень странно. Не думали же они, что он их в чем-то винит.

– Однажды мы все пробуждаемся ото сна, – мягко сказал Гаул, – но если она все еще видит сон, мы отыщем ее. Однако, если ее захватили Айил, нам нужно идти. Они будут дви-

гаться быстро. Даже по... такому. – в последнее слово он вложил изрядную долю отвращения, пнув ногою комок снега.

Перрин кивнул и торопливо отступил в сторону, пропуская двинувшихся рысцой айильцев. Он сомневался, что им долго удастся сохранять взятый темп, но был уверен, что бежать так они смогут дольше любого другого. Проходя мимо Перрина, каждая Дева быстро прижимала пальцы к губам через вуаль, а потом касалась ими его плеча. Сулин, шедшая сразу за Гаулом, коротко кивнула Перрину, но никто из Дев не проронил ни слова. Фэйли бы знала, что означают эти необычные знаки.

И когда его миновала последняя Дева, Перрин понял: была еще одна странность в том, как они уходили. Первым Девы позволили идти Гаулу. Прежде любая скорее проткнула бы его копьем, чем согласилась на такое. Почему?.. Может... С Фэйли должны были быть Чиад и Байн. Байн Гаула нисколько не трогала, но Чиад – совсем другое дело. Прежде Девы никоим образом не поощряли надежд Гаула, что Чиад откажется от копья и выйдет за него замуж, – да ни за что! Но, видно, дело именно в этом.

Перрин хмыкнул, досадуя на себя. Чиад и Байн, и кто еще? Даже ослепленный тревогой за Фэйли, он должен был спросить об этом. Если он хочет ее вернуть, он обязан задушить свой страх и начать *думать*. Но это было все равно что пытаться задушить дерево.

Теперь на плоской вершине холма царило столпотворение. Кто-то уже увел Трудягу, двуреченцы уходили из оцепления на гребне, негустым ручейком торопясь к своему лагерю, обмениваясь возгласами о том, что стали бы делать, пойдя конники в атаку. Изредка кто-то громко спрашивал о Фэйли – все ли в порядке с леди, отправился ли кто на поиски, – но на них тут же поспешно шикали, с тревогой косясь на Перрина. И посреди всей этой суматохи безмятежно расхаживали гай'шайн. Если им не дадут распоряжение все бросить, они станут исполнять порученное даже посреди кипящей вокруг битвы и руки не поднимут, чтобы защититься или помочь кому-нибудь. Хранительницы скрылись в одной из палаток, уведя с собой Сеонид с Масури, и входной клапан был не только опущен, но и накрепко зашнурован. Они не желали, чтобы их беспокоили. Вне всяких сомнений, обсуждать они будут Масиму. Возможно, и то, как бы его убить, чтобы не прознали Перрин и Ранд.

Перрин сердито стукнул кулаком по ладони. Масима совсем вылетел у него из головы. А ведь он должен появиться до темноты, с тем самым почетным караулом в сотню человек. Если повезет, к тому времени вернутся майенские разведчики, а там и Илайаса с остальными ждать недолго.

– Милорд Перрин? – раздался позади голос Грейди, и Перрин обернулся. Два Аша'мана стояли перед своими лошадьми, неуверенно перебирая поводья. Грейди глубоко вздохнул и заговорил, а Неалд согласно кивал. – Мы вдвоем, Перемещаясь, можем осмотреть значительную площадь. И если мы отыщем тех, кто ее похитил... сомневаюсь, что несколько сотен айильцев помешают двум Аша'манам ее вернуть.

Перрин открыл было рот, собираясь сказать, чтобы они немедленно приступали к поискам, но передумал. Да, верно, Грейди был фермером, но отнюдь не охотником и лес он знал постольку-поскольку. Неалд же считал деревней любое поселение без каменной стены. Эти хоть и отличат следы ног от дубовых листьев, но, даже найдя их, скорее всего, не сумеют определить, в какую сторону подались похитители. Конечно, с ними мог бы отправиться и сам Перрин. Он, конечно, не настолько хорош, как Джондин, но все же... Да, он мог бы пойти и оставить Даннила разбираться с Аргандой. И с Масимой. Не говоря уже об интригах Хранительниц Мудрости.

– Идите собирайтесь, – тихо промолвил Перрин в ответ. Куда подевался Балвер? Нигде его не видно. Вряд ли он бросился на розыски Фэйли. – Вы можете понадобится здесь.

Грейди изумленно заморгал, а у Неалда отвисла челюсть.

Перрин не дал им возможности вступить в спор. Он зашагал к низкой палатке с зашнурованным клапаном. Снаружи ее открыть было невозможно. Когда Хранительницы Мудрости хотели, чтобы их не беспокоили, то побеспокоить их не могли ни вожди кланов и никто другой. В том числе и мокроземец, обремененный титулом лорда Двуречья. Перрин достал поясной нож и наклонился, собравшись перерезать завязки, но не успел он просунуть клинок в узкую щель между клапанами, как они дернулись, словно бы кто-то начал развязывать их изнутри. Перрин выпрямился и стал ждать.

Полог откинулся, и наружу выскользнула Неварин. Ее шаль была завязана на талии, но, не считая пара от дыхания, она как будто не чувствовала ледяного воздуха. Бросив острый взгляд на нож в его руке, она подбоченилась. Сухо задребезжали браслеты. Ее длинные песочного цвета волосы были повязаны сложенным темным платком. Зеленоглазая Хранительница Мудрости была худой, почти костлявой, на голову выше Найнив, но именно бывшая Мудрая приходила на память Перрину, когда он видел Неварин. Она встала, загородив ему вход в палатку.

– Ты чересчур порывист, Перрин Айбара. – Ее высокий голос звучал спокойно, но у него сложилось впечатление, что она подумывает надрать ему уши. Очень похоже на Найнив. – Хотя в сложившихся обстоятельствах твоя несдержанность вполне понятна. Чего тебе надо?

– Как?.. – Ему пришлось остановиться и сглотнуть комок в горле. – Как они будут с ней обращаться?

– Не могу сказать, Перрин Айбара. – В лице Неварин не было сочувствия, оно вообще ничего не выражало. Айилыцы могли бы поучить бесстрастности Айз Седай. – Против обычаев – захватывать мокроземцев, разве что древоубийц, но теперь все изменилось. Также против обычаев убивать без необходимости. Но многие отказались принять истину объявившегося *Кар'а'карна*. Некоторые не вынесли откровения и бросили свои копья, однако могли и вновь за них взяться. Другие просто ушли, чтобы жить так, как, по их убеждению, мы должны жить. Я не могу сказать, станут придерживаться обычаев или откажутся от них те, кто покинул клан и септ. – При последних словах глаза ее сверкнули, и только этим она выразила свое презрение к тем, кто покинул клан и септ.

– О Свет, женщина, ну хоть что-то ты должна знать! Наверняка о чем-то догадываешься!..

– Не будь неразумным ребенком, – отрезала Неварин. – Мужчины часто глупеют в таких ситуациях, но ты нам нужен. Думаю, мокроземцы не станут уважать тебя больше, если нам придется связать тебя, чтоб ты успокоился. Ступай в свою палатку. Если не можешь обуздать свои мысли, напейся до бесчувствия. И не мешай нам – у нас совет. – Неварин нырнула обратно в палатку, и упавшие за ее спиной клапаны вновь задержались под завязывавшей их изнутри рукой.

Перрин задумчиво смотрел на опустившийся полог, большим пальцем поглаживая лезвие ножа, потом убрал его в ножны. Если он ворвется туда, Хранительницы вполне могут поступить так, как пригрозила Неварин. И вполне могут так ничего и не сказать. Вряд ли она стала бы скрывать какие-то тайны – не то время. Во всяком случае, не стала бы скрывать то, что касалось Фэйли.

На вершине холма, которую покинуло большинство двуреченцев, стало гораздо тише. Оставшиеся по-прежнему настороженно поглядывали на гэалданский лагерь, топтались на ветру, но молчали. Сновавшие туда-сюда гай'шайн двигались почти бесшумно. Деревья отчасти заслоняли гэалданский и майенский лагерь, но Перрин видел, что и там, и там грузят подводы. И все же он решил оставить людей на страже. С Арганды станет попытаться усыпить бдительность Перрина. Если от человека так пахнет, он вполне может оказаться...

«Неразумным ребенком», – с горечью додумал он.

На холме Перрину делать было нечего, так что он отправился к своей палатке. К палатке, в которой он жил с Фэйли. Эти полмили он даже не шел, а ковылял, порой увязая по колено

в снегу. Он поплотнее закутался в плащ, чтобы тот не хлопал на ветру и чтобы стало теплее. Бесплезно – тепло ему все равно не было.

В двуреченском лагере царил суебор. Мужчины и женщины из кайриэнских поместий Добрэйна грузили повозки, все еще стоявшие по кругу, и седлали лошадей. По такому глубокому снегу повозки катились бы не легче, чем по грязи, поэтому колеса сменили на широкие деревянные полозья и подвесили до времени на боргах телег. Кайриэнцы, закутанные от непогоды и оттого казавшиеся раза в два толще, только посматривали на Перрина, занятые своим делом, но почти каждый двуреченец, заидев его, застывал на месте и смотрел вслед, пока кто-нибудь, ткнув в бок, не возвращал зазевавшегося к предотездным хлопотам. Перрин был рад, что они ограничиваются только взглядами и не лезут со словами сочувствия. Иначе он того и гляди не выдержал бы и разрыдался.

Впрочем, и здесь ему как будто нечего было делать. Его большую палатку – его и Фэйли – уже сложили и погрузили на повозку, вместе с обстановкой и прочим. Базел Гилл, держа в руках длинный список, расхаживал вдоль повозок. Этот коренастый человек, похожий чем-то на запасливую белку в кормушке с зерном, взял на себя обязанности *шамбайяна* и теперь занимался хозяйством Фэйли и Перрина. Больше привычный к городу, чем к путешествиям в глуши, он страдал от холода и потому надел не только плащ, но и толстые шерстяные рукавицы, обернул шею толстым шарфом, а на голову натянул треух с опущенными ушами. При виде Перрина Гилл почему-то вздрогнул, что-то пробормотал, мол, надо за повозками присмотреть, и быстро-быстро убежал прочь. Очень странно.

Потом Перрину пришла на ум одна мысль, и он, найдя Даннилу, распорядился каждый час сменять людей на холме и обязательно всех накормить горячей едой.

– Сначала позаботься о людях и лошадях, – произнес тонкий, но сильный голос. – Но потом ты должен подумать и о себе. Вот в котелке горячий суп, вот хлеб, и я положила немного копченой ветчины. На полный желудок видок у тебя будет получше, чем у ходячей смерти.

– Спасибо, Лили, – сказал Перрин. Ходячая смерть? О Свет, он чувствовал себя мертвецом, а вовсе не чьей-то смертью. – Я поем чуть попозже.

Главная горничная Фэйли выглядела хилой со своей пергаментной кожей и седыми волосами, уложенными в узел на макушке, но спина ее была прямой, а ясные темные глаза смотрели пронзительно. Однако теперь ее лоб избороздила морщинами тревога, а пальцы слишком сильно и напряженно теребили плащ. Конечно, она волнуется из-за Фэйли, но...

– Майгдин была с нею, – понял Перрин, и ему не нужен был утвердительный кивок Лили. Майгдин повсюду тенью следовала за Фэйли. Фэйли называла ее настоящим кладом. А Лили относилась к ней как к дочери, хотя подобное отношение, кажется, подчас не слишком радовало Майгдин, чего не скажешь о самой Лили. – Я верну их, – пообещал Перрин. – Всех верну. – его голос чуть не сорвался. – Займись делом, – продолжил он грубо и торопливо. – Я поем потом. Мне нужно проверить... проверить... – Не договорив, он зашагал прочь.

Проверять ему было нечего. Он ни о чем не мог думать, кроме Фэйли. И вряд ли понимал, куда идет, пока ноги не вынесли его за круг повозок.

В сотне шагов от коновязей черным каменным клювом торчала из снега невысокая скала. Отсюда он увидит следы, оставленные Илайасом и остальными. Отсюда он увидит, как они возвращаются.

Задолго до того, как Перрин дошел до узкого гребня, нос подсказал ему, что там кто-то есть, и подсказал, кто именно. Тот, похоже, не слышал хрустевшего под ногами Перрина снега, потому что вскочил с корточек, только увидев поднявшегося на скалу юношу. Пальцы Талланвора в латных перчатках тискали длинную рукоять меча, на Перрина он посмотрел неуверенно. Это верзила-то, которому пришлось пережить немало ударов судьбы и который обычно имел вид уверенного в себе человека. Возможно, он ждал упреков – почему его не было там, где напали на Фэйли, хотя она сама отказалась от охраны и вообще от телохранителей. Кроме

разве что Байн и Чиад, которые в счет явно не шли. А может, он просто подумал, что его отошлют обратно к повозкам, чтобы Перрин мог побыть один. Перрин сделал над собой усилие, чтобы поменьше походить на... как там выразилась Лини?.. На ходячую смерть? Талланвор был влюблен в Майгдин и, если подозрения Фэйли были верны, в скором времени женился бы на ней. У Талланвора тоже было право находиться здесь и ждать.

Так они и стояли, пока не спустились сумерки, но в заснеженном лесу не видно было никакого движения. Спустилась тьма – и никакого движения, и Масимы не было, но о Масиме Перрин не думал. Миновавшая первую четверть луна белым сиянием заливала снега и, кажется, светила так же ярко, как полная. А потом, пряча луну, набежали рваные облака, и лунные тени стали темнее. С сухим шорохом пошел снег. Снег, который белым саваном скроет все следы. Двое мужчин безмолвно стояли на гряде, на ветру, и вглядывались в снегопад – в ожидании и надежде.

Глава 3

Обычаи

С первого же часа плена Фэйли, бредя через заснеженный лес, боялась замерзнуть. Ветер задувал и стихал, задувал и вновь стихал. На редких деревьях сохранились кое-где листья, по большей части мертвые и побуревшие. Ничем не стесненный ветер кружил по лесу, и хоть порывы его были несильны, они дышали морозом. О Перрине она почти не вспоминала, разве что в надежде, что ему каким-то образом станет известно о тайных делишках Масимы. И о Шайдо, конечно. И пусть даже спасется, чтобы рассказать ему о них, лишь одна эта шлюха Берелейн. Фэйли надеялась, что Берелейн сбежала от засады и все рассказала Перрину. А потом свалилась в какую-нибудь яму и свернула себе шею. Но тревожили Фэйли не мысли о муже, тревожили ее куда более насущные вопросы.

Хотя эту погоду она называла осенней, но и салдэйской осенью люди замерзали насмерть, а из одежды у нее оставались лишь темные шерстяные чулки. Одним чулком ей крепко связали за спиной руки в локтях, а второй чулок петлей стягивал шею. Храбрые слова плохо греют голое тело. Она слишком замерзла, чтоб потеть, но очень скоро заныли ноги – нужно было не отставать от тех, кто захватил ее в плен. Колонна Шайдо, мужчины и Девы в вуалях, когда сугробы начали доходить до колен, немного замедлила продвижение, но едва снега стало по щиколотку, айилы вновь перешли на равномерный бег и усталости не выказывали. Вряд ли лошади двигались бы быстрее. Дрожавшая на привязи Фэйли выбивалась из сил, с присвистом втягивая воздух сквозь стиснутые – чтоб не стучали – зубы.

Шайдо было меньше, чем казалось во время нападения, не больше полутора сотен, и почти все держали копыта и луки наготове. Врасплох их не застать. Всегда настороже, они шли как безмолвные призраки, разве что слабо поскрипывал снег под мягкими, по колено, сапожками. Впрочем, их серо-зелено-бурая одежда отчетливо выделялась на белом фоне. Зеленый цвет добавился к расцветке *кадин'сор*, когда Айил перевалили через Драконову Стену, для маскировки в зеленом краю, – так Фэйли объясняли Байн с Чиад. Почему эти люди не добавили и белого, для зимы? Ведь так их можно разглядеть издали. Фэйли старалась примечать все, запоминать всякие мелочи, которые пригодятся после, когда придет время для побега. Она надеялась, что ее товарищи по плену последуют за ней. Перрин, разумеется, бросится на поиски, но мысль о чудесном вызволении она отбросила сразу. Будешь ждать вызволения, так и прождешь вечность. Кроме того, сбежать нужно как можно скорее, пока этот отряд не присоединился к остальным Шайдо. Пока девушка еще не понимала как, но какая-то возможность для побега должна была найтись. Крупница удачи заключалась в том, что до главных сил Шайдо

несколько дней пути. Пусть эта часть Амадии ввергнута в полный хаос, но будь поблизости тысячи Шайдо, кто-нибудь об этом да слышал бы.

Один раз Фэйли попыталась оглянуться на женщин, захваченных вместе с нею, но доби-лась только одного: споткнувшись, рухнула в сугроб. С головой уйдя в снег, она задохнулась от его ледяного прикосновения, а потом охнула еще раз, когда рослый здоровяк Шайдо, державший конец ее привязи, поставил девушку на ноги. Широкоплечий, как Перрин, и выше его на целую голову, Ролан поступил просто: схватив ее за волосы, одним рывком выдернул из сугроба и снова заставил бежать, сильно шлепнув ладонью по голому заду, и таким широким шагом двинулся дальше, что ей пришлось весьма быстро переставлять ноги. Обычно подобными шлепками подгоняют пони. Несмотря на наготу Фэйли, в голубых глазах Ролана совершенно не было того выражения, с каким мужчина смотрит на женщину. За что она, с одной стороны, была ему очень благодарна. А с другой стороны – несколько... обескуражена. Разумеется, ей не хотелось, чтобы он на нее похотливо пялился или хотя бы глядел с интересом, но эти прохладные взгляды были почти оскорбительны! И теперь Фэйли старалась не падать, хотя проходил час за часом, а передышки все не было, и сил требовалось все больше лишь на то, чтобы просто держаться прямо.

Вначале Фэйли гадала, какая часть тела замерзнет раньше, но к тому времени, как утро перешло в день, она тревожилась уже только о своих ногах. Ролан и шедшие впереди протап-тывали какое-то подобие тропинки, но у наста были острые края, и в следах босых ног Фэйли начали оставаться алые пятна. Но холод пугал ее больше. Ей доводилось видеть обморожен-ных. Скоро ли почернеют пальцы на ногах? Пошатываясь, она при каждом шаге вытягивала ступню и постоянно двигала руками. Хуже всего дело обстояло с пальцами на руках и ногах, но обморозить можно и другие части тела – она ведь совсем раздета. Оставалось только наде-яться, что этого не произойдет. От постоянного напряжения конечности болели, ссадины на ступнях горели огнем, но лучше чувствовать боль, чем не чувствовать ничего. Ибо последнее означает, что смерти ждать уже недолго. Согнуть ногу и шагнуть, согнуть и шагнуть. Больше она ни о чем не думала. Переставляла дрожавшие ноги и старалась, чтобы не задубели ступни и кисти рук. И продолжала идти.

Вдруг Фэйли наткнулась на Ролана и отлетела, тяжело дыша, от его широкой груди. Полу-оглушенная, она не сразу поняла, что тот остановился. Остановились и айильцы впереди; неко-торые смотрели назад, остальные настороженно оглядывались по сторонам, держа оружие наго-тове в ожидании внезапной атаки. Вот и все, что успела разглядеть Фэйли, а потом Ролан опять сгреб ее за волосы и заставил нагнуться и поднять ногу. О Свет, да он и впрямь обращается с ней как с пони!

Отпустив волосы и лодыжку Фэйли, Ролан обхватил рукой ее ноги, и в следующий миг перед ее глазами все перевернулось. Он закинул Фэйли себе на плечо, и она повисла вниз головой, рядом с роговым луком в чехле. Айилец небрежно подбросил ее пару раз, пристраивая свою ношу поудобнее, и в душе Фэйли взметнулась волна возмущения, однако она тотчас же заглушила ее. Не место и не время негодовать. Важно то, что ноги ее больше не в снегу. И она может немного отдышаться. Но вообще-то, Ролан мог бы и предупредить ее.

С трудом вывернув шею, Фэйли покосилась на своих спутниц. Она испытала облегчение, обнаружив, что все на месте. Пусть нагие, пусть в плену, но зато живые – Фэйли была уверена, что позади айильцы оставили только мертвые тела. Те, кто мог идти, шли на привязи из чулок или обрывков их прежних одежд, и у большинства руки были связаны за спиной. Аллиандре больше не пыталась прикрыться, складываясь вдвое. О своей стыдливости королева Гэалдана забыла – на смену пришли иные тревоги. Дрожащая, тяжело дышащая, она наверняка упала бы, если бы осматривавший ее ноги приземистый Шайдо не придерживал Аллиандре за связанные локти. «Приземистый» для айильца означало, что в большинстве стран его рост не привлек бы особого внимания, – правда, шириной плеч он почти не уступал Ролану. Темные волосы

Аллиандре, ниспадавшие на спину, разметал ветер, лицо ее приобрело загнанное выражение. Не лучший вид имела и Майгдин. Она хватала ртом воздух, рыжевато-золотистые волосы в беспорядке, голубые глаза широко раскрыты, однако она не пошатнулась, когда тощая Дева поднимала ей ногу. Каким-то образом горничная Фэйли умудрялась выглядеть королевой в большей степени, чем Аллиандре, хотя и весьма растрепанной королевой.

По сравнению с ними Байн и Чиад, казалось, устали не больше Шайдо, хотя по щеке Чиад, вспухшей после удара, растеклась желтизна, а на лице и в коротких огненно-рыжих волосах Байн запеклась и замерзла кровь. Это плохо – может остаться шрам. Но обе Девы не запыхались и даже сами подняли ноги для осмотра. В отличие от остальных пленников они не были связаны – их связывал обычай, который был крепче цепей. Они спокойно приняли свою судьбу – служить год и один день в качестве гай'шайн. Байн и Чиад могли помочь бежать – Фэйли не знала, насколько их стесняет обычай, – но сами они улизнуть не попытаются.

Последние пленницы, Ласиль и Аррела, старались вести себя по примеру Дев, но, конечно, с посредственным успехом. Высокий айилец, проверяя ноги Ласиль, просто сунул миниатюрную кайриэнку под мышку; от унижения на ее бледных щеках проступили темно-красные пятна. Аррела была высокой, но присматривавшие за ней две Девы оказались выше Фэйли, и обращались они с тайренкой с равнодушной легкостью. От их тычков она сердито нахмурилась, возможно усмотрев нечто обидное и в их быстрых переговорах на языке жестов, принятом у Дев. Фэйли надеялась, что источником неприятностей Аррела не станет – во всяком случае, не сейчас. Все из *Ча Фэйли* старались подражать Девам, жить так, как, по их мнению, жили Айил, но Аррела стремилась *быть* Девой, и ее очень обидело, что Сулин и остальные не стали учить ее языку жестов. Она бы обиделась еще больше, если б узнала, что Байн и Чиад немного научили ему Фэйли. Не настолько, чтобы она все поняла из разговора Дев, – девушка в лучшем случае уяснила половину. И хорошо, что Аррела ничего не понимает. Девы считали, что у мокроземки нежные ноги, да и сама она неженка. Пойми Аррела их жесты, взрыва негодования было бы не миновать.

Но, как выяснилось, Фэйли незачем было тревожиться из-за Аррелы. Тайренка одеревенела, когда одна из Дев вскинула ее себе на плечо, – айилка, притворно пошатнувшись под ношей, свободной рукой сделала несколько быстрых знаков второй Деве, отчего та лающе расхохоталась. Однако, бросив взгляд на Байн и Чиад, уже покорно висевших на плечах айильцев, Аррела с угрюмым видом позволила себя нести. Ласиль пискнула, когда придерживавший ее здоровяк одним махом также забросил кайриэнку на плечо, но сразу притихла, хотя лицо ее горело румянцем. М-да, в их подражании Айил имелись определенные плюсы.

Совсем иначе дело обернулось с Аллиандре и Майгдин, хотя именно от них неприятностей Фэйли ожидала в последнюю очередь. Поняв, что происходит, эта парочка принялась отбиваться. Ну, борьбой это не назовешь, но две голые, измученные женщины со связанными за спиной руками извивались, вопили, лягали каждого, до кого могли дотянуться, а Майгдин ухитрилась впиться зубами в руку зазевавшегося айильца, да так и болталась, точно гончая на медведе.

– Перестаньте, вы, дуры! – прикрикнула на них Фэйли. – Аллиандре! Майгдин! Пусть они вас несут! Послушайте меня!

Ни ее горничная, ни ее вассал будто и не слышали этого. Майгдин рычала, словно лев, не разжимая зубов. Аллиандре упала на землю, по-прежнему вопя и отбиваясь ногами. Фэйли открыла рот для нового приказа.

– Гай'шайн должны вести себя тихо, – пробурчал Ролан, крепко шлепнув Фэйли.

Фэйли скрежетнула зубами и заворчала себе под нос. И заслужила еще один шлепок! У него за пояс заткнуты ее ножи. Если б ей в руки попал хоть один!.. Нет. Что нужно вытерпеть, можно вытерпеть. Она хочет бежать, и ни к чему бесполезные эскапады.

Соппротивление Майгдин продлилось чуть дольше, чем у Аллиандре, до тех пор, пока пара дюжих айильцев не высвободили руку Шайдо из мертвой хватки ее челюстей. Чтобы разжать челюсти Майгдин, и в самом деле потребовалось двое мужчин. К удивлению Фэйли, вместо того чтобы отвесить Майгдин хорошую затрещину, укушенный смахнул кровь с руки и рассмеялся! Тем не менее Майгдин это не спасло. В один миг горничную Фэйли уложили лицом в снег рядышком с королевой. От прикосновения холодного снега обе охнули и принялись извиваться, но продлилось это недолго. Из-за деревьев вышли двое Шайдо, одна Дева и один мужчина, на ходу тяжелыми поясными ножами очищая длинные прутья от сучков. А потом они подошли к лежавшим на снегу женщинам, наступили каждой ногой между лопаток, затем, подсунув под связанные локти кулаки, приподняли их, и на белых бедрах начали расцветать алые рубцы.

Поначалу обе женщины продолжали сопротивляться, корчась в крепкой хватке айильцев. Но борьба имела еще меньше смысла, чем раньше. Выше пояса они не могли даже пошевелиться. Аллиандре все верещала, что они не смеют так с нею поступать, – для королевы вполне объяснимо, хотя и глупо при таких обстоятельствах. Еще как смеют – она же чувствует это на собственной шкуре. Как ни удивительно, Майгдин пронзительно кричала то же самое. Можно подумать, она не горничная леди, а ее королевское величество. Фэйли-то знала, что Лили, бывало, поучала Майгдин розгой, и никаких шутовских воплей и в помине не было. Так или иначе, протесты ни к чему не привели. Методичная порка продолжалась, пока обе не завывали невнятно, дрыгая ногами, и еще некоторое время – в назидание. Когда Аллиандре с Майгдин, как и остальных пленниц, вскинули на плечи, они повисли, обмякнув, всхлипывая, забыв про всякое сопротивление.

Сочувствия Фэйли не испытывала. По ее мнению, эти дуры заслужили каждый удар. Чем дольше они, замерзшие и с изрезанными в кровь ногами, находятся на морозе без одежды, тем меньше надежды дожить до побега. Шайдо придется отвести их в какое-нибудь укрытие, а Аллиандре с Майгдин только задерживают всех, и хотя задержка вышла не больше чем на четверть часа, жизнь от смерти могут отделять всего какие-то минуты. Кроме того, даже айильцы чуточку да утратят бдительность, когда окажутся в укрытии и разведут огонь. А пленницы, раз их несут, могут передохнуть. Они должны быть готовы к бегству в любой момент, когда представится возможность.

С пленницами на плечах Шайдо своим размеренным шагом двинулись дальше. Вообще-то, казалось, что через лес они идут даже быстрее прежнего. Фэйли слегка качало, жесткий кожаный футляр с луком бил ее по боку, и вскоре она почувствовала дурноту. Каждый шаг Ролана отзывался в животе толчком. Фэйли осторожно попыталась сменить позу, чтобы ее поменьше било и толкало.

– Не дергайся, а то свалишься, – проворчал Ролан, похлопав ее по бедру, словно успокаивая лошадь.

Приподняв голову, Фэйли хмуро посмотрела назад, на Аллиандре. Она мало что увидела, и эта малость была исполосована алыми рубцами от верхней части бедер почти до колен. Если подумать, небольшая задержка и десяток рубцов, может, и невеликая плата за то, чтобы укусить того олуха, который несет ее, как мешок с зерном. Нет, лучше не за руку укусить. Лучше в горло вцепиться.

Смелые мысли – и бестолковые. Да просто глупые. Фэйли понимала, что, даже болтаясь на плече айильца, должна бороться с холодом. В каком-то отношении, начала она соображать, хуже, когда тебя несут. Пока она шла, ей хоть приходилось стараться держаться прямо, напрягать мышцы, а теперь, с наступлением вечера, с надвигающимися сумерками, мерное раскачивание на плече Ролана попросту убаюкивало. Нет. Это холод притуплял разум. Замедлял ток крови. Она должна бороться с холодом, иначе умрет.

Она ритмично сжимала и разжимала пальцы, напрягала и расслабляла мышцы связанных рук и ног, разгоняя кровь. Фэйли думала о Перрине, о его твердых намерениях и планах, как поступить с Масимой, и о том, как ей убедить его, если он заартачится. Она мысленно вела спор, который непременно случится, когда он узнает, что Фэйли использовала Ча Фэйли в качестве соглядатаев, обдумывала, как встретит гнев Перрина и отведет его. Это настоящее искусство – направить гнев мужа в нужном тебе направлении, и она научилась ему у непревзойденного знатока, у своей матери. Это будет превосходный спор. А потом последует великодушное примирение.

Мысль о примирении заставила Фэйли забыть о работе мускулов, поэтому она сосредоточилась на споре и на планах. Но холод все равно притуплял разум. Порой она теряла нить рассуждений, после чего, встряхнув головой, начинала размышлять заново. Немного помогали призывы Ролана лежать спокойно; чтобы не уснуть, она сосредоточивалась на его голосе. Помогали даже сопровождавшие его ворчание шлепки по задку – ей не хотелось себе в этом признаваться, но каждый шлепок был потрясением и вырывал ее из дремы. Немного погодя Фэйли принялась ерзать, едва не сползая с плеча и напрашиваясь на шлепки посильнее. Все, что угодно, только бы бодрствовать. Она не могла сказать, сколько прошло времени, но ерзать вскоре устала, и Ролан больше не ворчал, не говоря уж о шлепках. О Свет, она же не прочь, чтобы он лупил по ней, как по барабану!

«А почему мне, Света ради, этого хочется?» – оступело подумала Фэйли, и каким-то меркнущим краем сознания поняла, что проиграла битву.

Ночь как будто стала темнее. Она даже не различала света луны на снегу. Однако чувствовала, что скользит, скользит все быстрее и быстрее в еще более густую тьму. Безмолвно завывая, она провалилась во мрак оцепенения.

Пришел сон. Она сидела на коленях у Перрина, а он так крепко обнимал ее, что она едва могла вздохнуть; рядом в широком, сложенном из камней камине гудело пламя. Курчавая борода Перрина царапала ей щеки, и он больно покусывал ее за ухо. Вдруг сквозь комнату пронесся вихрь, задув огонь в камине, словно пламя свечи. И Перрин обратился в дым, унесенный порывом ветра. Одна в крошечном мраке, она боролась с ветром, но ветер крутил, вертел ее, пока у нее настолько не закружилась голова, что она не знала, где верх, где низ. Одна, кружащаяся без конца в ледяном мраке, понимающая, что больше никогда не найдет Перрина.

Она бежала по замерзшему лесу, спотыкаясь в сугробах и снежных наносах, падая, вновь вставая, чтобы продолжить панический бег, жадно хватала ртом воздух, такой холодный, что горло резало как осколками стекла. Вокруг на стылых ветвях искрились сосульки, и морозный ветер пронизывал лиственный лес. Перрин очень сердит, и ей нужно убраться подальше. Почему-то ей не удавалось припомнить, о чем был спор, только каким-то образом она по-настоящему рассердила своего прекрасного волка; в такие моменты обычно начинают бить посуду и бросать друг в друга что под руку подвернется. Только вот Перрин не стал делать ничего такого. Он собрался разложить ее на колене, как это уже было однажды, давным-давно. Тогда почему она убегает? Они же могут помириться. И конечно же, она оплатит ему за унижение. Ведь раза два она, сама того не желая, и вправду пускала ему кровь метко нацеленным кувшином и миской и знала, что он ей зла не причинит. Но еще она знала, что должна бежать и бежать, иначе погибнет.

«Если он меня поймает, – мрачно подумала она, – так хотя бы какой-то части моего тела будет жарко».

И она засмеялась, а мертвенно-белая местность кружилась вокруг нее, и она поняла, что и сама вскоре будет мертва.

Чудовищных размеров костер возник над нею – громадная куча толстых бревен, охваченная ревущим пламенем. Она была нага. Ей было холодно, очень холодно. И она, как бы близко ни придвигалась к огню, чувствовала, что кости ее промерзли насквозь, а плоть готова

разлететься от малейшего удара. Она подходила все ближе и ближе. Жар пламени нарастал, пока она не отшатнулась, но под кожей все равно ощущался жгучий холод. Еще ближе. О Свет, как горячо, чересчур горячо! А внутри холодно. Ближе. Ее опалило пламенем, от боли она закричала, но внутри по-прежнему был лед. Ближе. Еще ближе. Сейчас она умрет. Фэйли завопила, но вокруг царили тишина и холод.

Был день, но на небе сгрудились свинцовые тучи. Снег падал и падал, ветер кружил между стволов крупные снежинки. Ветер не был сильным, но лизал ледяными языками. На ветвях нарастали белые гряды, а потом обрушивались под собственной тяжестью и под порывами ветра, осыпая землю тяжелыми хлопьями. Голод тупыми зубами терзал живот. Очень высокий костлявый человек в белом шерстяном капюшоне, затенявшем лицо, что-то сунул ей в рот. Краешек большой глиняной кружки. Глаза его были удивительно зелеными, точно два изумруда в окружении морщин и шрамов. Он стоял на коленях рядом с ней, на большом коричневом шерстяном одеяле, а ее наготу закрывало другое одеяло, в серую полоску. Вкус горячего чая, щедро сдобренного медом, буквально взорвался на языке, и она обеими руками, пусть и слабыми, схватила жилистое запястье мужчины – вдруг тот решит убрать кружку. Зубы стучали по кружке, но она с жадностью глотала исходившую паром сладкую жидкость.

– Не торопись! Расплескивать нельзя, – смиренно произнес зеленоглазый. Смирение не вязалось с его яростным лицом и мрачным голосом. – Они оскорбили твою честь. Но ты – из Мокрых земель, так что, наверное, для тебя это не важно.

Медленно до Фэйли доходило, что происходящее не сон. Мысль явилась тонкой струйкой теней, которые таяли, когда она пыталась их удержать. Этот рослый мужчина в белом был гай'шайн. Ее привязь и путы исчезли. Зеленоглазый высвободил руку из ее слабых пальцев, но только для того, чтобы нацедить темную струйку из висящего у плеча кожаного меха. От кружки поднялся пар, в воздухе разлился аромат чая.

Отчаянно дрожа, чуть не падая, Фэйли закуталась в полосатое одеяло. Ноги горели огнем. Попытайся она встать, наверняка не устоит. Но вставать и не хотелось. Сидя на корточках, Фэйли могла укрыться одеялом до пят, но если встать, ноги наверняка откроются до колен, а то и выше. И думала Фэйли в первую очередь о тепле, а не о приличиях, хотя и такая мысль приходила ей в голову. Клыки голода стали острее, ее продолжала бить дрожь. Она промерзла до мозга костей, а горячий чай превратился в воспоминание. Мускулы превратились в недельной давности окаменевший пудинг. Ей хотелось смотреть только на наполнявшуюся кружку, но она заставила себя оглянуться на своих спутниц.

Все были здесь, Майгдин, Аллиандре и остальные. Пленницы устало сидели на разложенных в ряд одеялах и дрожали под другими одеялами, уже присыпанными снежком. Перед каждой стоял на коленях гай'шайн с округлым мехом и кружкой или чашкой в руке, и даже Байн и Чиад пили, как умирающие от жажды. Кто-то смыл кровь с лица Байн, но вид у обеих Дев был измотанный и жалкий, совсем не такой, как раньше. Начиная с Аллиандре и кончая Ласиль, спутницы Фэйли выглядели так, словно – как там выражался Перрин? – их протащили через свиль задом наперед. Но все живы – и это главное. Бежать могут только живые.

Ролан и другие *алгай'д'сисвай*, ведущие пленников, собрались тесной группкой у дальнего от Фэйли конца ряда одеял. Пять мужчин и три женщины, снег доходил Девам почти до колена. Черные вуали болтались на груди, айильцы безразлично наблюдали за пленниками и гай'шайн. Фэйли бросила на них мимолетный хмурый взгляд, пытаясь поймать ускользавшую мысль. Ах да, конечно. Где остальные? Побег будет легче, если остальные почему-то ушли. И было еще что-то, какой-то смутный вопрос, который ей не удавалось сформулировать.

Вдруг Фэйли увидела то, что находилось позади восьми айильцев, и тут же получила ответ на оформившийся наконец вопрос. Откуда взялись гай'шайн? В сотне шагов, за редколесьем, за пеленой снегопада, тек непрерывный поток людей и выючных животных, фургонов и телег. Нет, не поток. Текла полноводная река айильцев. Вместо полутора сотен Шайдо глазам

Фэйли предстал целый клан. Казалось невероятным, что такое множество людей, оставшись незамеченным, миновало Абилу на расстоянии в один-два дня пути, пусть даже за городской чертой и царила анархия, однако доказательство тому явилось взору Фэйли со всей очевидностью. Она почувствовала, как внутри все оборвалось. Бежать, может быть, и удастся, но она в удачный побег уже не верила.

– Чем они оскорбили меня? – судорожно спросила Фэйли, затем захлопнула рот, чтобы не болтать попусту. И открыла его только тогда, когда гай'шайн снова поднес к ее губам кружку. Она глотнула драгоценного тепла, поперхнулась и заставила себя не торопиться. Сладость столь обильно добавленного меда в другое время показалась бы чрезмерной, но сейчас мед немного приглушал голод.

– Вы, мокроземцы, ничего не знаете, – без капли сомнения в голосе сказал айилец со шрамами. – Гай'шайн не положено ни во что одевать, кроме надлежащего одеяния. Но они побоялись, что вы замерзнете насмерть, а завернуть вас было не во что, у них только куртки. Вас называли слабыми, опозорили, но у мокроземцев вообще нет стыда. Ролан и многие другие – *Мера'дин*, но Эфалин и остальные должны были бы знать лучше. Напрасно Эфалин разрешила укрыть вас одеялами.

Опозорили? Куда вернее – привели в ярость. Не желая отворачиваться от благословенной кружки, Фэйли скосила глаза на мощного гиганта, который нес ее, как мешок с зерном, и при этом безжалостно шлепал. Смутно она припомнила, что вроде как радовалась шлепкам. Но не могла же она и в самом деле им радоваться! Конечно, это невозможно! С виду Ролан не походил на человека, который то шел, то бежал с ношей большую часть дня и всю ночь. Судя по пару изо рта, дышал он вполне спокойно. «Мера'дин?» Кажется, на древнем наречии это означает Безродные, но подобное толкование ни о чем ей не говорило, хотя в голосе гай'шайн слышалась презрительная нотка. Надо будет спросить у Байн и Чиад и надеяться, что это не одна из тем, которые айильцы не обсуждают с уроженцами Мокрых земель, даже с друзьями-мокроземцами. Для побега пригодится любая кроха знания.

Значит, им пришлось завернуть пленников, чтобы те не замерзли? Славно, стало быть, замерзнуть никому не грозит, разве что Ролану и прочим. Что ж, может, сделать ему маленькую поблажку? Совсем маленькую. Допустим, она отрежет ему только уши. Если будет такая возможность, когда вокруг тысячи Шайдо. Тысячи? Да Шайдо сотни тысяч, и десятки тысяч из них – алгай'д'сисвай. Рассердившись на себя, Фэйли боролась с отчаянием. Она должна бежать; они все должны бежать, и уши его она унесет с собой!

– Ладно, Ролан у меня получит, что заслужил, – пробормотала Фэйли, когда гай'шайн забрал у нее кружку, чтобы наполнить вновь. Глаза у него сузились, он с подозрением покосился на девушку. Она заторопилась. – Как ты сказал, я – из Мокрых земель. Как и большинство из нас. Мы не следуем джи'и'тох. А по вашим обычаям нас вообще нельзя сделать гай'шайн. Разве не так? – Испешренное шрамами лицо ничуть не изменилось, разве что дрогнуло веко. Мелькнула смутная мысль, что она зря суется в воду, не зная броду, но заледенелые мысли не сумели удержать язык. – Что, если Шайдо решат нарушить и другие обычаи? И не отпустят тебя, когда минет срок?

– Шайдо нарушили много обычаев, – миролюбиво сказал айилец, – но я не нарушу. Мне еще больше полугода носить белое. До тех пор я буду служить, как требует обычай. Если ты так разговоришься, может, чая больше не надо?

Фэйли неловко выхватила у него кружку. Он приподнял брови, и она со всей возможной быстротой одной рукой поправила одеяло. Щеки ее пылали. Он-то точно знал, что смотрит на женщину. О Свет, она неуклюжа, как слепой вол! Ей нужно подумать, сосредоточиться. Единственное оставшееся у нее оружие – ее мозги. А сейчас они все равно что промерзший сыр. Сделав большой глоток горячего сладкого чая, Фэйли стала думать, не окажется ли в

каком-то отношении преимуществом, что они окружены тысячами Шайдо. Однако в голову ничего не приходило. Вообще ничего.

Глава 4

Предложения

Ну, что у нас тут? – раздался женский голос.

Фэйли подняла взгляд и замерла. Всякие мысли о горячем чае разом оставили ее.

Из снежной круговерти появились две айилки в сопровождении женщины-гай'шайн, которая была много ниже их. И хотя обе проваливались в устлавшее землю белое покрывало глубже чем по щиколотку, они ухитрились шагать широко и уверенно. Гай'шайн же то и дело спотыкалась, семенила, стараясь не отстать от айилок, к тому же ей на плечо опиралась одна из них – та, чья голова была обмотана темно-серой шалью. Все три заинтересовали Фэйли. Женщина в белом держалась смиренно, опустив голову, руки она, как и положено гай'шайн, прятала в широких рукавах, но ее облачение было сшито из плотного шелка. Украшения были запрещены для гай'шайн, однако ее талию стягивал широкий, искусной работы пояс из золота и огневигов. Фэйли успела разглядеть и такой же ошейник, охватывавший почти всю шею. Мало кто, за исключением королевских особ, мог позволить себе подобную роскошь. Очень странная гай'шайн, однако внимание Фэйли привлекли другие. Что-то подсказывало ей, что это – Хранительницы Мудрости. Они просто-таки излучали властность; эти женщины привыкли отдавать приказы и привыкли к повиновению других. Да и внешность их сразу бросалась в глаза. Женщина, что подталкивала гай'шайн, напоминала голубоглазую орлицу, и была она, как и большинство Айил, в добрый спан ростом. А вторая оказалась выше Перрина самое меньшее на пол-ладони. Но крупной ее было не назвать. Светлые, желтовато-песочные волосы, прикрытые широкой темной косынкой, ниспадали до пояса, а на плечах небрежно лежала коричневая шаль, открывая взорам полную грудь в глубоком разрезе светлой блузки. Как только она не мерзнет – ведь чуть ли не полгруды на мороз выставила? А все эти тяжелые костяные и золотые ожерелья на морозе наверняка превратились в ледяные!

Женщины остановились перед пленниками, и та, что походила на орлицу, неодобрительно нахмурилась, глядя на Шайдо рядом, и сделала короткий жест рукой. Другой рукой она почему-то по-прежнему крепко сжимала плечо гай'шайн. Три Девы немедленно развернулись и заторопились к походной колонне Шайдо. И один из мужчин сразу побежал туда же, но Ролан и остальные сначала обменялись мрачными взглядами и только потом последовали за ними. Возможно, эти взгляды означали что-то, а возможно, и ничего не означали. Фэйли вдруг поняла, что чувствует человек, угодивший в водоворот и хватающийся за соломинку.

– У нас тут еще гай'шайн для Севанны, – задумчиво произнесла невероятно высокая женщина. Ее строгое лицо вряд ли кто-то мог назвать привлекательным, но по сравнению с другой Хранительницей Мудрости она казалась самой сердечностью. – Севанна будет довольна

только тогда, Терава, когда весь мир будет гай'шайн. Ну, лично я против такого возражать не стану, – со смехом закончила она.

Орлиноглазая Хранительница не засмеялась. Лицо ее оставалось каменным, как и голос.

– Сомерин, у Севанны и так слишком много гай'шайн. У нас слишком много гай'шайн. Из-за них мы еле плетемся, когда нужно бежать. – Ее твердый как сталь взор резанул по пленникам.

Когда взгляд Теравы упал на Фэйли, девушка вздрогнула и поспешно уткнулась лицом в кружку. Она никогда раньше не видела Теравы, но по одному взгляду могла судить, что это за женщина, – готовая безжалостно сломить всякого, кто скажет слово поперек, и видящая в любом случайном взоре брошенный ей вызов. От таких хорошего ждать не приходится, будь то глупый лорд при дворе или прохожий на дороге, а уж если этакая орлица имеет свой интерес, то побег превращается в крайне трудное мероприятие. Но все равно Фэйли уголком глаза следила за нею. С таким ощущением, будто следила за полосатой гадюкой, свернувшейся, блестя чешуей, в футе от лица.

«Будь покорной, – думала Фэйли. – Я смиренно стою на коленях и ни о чем не думаю, только пью чай. Не стоит на меня дважды смотреть, ты, холодноглазая ведьма».

Оставалось надеяться, что другие поняли то же, что и она.

Поняли все, кроме Аллиандре. Она попыталась подняться на опухших ногах, покачнулась и, скривившись, вновь опустилась на колени. И все равно Аллиандре выпрямилась, гордо вскинув голову, красное полосатое одеяло лежало у нее на плечах, точно тонкая шелковая шаль поверх великолепного платья. Эффект несколько портили голые ноги и растрепавшиеся на ветру волосы, однако она являла собой вознесенную на пьедестал надменность.

– Я – Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана, – громко провозгласила она; так королева могла бы обратиться к бродягам или грабителям. – С вашей стороны будет благоразумно обращаться со мной и моими спутниками хорошо и примерно наказать тех, кто столь жестоко обошелся с нами. За нас вы можете получить большой выкуп, больший, чем вы способны себе представить, и будете помилованы за свои преступления. Пока не получен выкуп, я и моя госпожа, мой сеньор, требуем для себя пристойного стола и ночлега. Это же касается и ее горничной. Остальные удовольствуются более скромным, но отнюдь не дурным обращением. Я не заплачу выкупа, если поступят плохо хотя бы с самой последней служанкой моей госпожи.

Фэйли чуть не застонала. Неужели эта идиотка полагает, что эти люди – обыкновенные разбойники? Но застонать она просто не успела.

– Это правда, Галина? Она – королева из Мокрых земель?

Возле пленников, выехав откуда-то сзади, появилась еще одна женщина. Ее высокий вороной мерин тихо ступал по снегу. Фэйли подумала, что это тоже айилка, но до конца уверена не была. Так как женщина сидела верхом, то наверняка сказать было трудно, но, кажется, ростом она с Фэйли, что нечасто встречается среди Айил, и вот еще эти зеленые глаза на загорелом лице... И все-таки... На первый взгляд ее широкие темные юбки очень походили на те, что носят айилки, – правда, сшиты они для езды верхом и вроде бы шелковые... Айильскими были и кремовая блузка, и видневшиеся из-под юбки-штанов красные сапожки. Ее длинные золотистые волосы придерживала широкая косынка, расшитая красным шелком, а на голове красовалась золотая диадема в палец толщиной, отделанная огневиками. Если украшения Хранительниц Мудрости были из золота и поделочной кости, то у всадницы грудь в вырезе, немногим уступавшую груди Сомерин, наполовину скрывали низки крупных жемчужин и ожерелья из изумрудов, сапфиров и рубинов. И вырез у блузки был не меньше, чем у Сомерин. Браслеты, взбиравшиеся чуть ли не до локтей, также отличались от браслетов Хранительниц Мудрости. Айильцы колец не носили, но у незнакомки на каждом пальце сверкали самоцветы. Вместо темной шали плечи всадницы облегал ярко-красный плащ, подбитый белым мехом и

отороченный золотой вышивкой. Плащ слегка трепало на ветру. Однако сидела она в седле по-айильски неловко.

– И еще ее госпожа? – Она запнулась на явно незнакомом слове. – Ее сеньор? То есть королева ей дала клятву верности? Тогда это поистине могущественная женщина. Отвечай, Галина!

Облаченная в шелк гай'шайн сгорбилась и заискивающе улыбнулась всаднице.

– Да, Севанна, женщина, которой королева клянется в верности, поистине обладает могуществом, – с готовностью подтвердила она. – Я о таком никогда не слыхала. Однако, по-моему, она именно та, за кого себя выдает. Однажды я видела Аллиандре, несколько лет назад, и девочка, которую я помню, вполне могла вырасти в эту женщину. И она была коронована королевой Гэалдана. Что она делает в Амадиции, я не знаю. И белоплащники, и Айлрон схватили бы ее в тот же миг, как...

– Хватит, Лина, – оборвала ее Терава. Ее рука сильнее сжала плечо Галины. – Ты же знаешь, я не люблю, когда языком болтают.

Гай'шайн дернулась, как от удара, и захлопнула рот. Скорчившись, она улыбнулась Тераве, глядя на нее с еще более заискивающим и жалким видом, чем на Севанну. Она заломила руки, и на ее пальце блеснуло золото. Но в глазах еще и гнев полыхнул. В темных глазах. Явно не айильских. Терава будто и не заметила раболепия Галины – собаке скомандовали: «К ноге!» – и та послушно исполнила требуемое, чего же большего? Все ее внимание было приковано к Севанне. Сомерин искоса глянула на гай'шайн, кривя губы от отвращения, но потом прикрыла грудь шалью и тоже воззрилась на Севанну. По лицам Айил мало что можно прочесть, однако было очевидно: Севанна ей не по нутру и в то же время она Севанну побаивается.

Поверх кружки Фэйли тоже смотрела на женщину на коне – примерно с такими же чувствами она смотрела бы на Логайна или на Мазрима Таима. Имя Севанны, как и их имена, было словно на небосводе написано – кровью и огнем. От ее бесчинств Кайриэн оправится не скоро, хорошо, если лет через десять, и кровавые волны докатились до Андора и Тира и еще дальше. Перрин винил во всем человека по имени Куладин, но Фэйли достаточно наслышалась об этой женщине, и у нее сложилось свое, не слишком далекое от истины, мнение о том, кто стоял за всей той историей. И никто не оспаривал, что бойня у Колодцев Дюмай – всецело на совести Севанны. Фэйли согласна была оставить Ролану его уши, лишь бы забрать назад скоропалительно-дурацкое заявление Аллиандре.

Кричаще разодетая Севанна медленно поехала вдоль ряда стоявших на коленях женщин, ее жесткие зеленые глаза были холодны, как у Теравы. Скрип снега под копытами вороного звучал неожиданно громко.

– Кто из вас горничная? – Станный вопрос. Майгдин помешкала, сжав челюсти, а потом подняла руку, выпростав ее из-под одеяла. Севанна задумчиво кивнула. – И кто та самая... ее сеньор?

Фэйли подумала, что Севанна так или иначе, но узнает правду и таиться смысла нет. Без всякого желания она подняла руку. И ее охватила дрожь, причем не от холода. На нее обратила свой пристальный – и жестокий – взгляд Терава. И наблюдала она теперь и за Севанной, и за теми, кого та назвала.

Фэйли не понимала, как можно не заметить такой зловещий взгляд, однако Севанна как будто не чувствовала его. Она повернула мерина обратно и чуть погодя сказала:

– С такими ногами они идти не смогут. И не пойму, зачем им ехать вместе с детьми. Исцели их, Галина.

Фэйли вздрогнула и чуть не выронила глиняную кружку. Она сунула ее гай'шайн, сама не понимая, что делает. Все равно кружка уже пуста. Мужчина со шрамами равнодушно начал снова наполнять кружку чаем из бурдюка. Исцелить? Не может быть, чтобы...

– Очень хорошо, – сказала Терава, подтолкнув женщину-гай’шайн, да так, что та пошатнулась. – Давай по-быстрому, маленькая Лина. Знаю, ты не хочешь меня разочаровать.

Галина устояла на ногах и с трудом побрела к пленницам. Местами ноги ее по колено увязали в снегу, но она упрямо шла к цели. На ее округлом лице с широко раскрытыми глазами страх и отвращение смешивались... невероятно, неужели со страстным желанием? И это вызывало неприятное чувство.

Севанна, объехав пленниц, вернулась туда, где Фэйли было хорошо ее видно, и натянула поводья перед Хранительницами Мудрости. Ее полные губы были поджаты. Плащ трепал ледяной ветер, но она не замечала его, как и снега, сыпавшегося на голову.

– Терава, я только что получила известие. – голос ее был спокоен, хотя глаза так и метали молнии. – Сегодня вечером мы разобьем лагерь вместе с Джонин.

– Пятый септ, – бесстрастно отозвалась Терава. Для нее тоже словно не существовало ни ветра, ни снегопада. – Пятый, а семьдесят восемь как ветром разметало. Хорошо, Севанна, что ты помнишь свою клятву заново объединить Шайдо. Вечно мы ждать не станем.

Глаза Севанны теперь не молнии метали, они превратились во взорвавшиеся зеленые вулканы.

– Я всегда делаю то, что говорю, Терава. Хорошо, что ты этого не забываешь. И не забывай, что ты мне даешь *советы*. От имени вождя клана говорю я.

Круто развернув мерина, Севанна замолотила пятками по его бокам, пытаясь послать в галоп к потоку людей и фургонов, хотя вряд ли нашлась бы лошадь, способная нестись галопом по такому глубокому снегу. Вороной все же пошел быстрым шагом, но хватило его ненадолго. Терава и Сомерин, с лицами, ничего не выражавшими, словно маски, смотрели, как конь и наездница растворяются в белой пелене снегопада.

Важная деталь, по крайней мере для Фэйли. Напряжение – как натянутая струна арфы – и взаимная ненависть этих женщин. Слабость, которой можно воспользоваться, если придумать как. И в конце концов, тут, похоже, не весь клан Шайдо. Хоть и предостаточно их, судя по текущему мимо бесконечному людскому потоку. Но тут до пленниц добралась Галина, и все прочее вылетело из головы Фэйли.

Придав своему лицу выражение, отдаленно напоминавшее уверенное спокойствие, Галина, не сказав ни слова, сжала голову Фэйли обеими руками. Кажется, Фэйли охнула. Мир будто поплыл, а она рывком приподнялась. То ли часы пролетели, то ли проползли мгновения. Женщина в белом шагнула назад, и Фэйли свалилась ничком и лежала так, тяжело дыша в жесткую шерсть одеяла. Ноги больше не болели, но после Исцеления всегда просыпается зверский аппетит, а она со вчерашнего утра ничего не ела. Сейчас она в один присест проглотила бы тарелок десять чего угодно, похожего на еду. Усталости девушка больше не чувствовала, но мускулы из черствого пудинга превратились в кисель. Руки подламывались под тяжестью тела, однако Фэйли сумела подняться и неловко натянула на себя серое в полоску одеяло. Она была потрясена не только Исцелением, но и тем, что успела заметить на руке Галины, когда та схватила ее за голову. Благодарно взглянув на шрамолицего, Фэйли позволила ему поднести к ее губам горячее питье. Она боялась, что сама не удержит кружку.

Галина времени не теряла. Ошеломленная Аллиандре уже лежала ничком и старалась приподняться; полосатое одеяло с нее сползло. Ее рубцы, разумеется, тоже исчезли. Майгдин лежала, распростершись под одеялом, неуверенно шаря руками вокруг и пытаясь собраться с силами. Галина сжимала голову Чиад, а та, привстав на ноги, выгибалась дугой и бешено размахивала руками. Дыхание с громким хрипом вырывалось из горла. На глазах Фэйли желтоватая опухоль на лице Чиад исчезла. И когда Галина двинулась к Байн, Дева рухнула как подкошенная, правда, сразу же зашевелилась.

Фэйли принялась пить чай; в голове ее бешено кружились мысли. Золото на пальце Галины оказалось кольцом Великого Змея. Можно было бы счесть кольцо просто странным

подарком – например, от того, кто дал ей другие украшения, – если бы не процедура Исцеления. Галина была Айз Седай. Должна быть ею. Но что тут делает Айз Седай, да еще в белом балахоне гай’шайн? Не говоря уж о готовности лизать руку Севанны или целовать ноги Тераве! И это Айз Седай!

Стоя перед обмякшей Аррелой, последней в ряду, Галина дышала несколько чаще – все же непросто Исцелить столько и так быстро – и пожирала взглядом Тераву, словно в надежде на похвалу. Но две Хранительницы Мудрости, мельком взглянув на Галину, направились к потоку Шайдо; они заговорили о чем-то, склонив друг к другу головы. Айз Седай нахмурилась и, подхватив подол белого одеяния, во всю прыть побежала за ними. Впрочем, она оглянулась, и не раз. Фэйли казалось, что Галина продолжала оглядываться, даже когда между ними ступил белый занавес снегопада.

Потом подошли другие гай’шайн, с дюжину мужчин и женщин, и лишь один из них был айильцем – худощавый, рыжеволосый, с тонким белым шрамом, спускавшимся со лба к челюсти. Фэйли узнала кайриэнскую бледную кожу и невысокий рост, другие, повыше и посмуглее, были, скорее всего, из Амадиции или Алтары. Здесь оказалась даже бронзовокожая доманийка. Причем она и еще одна женщина носили широкие пояса из сверкающих золотых цепей, туго стягивавшие талии, и ошейники с плоскими звеньями. Как и один из мужчин, кстати! Однако эти украшения на гай’шайн казались сейчас хотя и странной, но несущественной мелочью, по сравнению с принесенными ими едой и одеждой.

Вновь пришедшие принесли корзины с караваями хлеба, головками желтого сыра и с сушеным мясом, а запивать все можно было чаем, благо гай’шайн с бурдюками уже были здесь. Не одна Фэйли принялась с невиданной торопливостью набивать рот, одновременно одеваясь, – неуклюже и больше думая о быстроте, чем о приличиях. Белый балахон с капюшоном и две толстые нижние рубашки казались чудесно теплыми, как и плотные шерстяные чулки и мягкая айильская обувь со шнуровкой до колен – даже эти сапожки были выкрашены в белое! Но никакая одежда не могла заполнить сосущую пустоту в животе. Мясо оказалось жестким как подошва, сыр твердостью напоминал булыжник, хлеб был немногим мягче, но все вместе казалось пиршеством! С каждым куском рот переполнялся слюной.

Жуя сыр, Фэйли завязала последний шнурок на сапожках и, встав, оправила свое одеяние. Когда она потянулась за новым куском хлеба, одна из женщин с золотыми украшениями, пухлая и невзрачная, с усталыми глазами, достала из висевшего на плече мешка золотой пояс. Фэйли, торопливо сглотнув сыр, отступила назад.

– Спасибо, но я бы лучше обошлась без этого. – У нее возникло неприятное чувство, что она глубоко ошиблась, сочтя украшения не представляющей важности мелочью.

– Хочешь ты чего-то или нет – не имеет значения, – устало отозвалась толстуха. Выговор выдавал в ней амадицийку, причем из образованных. – Теперь ты служишь леди Севанне. Ты будешь носить то, что тебе дают, и делать то, что велят. Иначе тебя станут наказывать, пока не поймешь, как себя вести.

Майгдин, тоже не давая надеть на себя ошейник, отгоняла доманийку. Аллиандре, всклав руки и с болезненным выражением на лице, пятилась от мужчины с золотыми цепями. Он протягивал ей пояс. Хорошо хоть смотрели обе на Фэйли. Возможно, урок, преподанный розгами в лесу, не прошел даром.

Тяжело вздохнув, Фэйли кивнула им, потом позволила пухленькой гай’шайн застегнуть на себе широкий пояс. Увидев такой пример, и эти двое опустили руки. Последний удар, казалось, подкосил Аллиандре, она стояла, безвольно уставившись в никуда, пока на ней застегивали пояс и ошейник. Майгдин же будто хотела взглядом просверлить дыру в стройной доманийке. Фэйли попыталась подбодрить их улыбкой, но улыбка не получилась. Для нее щелчок замка ошейника прозвучал как скрежет ключа, запирающего дверь темницы. Пояс и ошейник можно снять с той же легкостью, с какой их надели, но за гай’шайн, служащими «леди

Севанне», наверняка станут присматривать. Несчастья громоздились одно на другое. Значит, хуже уже не будет, а может быть только лучше. Должно быть лучше.

И вскоре Фэйли побрела по сугробам на подгибающихся ногах, вместе с насуспенной Майгдин и спотыкавшейся, с мутными глазами Аллиандре. Их окружали гай'шайн: они вели выючных животных, несли на спинах закрытые корзины, тащили нагруженные тележки с полозьями вместо колес. Повозки и фургоны также были поставлены на широкие полозья, а колеса висели по бортам или были привязаны поверх припорошенного снегом груза. Может, Шайдо раньше и не видели снега, но о том, как передвигаться по нему, они кое-что знали. Ни Фэйли, ни двух других женщин не заставили ничего нести, хотя пухлая амадицийка и дала ясно понять, что с завтрашнего дня у них будет своя ноша. Сколько бы Шайдо ни было в колонне, казалось, что в поход двинулся целый город, если не страна. Дети младше двенадцати-тринадцати лет ехали на телегах или в фургонах, остальные шли пешком. Все мужчины были облачены в кадин'сор, но большая часть женщин была в юбках и блузах с шальями, как у Хранительниц Мудрости, и у большинства мужчин в руках было всего одно копье, а то и вовсе не имелось оружия, и вид у них был мягче, чем у прочих. Мягче означало, что это были камни, уступавшие в твердости только граниту.

Ко времени, когда амадицийка ушла, так и не назвав себя и не сказав ничего, кроме «подчиняйтесь, или вас накажут», Фэйли поняла, что за снегопадом потеряла из виду Байн и остальных товарищей по несчастью. Никто не заставлял ее держаться определенного места, так что она, в компании с Аллиандре и Майгдин, прошлась взад-вперед вдоль колонны. Идти, засунув руки в рукава, оказалось непросто, особенно по глубокому снегу, но так было теплее. И ветер вынуждал поглубже надвигать капюшоны. Несмотря на золотые пояса, никто из гай'шайн или Шайдо не взглянул на женщин дважды. Они прошли вдоль колонны с десятков, если не больше, раз, но поиски оказались бесплодными. Повсюду были люди в белом, их было множество, и любой из глубоко надвинутых капюшонов мог скрывать лица их подруг.

– Мы их отыщем вечером, – наконец промолвила Майгдин. Ей как-то удавалось ступать с достоинством, хотя и несколько неуклюжим. Из-под капюшона яростно сверкали голубые глаза, одной рукой она держалась за широкую золотую цепь на шее, словно хотела ее сорвать. – А так на один шаг этих в колонне мы делаем десятков. А то и два десятка. Ничего хорошего не будет, если мы выбьемся из сил и вечером в лагере от усталости и шагу не ступим.

Очнувшись от безучастности Аллиандре, заслышав решительный голос Майгдин, даже приподняла бровь. Фэйли просто глянула на свою горничную, но этого взгляда оказалось достаточно, чтобы Майгдин вспыхнула и забормотала что-то себе под нос. Что на нее нашло? Ладно, как бы ни вела себя служанка, для побега духу у нее хватит на двоих, в этом сомневаться не приходится. Какая жалость, что у Майгдин такие мизерные способности направлять Силу. На ее дар Фэйли возлагала большие надежды, пока не узнала, насколько они малы и практически бесполезны.

– Вечером так вечером, Майгдин, – согласилась Фэйли. Знать бы, сколько потребуется вечеров. Об этом говорить она не стала. Торопливо скользнула взглядом вокруг, не подслушивает ли кто. Шайдо целеустремленно шагали сквозь снегопад, упрямо двигаясь вперед к какой-то неведомой цели. Гай'шайн же – остальных гай'шайн – вело иное. Подчиняйтесь, или вас накажут. – Судя по тому, как они нас не замечают, – продолжила Фэйли, – наверное, можно просто упасть на обочине. Ну, конечно, не под носом у Шайдо. Если у кого-то из вас будет такая возможность, воспользуйтесь ею. Эти одежды помогут укрыться в снегу, а когда выйдете к деревне, то золото, которым они столь любезно нас одарили, поможет добраться до моего мужа. А он наверняка бросится в погоню. – Она надеялась, что бросится все же не сломя голову. И не станет слишком приближаться к айильцам. У Шайдо здесь целая армия. Пусть и маленькая, но больше, чем у Перрина.

Лицо Аллиандре окаменело.

– Без вас я не уйду, – негромко, но очень твердо заявила она. – Я дала вам клятву, миледи. Я либо сбегу вместе с вами, либо не сбегу вообще!

– Я бы сказала то же самое, – промолвила Майгдин, шедшая по другую сторону от Фэйли. – Может, я и простая служанка, – с презрением выдавила она из себя, – но я никого не брошу на милость этих... этих разбойников! – Голос ее был не просто тверд; он не допускал никаких возражений. М-да, когда все закончится, Лини предстоит с ней очень долгая беседа, иначе Майгдин вряд ли удержится на своей должности!

Фэйли открыла было рот, чтобы возразить – нет, чтобы приказать: Аллиандре принесла вассальную присягу, а Майгдин была ее служанкой, что бы там ни взбрело ей в голову! Они *обязаны* исполнять ее приказания! Но слова замерли у нее на языке.

Темные фигуры двигались сквозь поток Шайдо и снегопад; приблизившись, они превратились в группку айилов. Их шали были наброшены на головы. Возглавляла айилов Терава. Она тихо что-то произнесла, и остальные отстали, а Терава зашагала рядом с Фэйли и ее спутницами. Ее яростный взгляд, казалось, пригасил даже энтузиазм Майгдин, хотя она и ограничилась всего одним взглядом. Для Теравы обе не стоили того, чтобы на них смотреть.

– Вы подумываете о побеге, – заговорила Терава. Никто и рта не раскрыл, но Хранительница Мудрости с презрением в голосе бросила: – И не смейте этого отрицать!

– Мы стараемся служить, как и должны, Хранительница Мудрости, – осторожно промолвила Фэйли. Она низко опустила голову в капюшоне, чтобы не встречаться взглядом с Теравой.

– Тебе что-то известно о наших обычаях. – Проскользнувшее в тоне Теравы удивление тут же исчезло. – Хорошо. Но не считайте меня душой и не думайте, будто я поверю, что вы станете покорно служить. У вас троих есть внутренняя сила – для мокроземок. Так знайте – побег удастся лишь мертвым. Живых всегда возвращают. Всегда.

– Я запомню ваши слова, Хранительница Мудрости, – смиренно сказала Фэйли. Всегда? Что ж, что-то всегда случается в первый раз. – Мы все их запомним.

– Хм, очень хорошо, – проворчала Терава. – Какого-нибудь слепца, вроде Севанны, вы могли бы обмануть. Но запомни, гай'шайн. Мокроземцы – не такие, как те, кто носит белое. Вас не отпустят через год и один день, вы будете служить, пока не сгорбитесь, и не ослабнете, и не сможете больше работать. Я – ваша единственная надежда избежать такой участи.

Фэйли увязла в глубоком снегу, споткнулась, взмахнула руками и, если бы Аллиандре с Майгдин не подхватили ее, непременно упала бы. Терава нетерпеливым жестом велела им продолжать путь. Фэйли почувствовала себя дурно. *Терава* поможет им бежать? Чиад и Байн утверждали, будто Айил понятия не имеют об Игре Домов и презирают мокроземцев за приверженность ей, но сейчас Фэйли словно наяву ощущала подводные течения и водовороты Даэсс Дей'мар. Которые грозят утянуть их в бездну, если она сделает неверный шаг.

– Я не понимаю, Хранительница Мудрости. – Какая досада, что голос ее внезапно охрип.

Но возможно, именно хриплость и убедила Тераву. Люди ее склада верят, что господствующее чувство в человеке – страх. Так или иначе, но Терава улыбнулась. Вернее, просто изогнула тонкие губы, тем не менее в их изгибе ощущалось удовлетворение.

– Вы втроем будете следить и слушать, пока служите Севанне. Каждый день Хранительница Мудрости станет расспрашивать вас, и вы повторите ей каждое слово Севанны и ее собеседников. Если она заговорит во сне, вы перескажете и это. Порадуете меня, и я сделаю так, чтобы вас отпустили.

Фэйли совершенно не хотелось участвовать в этой затее, но об отказе не могло быть и речи. Если она откажется, до утра никто из них не доживет. В этом Фэйли была уверена. Терава не оставит им ни малейшего шанса. Они даже до темноты рискуют не дожить; снег быстро укроет три трупа в белых одеяниях, и Фэйли очень сомневалась, что кто-нибудь вступится, если Тераве вздумается перерезать пару-тройку глоток у всех на глазах. Никто и не заметит ничего: все поглощены переходом и снегопадом.

– Если она об этом узнает... – Фэйли сглотнула. Терава все равно что просит их пройти по краешку пропасти. Вернее, приказывает им. Интересно, айильцы убивают шпионов? Ей никогда в голову не приходило спрашивать Байн и Чиад о подобных вещах. – Вы защитите нас, Хранительница Мудрости?

Женщина с безжалостным лицом стальными пальцами ухватила Фэйли за подбородок и потянула вверх – девушке пришлось подняться на цыпочки. Такой же стальной взгляд Теравы впился ей в глаза. Во рту у Фэйли мигом пересохло. Этот взгляд сулил боль.

– Если она об этом узнает, гай'шайн, то я сама тебя вздерну для котла. Так что для тебя же лучше, чтобы она ничего не узнала. Сегодня вечером вы будете прислуживать ей в ее палатках. Вы и сотня других, так что много работать вам не придется. И ничто не отвлечет от самого главного.

Окинув всех троих внимательным взглядом, Терава довольно кивнула. Она видела перед собою изнеженных мокроземок, слишком слабых и не способных ни на что, кроме подчинения. Не сказав ни слова, она отпустила Фэйли и повернулась, и через пару мгновений снегопад поглотил ее и остальных Хранительниц Мудрости.

Какое-то время все три женщины брели молча. Фэйли не стала заговаривать вновь о побеге в одиночку и тем более не стала приказывать. Она была уверена, что ее спутницы опять заартачатся. Вдобавок согласие для них теперь означало бы, что они передумали из-за Теравы, из-за страха перед ней. Фэйли достаточно знала характер обеих женщин, чтобы сказать с уверенностью: они скорее умрут, чем признаются, что Терава нагнала на них страху. А ее саму Терава изрядно напугала.

«И я скорее язык проглочу, чем скажу об этом вслух», – угрюмо подумала Фэйли.

– Интересно, что она имела в виду под... котлом, – произнесла наконец Аллиандре. – Как я слышала, допросники белоплащников иногда привязывают пленников к вертелу и прокручивают над огнем. – Майгдин, вся содрогаясь, обхватила себя руками, и Аллиандре, высвободив руку из рукавов, погладила ее по плечу. – Не волнуйся. Если у Севанны сотня слуг, мы можем никогда не оказаться рядом с ней, чтобы что-то услышать.

Майгдин горько рассмеялась; белый капюшон чуть качнулся.

– Ты считаешь, что у нас остался какой-то выбор. Выбора у нас нет. Так бывает, и лучше пойми это сразу. Эта женщина выбрала нас не потому, что в нас есть *внутренняя сила*. – последние слова она почти выплюнула. – Готова поспорить, что точно так же Терава наставляла и всех остальных слуг Севанны. Если мы упустим хоть слово, которое должны были услышать, то будь уверена: она об этом узнает.

– Может, ты и права, Майгдин, – помолчав, признала Аллиандре. – Но больше в такой манере со мной не разговаривай. Наше положение, мягко говоря, тяжелое, но не забывай, кто я.

– Пока мы не сбежим, – ответила Майгдин, – ты – служанка Севанны. Если не станешь ежеминутно напоминать себе, что ты служанка, то считай, сама влезаешь на тот вертел. И оставь место и нам, потому что ты потянешь нас за собой.

Лицо Аллиандре скрывал капюшон, но спина у нее с каждым словом деревенела все больше. Она была умна, знала, что и как нужно делать, но у нее был королевский нрав, и сдержанность не была ей присуща.

Фэйли заговорила прежде, чем Аллиандре взорвалась.

– До тех пор, пока мы не спасемся, мы *все* – слуги, – твердо заявила она. О Свет, меньше всего ей надо, чтобы эта парочка устроила ссору. – Но ты, Майгдин, извинишься. Сейчас же! – Отвернув голову, ее служанка пробормотала что-то, что можно было счесть извинением. Так и посчитаем. – А что до тебя, Аллиандре, надеюсь, ты будешь *хорошей* служанкой. – Та что-то возмущенно заворчала, но Фэйли проигнорировала ее протест: – Если мы хотим сбежать, мы должны делать, что велят, работать на совесть и привлекать как можно меньше внимания. – Если только они уже не привлекли к себе все и всяческое внимание. – И мы будем рассказывать

Тераве о каждом чихе Севанны. Не знаю, как поступит Севанна, если об этом узнает, но, думаю, каждая ясно представляет, что сделает Терава, если мы вызовем у нее недовольство.

Этого хватило, чтобы сразу пресечь все возражения. Женщины вновь замолчали. Все хорошо представляли, что сделает Терава, и смерть – это еще не самое худшее.

К середине дня снегопад стих, лишь изредка падали редкие хлопья. Темные тучи по-прежнему скрывали солнце, но Фэйли, поскольку их еще раз покормили, решила, что уже середина дня. Остановки не делали, но сотни гай'шайн пошли вдоль колонны с корзинами и котомками, полными хлеба и сушеной говядины, с бурдюками, где на этот раз оказалась вода, причем такая холодная, что у Фэйли занули зубы. Странно, но она не чувствовала голода, хотя любому захотелось бы есть после нескольких часов ходьбы по заснеженной дороге. Однажды Перрина, как она знала, Исцеляли, и после этого он два дня был голоден как волк. Может быть, ее царапины нельзя сравнить с его ранами. Фэйли подметила, что и Аллиандре с Майгдин съели не больше ее.

Мысль об Исцелении заставила ее вспомнить о Галине. Из всех мучавших ее вопросов главный был – *почему*? Почему Айз Седай – а она не может быть никем, *кроме* Айз Седай, – так заискивает перед Севанной и Теравой? Да и вообще перед кем-то заискивает? Айз Седай может помочь им бежать. Или не может. Может выдать их, если это послужит ее целям. Айз Седай делают то, что нужно им, и у тебя нет выбора, кроме как принять это, если только ты не Ранд ал'Тор. Но он-то – та'верен, и в придачу Дракон Возрожденный; а Фэйли – обыкновенная женщина, у которой сейчас крайне мало шансов на спасение, а над головой нависла огромная опасность. Не говоря уже о том, что не меньшая опасность грозит и тем, за кого она в ответе. Сгодится любая помощь, от кого угодно. Пока Фэйли размышляла о Галине, порывистый ветер стих, вновь пошел снег, потом снегопад усилился, и вскоре ничего нельзя было разглядеть в десяти шагах. Фэйли никак не могла решить, стоит доверять Галине или нет.

Вдруг она заметила, что за нею наблюдает другая женщина в белом, почти неразличимая за снежной пеленой. Но даже снегопад не мог скрыть широкий, украшенный драгоценными камнями пояс. Фэйли тронула спутниц за руки и кивком указала на Галину.

Когда та обнаружила, что ее заметили, она подошла и тяжело зашагала между Фэйли и Аллиандре. Особой грациозностью ее походка не отличалась, но ходить по снегу она, похоже, привыкла больше, чем они. Сейчас в Галине не было и тени раболепия. Обрамленное капюшоном круглое лицо было твердым, взгляд – острым. Но она не поворачивала головы и бросала настороженные взгляды по сторонам, проверяя, кто есть поблизости. И выглядела как домашняя кошка, притворяющаяся леопардом.

– Вы знаете, кто я? – спросила она с нажимом, но так тихо, что никто в десяти футах ее не услышал бы. – Кто я такая?

– Вроде бы вы – Айз Седай, – осторожно сказала Фэйли. – С другой стороны, для Айз Седай здесь очень странное место.

Ни Аллиандре, ни Майгдин удивления не выказали. Видно, тоже успели разглядеть кольцо Великого Змея, которое нервно теребила Галина.

На щеках Галины выступила краска, и она попыталась выдать смущение за гнев.

– То, что я делаю здесь, дитя мое, представляет огромную важность для Башни, – холодно и строго произнесла она. Весь вид ее говорил о том, что есть причины, которых им не понять. Она коротко поглядывала по сторонам, пытаясь пронзить взором снежную пелену. – Мне нельзя ошибаться. Вот и все, что вам нужно знать.

– Нам нужно знать, можем ли мы вам доверять, – спокойно сказала Аллиандре. – Вы должны были обучаться в Башне, иначе не знали бы Исцеления, но заслужить кольцо еще не значит заслужить шаль. И я не могу поверить, что вы – Айз Седай.

Похоже, не одна Фэйли ломала голову, кто же такая эта женщина.

Галина поджала полные губы и стиснула кулак – то ли грозя Аллиандре, то ли показывая кольцо, а может, и то и другое.

– Думаешь, они станут иначе обращаться с тобой, потому что ты носишь корону? Потому что ты когда-то ее носила? – Теперь в ее гневе сомнений не оставалось. Она забыла, что их могут слышать, забыла оглядеться по сторонам, и голос ее зазвучал язвительно. Брызгая слюной, Галина обрушилась на них с гневной тирадой: – Как и прочие, вы будете подносить Севанне вино и тереть ей мочалкой спину. Все ее слуги – люди благородного звания, либо богатые купцы, либо те, кто знает, как прислуживать знати. Каждый день пятерых из них порют ремнем, чтобы подбодрить остальных, так что все они наушничают, надеясь заслужить благосклонность. За первую попытку побега отхлещут розгами по ступням, так что и шагу не сделать, а потом, согнув в три погибели, свяжут по рукам и ногам, бросят на телегу, пока ноги не подживут и беглец не сможет идти. На второй раз достанется больше, в третий обойдутся еще суровей. Есть здесь один, бывший белоплащик, так он пытался бежать девять раз. Крепкий мужчина, но когда его поймали в последний раз, он, перед тем как его стали наказывать, плакал и молил о пощаде.

Аллиандре подобная речь не пришлась по вкусу. Она сердито надулась, а Майгдин проворчала:

– С вами случилось то же самое? Айз Седай вы или принятая, но вы позорите Башню!

– Молчи, дичок, тебе слова не давали! – отрезала Галина.

О Свет, если так и дальше пойдет, они начнут орать друг на друга.

– Если вы намерены помочь нам бежать, так и скажите, – обратилась Фэйли к облаченной в шелк Айз Седай. Она почти не сомневалась в том, кто эта женщина. Как и во всем остальном. – Если же нет, то чего вам от нас надо?

Впереди из стены снега проступил фургон, накренившийся набок из-за слетевшего полоза. Несколько гай'шайн, с руками и плечами на зависть кузнецу, под руководством Шайдо и при помощи рычага приподнимали фургон, чтобы установить полоз на место. Фэйли и ее спутницы молчали, пока обступившие фургон люди не остались далеко позади. Потом Галина требовательно спросила:

– Это и есть твоя госпожа, Аллиандре? Твой сеньор? – С лица ее не сошли гневные пятна, голос резал как бритва. – Кто она такая, что ты дала ей клятву верности?

– Можете спросить у меня, – холодно заметила Фэйли. Чтоб сгореть этим Айз Седай и их секретам! Иногда ей казалось, будто ни одна Айз Седай не скажет, что небо голубое, если не увидит в этих словах пользы для себя. – Я – леди Фэйли т'Айбара, и этого знать вам достаточно. Вы хотите нам помочь?

Галина запнулась, упала на колени, вонзив при этом в Фэйли столь пристальный взгляд, что девушке показалось, уж не допустила ли она ошибку. И через миг она поняла, как оплошала.

Поднявшись на ноги, Айз Седай нехорошо улыбнулась. Больше она не сердилась. На самом деле вид у нее стал такой же довольный, как у Теравы. И сулил он столь же мало приятного.

– Вот как, т'Айбара... – задумчиво протянула Галина. – Ты салдэйка. Есть один молодой человек, Перрин Айбара. Твой муж? Да, вижу, я угадала. Что ж, это объясняет клятву Аллиандре. В отношении человека, чье имя неразрывно связано с твоим мужем, у Севанны грандиозные планы. Ранд ал'Тор. Если ей станет известно, что ты у нее в руках... О, не бойся, от меня она ничего не узнает. – Взгляд ее стал тверже, и внезапно она показалась настоящим леопардом. Проголодавшимся леопардом. – Если, конечно, ты сделаешь то, что я скажу. Я даже помогу вам бежать.

– Что вам от нас надо? – сказала Фэйли с большей настойчивостью, чем хотела. О Свет, она сердилась на Аллиандре, что та привлекла к ним внимание, назвав себя, а теперь и сама Фэйли выкинула то же самое. Если не хуже.

«И я еще думала, что сумею скрыться, утаив имя своего отца», – с горечью подумала она.

– Ничего непосильного, – ответила Галина. – Разумеется, вы заметили Тераву? Конечно заметили. Тераву замечают все. Она кое-что хранит у себя в палатке – гладкий белый жезл около фута в длину. Он лежит в красном сундучке, окованном медью. Сундучок не запирается. Принесите мне жезл, и вы уйдете вместе со мной.

– Кажется, такая мелочь, – с сомнением произнесла Аллиандре. – Но если забрать его не стоит труда, почему бы вам самой не сделать этого?

– Потому что вы принесете его мне! – Поняв, что кричит, Галина съежилась, капюшон ее закачался из стороны в сторону, когда она огляделась, проверяя, не слышал ли кто. Кажется, на них никто и не смотрел, но Галина понизила голос до зловещего шипения. – Если не принесете, я оставлю вас тут, пока вы не поседеее и не покроетесь морщинами. И Севанна узнает о Перрине Айбара.

– Потребуется время, – в отчаянии сказала Фэйли. – Мы же не сможем лазать в палатку Теравы, когда захотим.

О Свет, да ей меньше всего хочется даже просто пройти рядом с палаткой Теравы. Но Галина сказала, что поможет им бежать. Как она ни гадка, но Айз Седай лгать не могут.

– У тебя есть время. Сколько угодно, – ответила Галина. – Вся жизнь, леди Фэйли т'Айбара, если не будешь осторожна. Не подведи меня.

Она окинула Фэйли напоследок суровым взглядом, повернулась и с трудом побрела в снегопад, держа руки так, словно хотела спрятать под широкими рукавами украшенный драгоценными камнями пояс.

Фэйли молча продолжала идти дальше. Спутницы ее тоже молчали. Да и что тут скажешь? Аллиандре, похоже, глубоко задумалась, засунув руки в рукава и глядя прямо перед собой, куда-то вдаль. Майгдин вновь принялась нервно подергивать свой золотой ошейник. Они разом угодили в три ловушки, и любая грозит гибелью. Вдруг очень захотелось, чтобы их спасли. Однако Фэйли намеревалась сама как-нибудь отыскать способ выбраться из силков. И брела сквозь метель, продолжая размышлять и строить планы.

Глава 5 Знамена

Он бежал по заснеженной равнине, держа нос по ветру, выискивая среди всех запахов один, драгоценный. Падающий снег больше не таял на его заиндевевшем меху, но холод не оставлял его. Подушечки на лапах онемели, однако горячие ноги яростно работали, несли его дальше, все быстрее и быстрее, пока земля перед глазами не слилась в размытое пятно. Он должен ее найти.

Вдруг с неба, перегоняя солнце, перед ним опустился громадный серо-седой волк, с рваным ухом, покрытый шрамами, следами многих боев. Громадный серый волк, но не крупнее, чем он сам. Его клыки порвут глотки тем, кто украл ее. Его челюсти сокрушат их кости!

Твоей самки тут нет, отправил ему послание Прыгун, а ты слишком далеко от своего тела и слишком долго без него. Ты должен вернуться, Юный Бык, иначе погибнешь.

Я должен отыскать ее. Казалось, даже мысли причиняли боль. Он не думал о себе как о Перрине Айбара. Он был Юным Быком. Когда-то он нашел здесь сокола и сумеет найти вновь. Он должен ее найти. По сравнению с этим смерть – ничто.

Серой вспышкой мелькнул второй волк и ударил его в бок, и хотя Юный Бык был крупнее, он устал, потому и рухнул грузно на снег. Поднявшись, Юный Бык зарычал и бросился на Прыгуна. Все ничто по сравнению с соколом.

Волк со шрамами птицей взмыл в воздух, и Юный Бык шлепнулся наземь, раскинув лапы. Прыгун легко приземлился на снег рядом с ним.

Послушай меня, щенок! Обращенная к нему мысль Прыгуна была полна гнева. Страх исказил твой разум! Ее здесь нет, и ты погибнешь, если пробудешь тут дольше. Найди ее в мире яви. Только там ты можешь ее найти. Возвращайся и найди ее!

Перрин резко открыл глаза. Он устал как собака, в животе было пусто, но голод казался бледной тенью по сравнению с той пустотой, что поселилась у него в груди. Он был опустошен и смотрел на страдания Перрина Айбара отстраненно, как посторонний человек. Над ним дрожал на ветру потолок сине-золотой палатки. Внутри же царили сумрак и тени, но от солнечных лучей расцветенная парусина как будто светилась. И вчерашний день не был кошмарным сном, как сон с Прыгуном. О Свет, он пытался убить Прыгуна. В волчьих снах смерть была... окончательной. В палатке было тепло, но Перрин дрожал. Он лежал на перине, на широкой кровати с тяжелыми столбиками, украшенными богатой резьбой и щедрой позолотой. Сквозь запах горящего в жаровнях угля Перрин уловил мускусный аромат духов – и запах пользовавшейся ими женщины. Больше никого не было.

Не поднимая головы от подушки, Перрин спросил:

– Берелейн, ее еще не нашли? – Голова казалась слишком тяжелой, и поднимать ее не хотелось.

Она пошевелилась, тихо скрипнуло походное кресло. Он часто бывал здесь раньше, обсуждая различные планы, вместе с Фэйли. В просторном шатре могла разместиться целая семья, а изысканная, украшенная резьбой и позолотой мебель Берелейн была бы к месту и во дворцовых покоях, хотя все столы, стулья и сама кровать разбирались и скреплялись деревянными чекáми. Эту мебель можно было перевозить на телеге, но прочностью она не отличалась.

Сквозь духи Берелейн пробился запах удивления – как он узнал, что она тут? – однако голос ее звучал спокойно.

– Нет. Ваши разведчики пока не вернулись, и мои тоже... После того как мы прождали их до темноты, я выслала целый отряд. Моих людей нашли, они погибли, наткнувшись на засаду. Проехать успели не больше пяти-шести миль. Я приказала лорду Галленне усилить посты вокруг лагерей. Арганда тоже выставил усиленные конные посты, вдобавок выслал еще и патрули. Хотя я не советовала. Он глупец. Думает, кроме него, никто не сможет найти Аллиандре. И похоже, он считает, что больше никто ее как следует и не ищет. Во всяком случае, уж не айильцы точно.

Пальцы Перрина стиснули мягкую шерсть одеяла. Гаула не застанут врасплох, и Джондина тоже, даже айильцы. Они по-прежнему в поиске, и это значит, что Фэйли жива. Они уже давно вернулись бы, если бы нашли ее тело. Он должен в это верить. Перрин приподнял краешек синего одеяла. Он был раздет.

– А это как объяснить?

Голос Берелейн не изменился, но в запахе ощущалась осторожность.

– Вы со своим дружинником замерзли бы насмерть, если бы я не отправилась вас искать, когда вернулся Нурелль с известием о моих разведчиках. Больше ни у кого не хватило духу тебя побеспокоить. Видимо, ты рычал на всех как волк. Когда я вас нашла, ты уже так окоченел, что ничего не слышал. А тот, второй, еще чуть-чуть – и вовсе свалился бы. Он у вашей женщины, Лини, его нужно было только накормить горячим супом и завернуть в одеяла. Но тебя я распорядилась принести сюда. Ты отморозил пальцы на ногах и, если бы не Анноура, лишился бы их. Она... Она, кажется, опасалась, что даже после Исцеления ты мог умереть. Ты спал мертвым сном. Она сказала, что ты почти как мертвец, потерявший душу. И тело было холодным, сколькими бы одеялами тебя ни укрывали. Я тоже чувствовала холод, когда касалась тебя.

Объяснений чересчур много – и в то же время недостаточно. Вспыхнул гнев, отдаленный гнев, но Перрин подавил его. Фэйли ревновала, когда он повышал голос на Берелейн. Эта женщина от него крика не дождется.

– Грейди или Неалд могли помочь и сделать все, что требовалось, – бесцветным голосом произнес Перрин. – Даже Сеонид и Масури были ближе.

– Первой я вспомнила о своей советнице. О других я подумала, только когда сюда вернулась. Так или иначе, какая разница, кто провел Исцеление?

Как правдоподобно. И если спросить, почему за ним в полутемной палатке присматривает первая Майена, а не ее служанки, или кто-нибудь из солдат, или даже Анноура, у нее тоже найдется правдоподобный ответ. Он не хотел его выслушивать.

– Где моя одежда? – спросил Перрин, приподнимаясь на локтях. Голос его по-прежнему оставался невыразительным.

Свет в палатке исходил от единственной свечи, что стояла на маленьком столике возле кресла Берелейн, но для глаз Перрина его хватало, хотя их жгло от усталости, будто песка насыпали. Одета Берелейн была достаточно скромно, в темно-зеленое платье для верховой езды с высоким, жестким кружевным воротом, подпиравшим подбородок. Скромность Берелейн казалась овечьей шкурой на горной кошке. Лицо ее, остававшееся в тени, прекрасно, но

доверия не внушало. Она делала, что обещала, имея на то свои резоны, подобно Айз Седай, а то, чего она не обещала, могло обернуться ножом в спину.

– Там, на сундуке, – сказала Берелейн, указывая изящной ручкой, почти невидимой под светлыми кружевами. – Росене и Нана ее почистили, но, прежде чем одеваться, ты бы отдохнул и поел. И пока мы не занялись едой и прочими делами, я хочу, чтобы ты знал: никто не надеется сильнее меня, что Фэйли жива. – Выражение ее лица было таким открытым и честным, что он мог бы и поверить, будь это кто другой, а не Берелейн. Она даже ухитрилась пахнуть искренностью!

– Мне нужна одежда. – Перрин повернулся на постели, сел, спустил ноги с кровати и натянул на них одеяла. Одежда его, аккуратно сложенная, лежала на окованном дорожном сундуке, до неприличия богато украшенном резьбой и позолотой. С краю поперек сундука был брошен подбитый мехом плащ Перрина, а по другую сторону, рядом с сапогами, на ярких цветастых коврах лежал его топор. О Свет, как же он устал. Перрин не знал, сколько времени провел в волчьих снах, но силы там уходили так же, как и наяву. В животе громко заурчало. – И еда.

Берелейн, раздраженно хмыкнув, встала, разгладила юбки; подбородок ее был неодобительно вздернут.

– Анноура беседует с Хранительницами Мудрости, и она будет недовольна, когда вернется, – твердо заявила первая Майена. – Ты не можешь игнорировать Айз Седай. Ты – не Ранд ал’Тор, и рано или поздно они тебе это докажут.

Однако Берелейн все же покинула шатер, впуслав волну холодного воздуха. В своем раздражении она даже не позаботилась набросить плащ. В открывшуюся на миг щель полога Перрин заметил, что снегопад еще не кончился. Снег шел не так густо, как в прошлую ночь, но белые хлопья падали с неба безостановочно. После минувшей ночи даже Джондину сложно будет искать следы. Перрин постарался об этом не думать.

Четыре жаровни согревали воздух в шатре, однако, едва он ступил на ковры, ноги обдало холодом, поэтому Перрин поспешил к сундуку. Скорее, заковылял. Он так устал, что готов был лечь на ковры и снова уснуть. Более того, он чувствовал себя слабым, как новорожденный ягненок. Возможно, к этой слабости имели отношение волчьи сны – ведь он, покинув тело, ушел туда чересчур далеко, – но и Исцеление наверняка сделало свое. Со вчерашнего утра он ничего не ел, всю ночь простоял под снегопадом, и у него просто не осталось в запасе никаких сил. Руки дрожали, когда он надевал белье, – казалось бы, работа! Джондин должен ее найти. Или Гаул. Найти живой. Ничего важнее на свете нет. Он словно впал в оцепенение.

Перрин не думал, что Берелейн вернется, но, когда он натягивал штаны, ворвавшаяся струя холода донесла аромат ее духов. Он ощутил спиной ее взгляд, как прикосновение руки, но заставил себя продолжать одеваться, как будто был здесь один. Ни к чему доставлять ей удовольствие, суется из-за того, видишь ли, что она смотрит. Перрин даже не оглянулся.

– Росене сейчас принесет горячей еды, – сказала Берелейн. – Боюсь, осталось только баранье рагу, но я велела принести тройную порцию. – Она замешкалась, и Перрин услышал, как ее туфли шуршат по коврам. Она тихонько вздохнула. – Перрин, я знаю, тебе очень больно. Наверняка тебе хотелось бы поделиться с кем-нибудь, но ты не можешь говорить об этом с мужчинами. Я не представляю, чтобы ты плакал на плече у Лины, и поэтому готова предложить свое. Пока Фэйли не найдут, мы можем заключить перемирие.

– Перемирие? – спросил Перрин, осторожно наклоняясь, чтобы натянуть сапог. Осторожно, только потому и не упал. В плотных шерстяных чулках и толстой коже ногам будет тепло. – А зачем нам перемирие?

Она молчала, пока Перрин надевал второй сапог и поправлял отвороты ниже колен, и заговорила, когда он, зашнуровав рубашку, принялся заправлять ее в штаны.

– Очень хорошо, Перрин. Если ты именно этого хочешь. – Что бы это ни значило, говорила Берелейн весьма решительным тоном. И Перрин вдруг засомневался, не подвело ли его чутье. Подумать только, от нее пахло обидой! И, взглянув на нее, он заметил в ее больших глазах искорки гнева. – Еще до рассвета начали прибывать люди пророка, – сказала она деловито, – но, насколько мне известно, сам он еще не появился. Прежде чем ты с ним еще раз встретишься...

– Что значит «начали прибывать»? – перебил Перрин. – Масима согласился взять с собой только почетный караул, сто человек.

– На что бы он ни согласился, их, когда я смотрела в последний раз, было тысячи три-четыре. Целая армия оборванцев. Кажется, на несколько миль окрест не осталось мужчин, способных держать копье, – все явились сюда. И со всех сторон стекается еще больше.

Перрин торопливо просунул руки в рукава куртки, застегнул пояс, повесил на бедро топор, который с каждым разом как будто становился тяжелее.

– Мы с этим разберемся! Чтоб мне сгореть, не нужна мне этакая обуза! Эти масимовские паразиты алчут крови!

– Эти масимовские паразиты – головная боль не меньшая, чем он сам. Вся опасность – от Масимы. – Голос ее был ровен, но в запахе слышался тщательно сдерживаемый страх. Так было всегда, когда Берелейн говорила о Масиме. – Сестры и Хранительницы Мудрости в этом правы. Если тебе мало того, что ты видишь, и нужны еще доказательства, пожалуйста. Он встречается с шончан.

Эта новость огрела Перрина будто обухом по голове, тем более после рассказа Балвера о сражении в Алтаре.

– Откуда ты знаешь? – спросил Перрин. – Твои ловцы воров?

У нее была пара ловцов, взятых из Майена, и во всех городках и деревнях она отправляла их собирать новости и слухи. Им двоим ни разу не удалось разнюхать и половины того, что узнавал Балвер. Во всяком случае, судя по тому, что Перрину рассказывала Берелейн.

Берелейн печально покачала головой.

– Это... свита Фэйли. Трое ее людей нашли нас перед нападением Айил. Они разговаривали с людьми, которые видели, как приземлялась громадная летающая тварь. – Первая Майена содрогнулась, не скрываясь, и, судя по запаху, таковы и были ее истинные чувства. Неудивительно: Перрину доводилось видеть этих тварей, и рядом с ними даже троллоки казались не такими уж отродьями Тени. – Она доставила пассажирку. Ее проследили до Абилы, до Масимы. Не верю, что это была первая встреча. По-моему, такие встречи вошли у них в обычай.

Неожиданно ее губы изогнулись в улыбке, чуть насмешливой и кокетливой. И запах на сей раз соответствовал улыбке.

– Не очень-то хорошо с твоей стороны заставлять меня думать, что этот твой высохший секретарь знает больше, чем мои ловцы воров. У тебя, оказывается, две дюжины соглядатаев, глаз-и-ушей, замаскированных под свиту Фэйли. Должна признать, провел ты меня. От тебя вечно жди сюрприза. Почему ты так удивился? Неужели в самом деле думаешь, что Масиме можно доверять? После всего, что мы видели и слышали?

Изумление Перрина не имело отношения к Масиме. Сообщенные сведения могли иметь огромную важность, а могли и ничего не значить. Если Масима, например, думает, что сможет привести к лорду Дракону и шончан. Он достаточно безумен для этого. Но... чтобы эти олухи шпионили по поручению Фэйли? Тайком проникали в Абилу? И Свет знает куда еще. Она, конечно, всегда говорила, что шпионить – это дело жены, но собирать дворцовые сплетни – это одно, а то, что она удумала, – совсем другое. Ему-то она могла сказать! Или она хранила все в тайне потому, что ее люди – не единственные, кто сует нос в чужие делишки? Это на нее похоже. У Фэйли и вправду дух сокола. Она вполне могла счесть забавной идею самой заняться

шпионством. Нет, он не будет на нее сердиться и уж точно не станет сердиться сейчас. О Свет, она наверняка решила, что идея куда как забавна!

– Приятно видеть, что и ты способен быть скрытным, – пробормотала Берелейн. – Глядя на тебя, я бы такого не сказала, но скрытность – неплохое качество. Особенно теперь. Моих людей убили не айильцы, если только айильцы не начали сражаться арбалетами и топорами.

Перрин вскинул голову и, вопреки своим намерениям, воззрился на нее.

– И об этом ты упоминаешь мимоходом? Наверное, еще что-то забыла мне рассказать? Что-то вылетело из головы?

– И ты еще спрашиваешь? – она почти рассмеялась. – Чтобы открыть большее, мне пришлось бы раздеться догола. – Широко раскинув руки в стороны, она нарочито плавно изогнулась, как змея.

Перрин досадливо зарычал. Фэйли пропала, одному Свету ведомо, жива ли она, – о Свет, только бы она была жива! А Берелейн выбрала именно этот момент, чтобы вести себя вызывающе, разошлась пуще прежнего! Но Берелейн есть Берелейн. Он должен быть благодарен, что у нее хватило стыда подождать, пока он оденется.

Задумчиво разглядывая Перрина, она провела кончиком пальца по верхней губе.

– Вопреки тому, что ты слышал, ты будешь всего лишь третьим мужчиной, с кем я делила ложе. – Ее глаза... заволокло дымкой, но вид был таков, словно она сказала всего лишь, что он третий человек, с которым она сегодня говорит. Ее запах... Единственное сравнение, что пришло ему на ум, – так пахнет волк, увидевший оленя, запутавшегося в колючем кустарнике. – Те двое – из политических соображений. Ты будешь – для удовольствия. Большого удовольствия, – завершила она, и неожиданно от нее пахнуло болью.

В это мгновение в шатер в облаке ледяного воздуха ворвалась Росене, ее синий плащ был отброшен за спину. Она несла овальный серебряный поднос, накрытый белой льняной салфеткой. Перрин захлопнул рот, молясь про себя, чтобы Росене ничего не слышала. Берелейн улыбалась, ей, казалось, до этого и дела не было. Поставив поднос на самый большой стол, коренастая служанка, раскинув сине-золотистые полосатые юбки, склонилась в глубоком реверансе сначала перед Берелейн, а потом перед Перрином. На его долю, правда, реверанс достался не столь низкий. Темные глаза Росене на миг задержались на Перрине, и она улыбнулась, как ее хозяйка, а потом, повинувшись короткому знаку Берелейн, запахнулась в плащ и поспешила выйти. Да, наверняка все слышала. От запахов рагу из баранины и приправленного пряностями вина в животе у Перрина снова заурчало, но он не остался бы сейчас в шатре, даже будь у него сломаны ноги.

Набросив на плечи плащ и натянув перчатки, Перрин вышел наружу, под легкий снежок. Солнце пряталось за тяжелыми облаками, но, судя по освещению, с рассвета минуло уже несколько часов. По снежной глади разбегались протоптанные тропинки, но летевшие с неба хлопья покрывали белым слоем голые сучья и облачали вечную зелень в новые одежды. Снегопад кончится не скоро. О Свет, да как эта женщина посмела с ним так разговаривать? Почему таким тоном и почему именно теперь?

– Помни, – окликнула его сзади Берелейн, ничуть не стараясь говорить тише. – Скрытность.

Перрин, поморщившись, ускорил шаг.

Отойдя от большого полосатого шатра на дюжину шагов, он вдруг сообразил, что забыл спросить, где расположились люди Масимы. Повсюду вокруг костров, неподалеку от коновязей с оседланными лошадьми грелись солдаты Крылатой гвардии в доспехах и плащах. Рядом были составлены их пики, над этими увенчанными сталью шалашиками развевались на ветру красные вымпелы. И хотя лагерь был разбит в лесу, через каждый ряд костров можно было провести прямую линию. Телеги для припасов, приобретенные по дороге на юг, были загружены, лошади запряжены, и они тоже были выстроены правильными рядами.

Деревья не полностью скрывали гребень холма. Двуреченцы по-прежнему несли там караул, но палатки были сняты, и Перрин разглядел нагруженных вьючных лошадей. Ему показалось, что он заметил черную куртку – кто-то из Аша'манов, хотя кто именно, отсюда не разобрать. Гэалданцы, собравшись кучками, поглядывали на холм, но к выступлению они как будто тоже были готовы, как и майенцы. Два лагеря даже разбиты были сходным образом. Но нигде ни единого намека на тысячи стекающих сюда людей. Нет и протоптанных в снегу широких троп. Кстати, между тремя лагерями не видно ни одной цепочки следов. Если Анноура – с Хранительницами Мудрости, то на холме она провела уже немало времени. О чем они говорят? Вероятно, о том, как убить Масиму, да так, чтобы Перрин не обнаружил, что это их рук дело. Он глянул на шатер Берелейн, но при одной только мысли о возвращении туда шерсть у него на загривке встала дыбом.

Неподалеку от большого шатра располагалась другая полосатая палатка, поменьше, – для двух служанок Берелейн. Несмотря на снегопад, перед нею сидели на походных стульях Росене и Нана, обе в плащах и в капюшонах, грели руки над маленьким костерком. Их трудно было назвать привлекательными – похожи друг на дружку, как горошины из одного стручка, но они отнюдь не скучали в одиночестве – потому, наверное, и выбрались из палатки на холод. Берелейн, надо думать, требовала от своих служанок куда более пристойного поведения. Обычно ее ловцы воров были немногословны, Перрин, во всяком случае, редко слышал от них больше трех слов подряд, но сейчас оба оживленно болтали и пересмеивались с Росене и Наной. Одевавшиеся скромно, ловцы обладали столь незапоминающейся внешностью, что вряд ли их можно было узнать, даже столкнувшись нос к носу. Перрин до сих пор не знал, кто из них Сантес, а кто – Гендар. У костра стоял маленький котелок, от которого исходил запах рагу из баранины; Перрин старался не обращать на него внимания, но в животе все равно забурчало.

Не успел он сделать и двух шагов к костру, как разговор оборвался. Сантес с Гендаром перевели глаза с него на шатер Берелейн, лица их превратились в ничего не выражающие маски, и оба, запахнувшись в плащи, заторопились прочь, избегая его взгляда. Росене и Нана смотрели то на Перрина, то на шатер и прыскали в кулачок. Перрин не знал, то ли краснеть, то ли выть.

– Вы, случайно, не знаете, где собираются люди пророка? – спросил он. Их приподнятые брови и смешки сбивали с толку, и спокойно говорить ему было трудно. – Ваша госпожа забыла мне сказать.

Смешливая парочка переглянулась и вновь захихикала, прикрываясь ладонями. Перрин подумал, уж не дурочки ли они – правда, Берелейн вряд ли стала бы терпеть при себе таковых.

Девушки еще немного похихикали, попереглядывались, поглазели на Перрина и на шатер Берелейн, а потом Нана соизволила сказать, что она, вообще-то, не уверена, но, кажется, где-то там, и махнула рукой приблизительно на юго-запад. Росене заявила, что, по словам ее хозяйки, до них не больше двух миль. Или трех. Когда Перрин зашагал прочь, они снова захихикали. Может, и впрямь дурочки...

Перрин устало побрел вокруг холма, раздумывая, что же ему делать. Настроения ничуть не улучшал глубокий снег, по которому пришлось шагать, едва только он выбрался за пределы майенского лагеря. Да и решение, к которому он пришел, радости не прибавляло. И когда Перрин добрался до лагеря, разбитого его собственными людьми, настроение у него стало еще хуже.

Все было так, как он распорядился. Кайриэнцы в плащах сидели на загруженных повозках, с поводьями, намотанными на запястье или подсунутыми под бедро, несколько человек обходили с недоузками запасных лошадей, успокаивая их. Двуреченцы, которые не стояли на часах на холме, сгрудились среди разбросанных между деревьями костерков. Они были одеты по-походному и держали лошадей в поводу. Такого порядка, как у солдат в других лагерях, не наблюдалось, но эти воины сражались и с троллоками, и с айильцами. У каждого за спиной

висел лук, а у бедра – полный стрел колчан. Кое-кто был вдобавок вооружен и мечом. Как ни странно, у одного из костров Перрин заметил Грейди. Обычно два Аша’мана держались наособицу от остальных, да и их все сторонились. Никто не разговаривал, все просто грелись у огня. По угрюмым лицам Перрин понял, что Джондин еще не вернулся, как и Гаул, Илайас и другие. Еще оставалась надежда, что они вернутся с Фэйли. Или хотя бы узнают, где ее держат. На какое-то мгновение ему показалось, что эти мысли – последние хорошие мысли за весь день. На прислоненных к повозке древках под напад`давшим снегом тяжело обвисли полотнища знамен с Красным орлом Манетерен и с волчьей головой.

Перрин собирался, возвращаясь с Масимой, использовать эти знамена так же, как и во время продвижения на юг, – прятаться за ними. Если человек выказывает себя достаточно безумным, чтобы попытаться возродить древнюю славу Манетерен, никто не станет заглядывать глубже в поисках другой причины, по которой ему понадобилась небольшая армия. И если не мешкать, все будут только рады, что безумец этот проезжает мимо, останавливать его не станут. В мире и без того немало бед, чтобы искать новые себе на голову. Пусть кто-то другой сражается, и проливает кровь, и теряет людей, которые понадобятся весной ко времени сева. Границы Манетерен некогда пролегали там, где ныне расположена Муранди, и при удаче Перрин мог оказаться в Андоре, где у Ранда твердые позиции, раньше, чем придется отказаться от этой уловки. Теперь все переменилось, и Перрин знал, какова цена перемен. Очень высокая цена. Он был готов платить, только вот платить суждено не ему. Но кошмары ему будут сниться все равно.

Глава 6

Запах безумия

Отправившись искать Даннилу, Перрин обнаружил его у одного из костров и стал проталкиваться между лошадьми. Двуреченцы выпрямлялись и пропускали его. Не зная, как выразить ему свое сочувствие, они отводили глаза и прятали лица под капюшонами.

– Ты знаешь, где люди Масимы? – спросил у Даннилы Перрин и зевнул, прикрыв рот ладонью. Тело хотело спать, но времени на сон не было.

– Милях в трех на юго-запад, – угрюмо ответил Даннил и раздраженно подергал себя за ус. Значит, те гусыни сказали правду. – Слетаются, словно утки осенью в Мокром лесу, и видок у них еще тот, собственную мать обдерут как липку.

Лем ал'Дэй, парень с лошадиным лицом, зло сплюнул сквозь щербатые зубы. Зуб он потерял давным-давно, подравшись с охранником торговца шерстью. Лем любил помахать кулаками; ему явно не терпелось пустить юшку какому-нибудь последователю Масимы.

– И обдерут, если Масима прикажет, – тихо промолвил Перрин. – Лучше, чтобы это хорошенько усвоили все. Вы слышали, как погибли люди Берелейн? – Даннил резко кивнул, кто-то переступил с ноги на ногу, кто-то сердито заворчал. – Значит, знаете. Но доказательств нет никаких.

Лем фыркнул, остальные смотрели столь же угрюмо, как Даннил. Они видели трупы, оставшиеся после схватки с приверженцами Масимы.

Снегопад усиливался, облепляя плащи крупными хлопьями. Мерзнувшие лошади прижимали хвосты. Через несколько часов, а то и раньше, вновь разыграется метель. Не та погода, чтобы бросать жаркие костры. Не та погода, чтобы выступать в поход.

– Уведи всех с холма, и выступайте туда, где была засада, – распорядился Перрин. Таково было одно из решений, что он принял, идя сюда. Он и так слишком долго медлил. Отступники-айильцы уже давно оторвались от возможной погони, и если бы они направились не на север и не на восток, к этому времени кто-нибудь о них да сообщил бы. А от него ждали, что он двинется следом. – Мы выступим, а пока я поразмыслю и решу, куда именно нам отправиться. Потом Грейди или Неалд переведут нас через переходные врата. Отправь людей к Берелейн и Арганде. Я хочу, чтобы майенцы и гэалданцы тоже выступили. Вышли разведчиков и дозорных на фланги. И скажи им, чтобы, высматривая айильцев, не забывали: на нас могут напасть не только айильцы. Я не желаю вляпаться незнамо во что, надо сначала выяснить, что нас ждет. И попроси Хранительниц Мудрости держаться к нам поближе. – Нельзя допустить, чтобы у Арганды возник соблазн их допросить вопреки приказу Перрина. Если Хранительницы, защищаясь, убьют кого из гэалданцев, союзник вполне может обернуться врагом, забыв про клятву

верности. Перрин же предчувствовал, что ему понадобятся все люди, способные сражаться, какие только есть. – И будь подтверже.

Даннил спокойно выслушал весь поток приказов, лишь при последних словах болезненно скривил рот. Для него, должно быть, это прозвучало так, словно ему приказали быть подтверже с Кругом женщин в родной деревне.

– Как скажешь, лорд Перрин, – натянато промолвил он, коснувшись кулаком лба, потом повернулся в высоком седле и начал выкрикивать распоряжения.

Люди вокруг начали садиться на лошадей, и Перрин поймал за рукав Кенли Маерина – тот уже успел сунуть ногу в стремя – и попросил его оседлать и привести Трудягу. Широко ухмыльнувшись, Кенли тоже отсалютовал, коснувшись лба кулаком.

– Как прикажете, лорд Перрин. Я мигом.

Перрин мысленно зарычал, а Кенли затопал к коновязи, ведя в поводу своего бурого мерина. И зачем щенок то и дело чешет бороду, лучше бы тогда вообще ее не отпускал. Все равно клочками растет.

Дождаясь своего коня, Перрин подошел ближе к огню. Фэйли говорила, что он должен смириться со всеми этими «лордами Перринами», поклонами и расшаркиваниями, и ему по большей части удавалось их не замечать, но сегодня эти «мелочи» лишь добавляли горечи. Он чувствовал, как разрастается пропасть между ним и остальными двуреченцами, и казалось, лишь он один стремится перекинуть через нее мост. В этот момент Перрина – ворчавшего себе под нос и гревшего руки над огнем – и нашел Гилл.

– Простите, что потревожил вас, милорд, – сказал Гилл, кланяясь и сдергивая свой треух. Через миг шапка вернулась на место, оберегая от снега окаймленную редкими волосами лысину. Выросший в городе, он плохо переносил холод. Этот низенький человек вовсе не был подобострастен – таковых мало найдется среди владельцев кэймлинских гостиниц, – но ему, по-видимому, нравилась некоторая доля церемонности. Базел Гилл вполне подходил для своей новой работы, и Фэйли была бы им довольна. – Я насчет юного Талланвора. С первым светом он оседлал коня и ускакал. Сказал, вы разрешили, если... если к утру поисковые отряды не вернутся. Но, сдается мне, ничего такого не было.

Вот болван. Хотя происхождением Талланвора Перрин особо не интересовался, все говорило за то, что он – опытный солдат, однако в одиночку против айильцев он все равно что заяц, погнавшийся за куницей. «О Свет, как бы мне хотелось ускакать вместе с ним! Не надо было слушать Берелейн и бояться засад». Но ведь засада была. Разведчики Арганды тоже могли погибнуть. Все равно он должен ехать. Должен.

– Да, – вслух сказал Перрин. – Я ему разрешил. – Потом он может сказать совершенно обратное. Лорды часто так поступают. Если только он когда-нибудь увидит Талланвора живым. – Похоже, вы и сами не прочь отправиться на розыски.

– Я... я очень люблю Майгдин, милорд, – ответил Гилл. В тихом голосе его слышалось скромное достоинство и некоторое упрямство, как будто Перрин сказал, что он слишком стар и толст для такой задачи. И пахло от него определенно раздражением, колюче и горько, хотя раздумывавшееся от мороза лицо оставалось спокойным. – Не так, как Талланвор... ничего похожего, конечно, но очень ее люблю. И леди Фэйли, тоже люблю, – торопливо добавил он. – Просто я Майгдин как будто всю жизнь знаю. Она достойна лучшей доли.

Вздых Перрина туманным облачком за клубился у рта.

– Понимаю, мастер Гилл.

Да, он понимал. Ему и самому хотелось выручить всех, но он знал, что, случись выбирать, он забрал бы Фэйли, бросив остальных. Чтобы спасти ее, он отказался бы от всего. В воздухе густо пахло лошадьми, но Перрин учуял еще чей-то раздраженный запах и оглянулся через плечо.

На него сердито глядела Лини, перебегая с места на место, чтобы ее случайно не сбили с ног всадники, строившиеся в неровные колонны. Одной костлявой рукой она придерживала край плаща, а в другой сжимала обитую медью дубину, длиной фута в два. Чудо еще, что она не отправилась с Талланвором.

– Как только я что-то узнаю, узнаете и вы, – пообещал ей Перрин. Яростное бурчание в животе вдруг напомнило о рагу, от которого он отказался. Он даже ощутил на языке вкус баранины и чечевицы. И чуть не вывихнул челюсть, снова зевнув. – Простите, Лини, – сказал Перрин, когда смог заговорить. – Прошлой ночью я мало спал. И крошки во рту не было. Ничего не найдется? Хлеба и чего-нибудь, что поближе?

– Все уже давно поели, – огрызнулась Лини. – Обьедки выкинули, котелки почистили и убрали. Будешь куски таскать с чересчур многих тарелок, так живот разболится и, не ровен час, лопнет. Особенно если дело тарелками не ограничится. – Забормотав под конец что-то уж совсем недовольное, она наградила Перрина еще одним хмурым взглядом напоследок и зашагала прочь, сердито косясь на весь мир.

– Слишком много тарелок? – пробормотал Перрин. – Да я и с одной ничего не успел съесть! В том-то и беда. – Лини шла через лагерь, обходя лошадей и повозки. С ней заговорили трое или четверо, и на всех она огрызнулась, отмахиваясь дубинкой, если кто не понял сразу. Должно быть, она совсем обезумела, переживая за Майгдин. – О чем это она? Обычно в ее словах больше смысла.

– Э-э... ну, тогда как бы все... – Гилл снова сдернул шапку, заглянул в нее и вновь нахлобучил на голову. – Я... э-э... мне нужно телеги проверить, милорд. Убедиться, что все готово.

– Даже слепому видно, что повозки готовы, – сказал ему Перрин. – В чем дело?

Гилл завертел головой, судорожно отыскивая другой предлог. Так и не найдя, понурился.

– Я... Наверное, раньше или позже вы все равно узнаете, – промямлил он. – Видите ли, милорд, Лини... – Гилл глубоко вздохнул. – Этим утром, до восхода еще, она ходила в майенский лагерь... Посмотреть, как вы и... э-э... почему не возвращаетесь. В шатре у первой было темно, но одна из ее служанок не спала, она-то и сказала Лини... Она имела в виду... Я хочу сказать... Не смотрите так на меня, милорд.

Перрин усилием воли стер с лица зверское выражение. Во всяком случае, попытался. Но в голосе отчетливо слышалось рычание.

– Чтоб мне сгореть, я *спал* в том шатре. Вот и все, что я там делал! Так ей и скажи!

На Гилла напал приступ дикого кашля. Когда он наконец сумел заговорить, то просипел:

– Я?! Вы хотите, чтобы я ей сказал? Да она мне башку проломит, если я зайнусь о чем-то таком! По-моему, она родилась в Фар Мэддинге в грозу. С нее станет приказать грозе утихнуть. Станет!

– Вы – шамбайян, – сказал Гиллу Перрин. – А это значит, что в обязанности ваши входит не только телеги грузить.

Перрину хотелось кого-нибудь покусать. Кажется, Гилл это понял. Бормоча извинения, он поклонился и, кутаясь в плащ, засеменил прочь. Вовсе не на поиски Лини, Перрин был уверен. Гилл распоряжался прислугой, но Лини он не приказывал. Лини не приказывал никто, кроме Фэйли.

Перрин мрачно глядел вслед удалявшимся разведчикам; десять всадников, едва отъехав от повозок, уже принялись всматриваться в лес. О Свет, женщины готовы поверить в самое худшее, когда речь идет о мужчине. И чем хуже дела, тем больше им хочется об этом болтать. А он-то думал, ему придется беспокоиться только о Росене и Нане. Лини, вернувшись, наверняка первым делом рассказала обо всем Бриане, второй горничной Фэйли, а уж Бриане, как пить дать, – всем женщинам в лагере. Тех хватало среди конюших и возчиков, и кайриэнцы есть кайриэнцы, так что, скорее всего, они и с мужчинами поделились. В Двуречье на такие вещи смотрели косо, и от дурной славы избавиться ох как непросто. И то, что все перед ним

расступались, вдруг представилось в новом свете, и неуверенные взгляды людей, и даже плевок Лема. Улыбка Кенли преобразилась в памяти в кривую ухмылку. Единственным светлым пятном было то, что Фэйли этому не поверит. Конечно не поверит. Это уж точно.

Увязая в снегу, вернулся Кенли, ведя за собой Трудягу и своего поджарого бурого мерина. Оба замерзших коня имели несчастный вид, жалостно прижимали уши, и мышастый жеребец даже не делал попыток, как обычно, укусить мерина Кенли.

– Не скался ты все время, – буркнул Перрин, беря повод Трудяги. Паренек недоуменно посмотрел на Перрина, отошел тихонько, поглядывая через плечо.

Рыча про себя, Перрин проверил подпругу. Пора было искать Масиму, но он все медлил сесть в седло. Перрин убеждал себя, что не торопится потому, что устал и голоден, что просто хочет чуть-чуть отдохнуть и набить живот, если отыщется что-нибудь съедобное. Он твердил себе это, но видел сожженные фермы и висящие на деревьях по обочинам дорог тела – мужчины, женщины и даже дети. Даже если Ранд еще в Алтаре, дорога предстоит долгая. Долгая, и выбора у него нет. Но решиться надо.

Так он и стоял, уткнувшись лбом в седло Трудяги, когда его отыскала делегация молодых балбесов, верных приспешников Фэйли. Их было около дюжины. Перрин устало выпрямился, жалея, что снег не завалил их всех с головой.

Возле крупы Трудяги встала Селанда – стройная, невысокого роста, – уперла руки в зеленых перчатках в бока и сердито наморщила лоб. Вид у нее был чванливый, даже когда она стояла неподвижно. Несмотря на снегопад, полы плаща распахнуты, открывая взорам меч на боку и шесть ярких полос на груди темно-синей куртки. Все эти женщины носили мужскую одежду и мечи, причем пустить оружие в ход были готовы вдвое скорее, чем мужчины. И это еще мягко сказано. И мужчины, и женщины – все они отличались крайней обидчивостью, и дуэли, не запрети их Фэйли, наверняка случались бы каждый день. И мужчины, и женщины, а больше всех – Селанда, пахли сердито, мрачно, упрямо и нетерпеливо, и от этой мешанины Перрин сморщил нос.

– Я вижу вас, милорд Перрин, – сказала церемонно Селанда с сильным кайриэнским акцентом. – Приготовления к маршу сделаны, но нам по-прежнему отказывают в лошадях. Не могли бы вы с этим разобраться? – В ее устах это прозвучало как требование.

Значит, она его видит? Зато ему век бы ее не видеть.

– Айильцы идут пешком, – прорычал Перрин и подавил зевот, ничуть не заботясь об устремленных на него сердитых взглядах. Он попытался отогнать сонливость. – Если не хотите идти, можете ехать на телегах.

– Вы не можете так поступить! – заносчиво вскричала одна из тайренок, ухватившись левой рукой за край плаща, а правой – за рукоять меча. Медоре была высока, с пышной грудью, на смуглом лице сверкали ярко-синие глаза, и многие могли бы назвать ее красавицей. Но рукава ее куртки, широкие, в красную полоску, смотрелись несколько странно. – Краснокрылый – мой любимый конь! Я не собираюсь от него отказываться!

– В третий раз, – загадочно произнесла Селанда. – Когда остановимся сегодня на ночлег, мы обсудим твой тох, Медоре Даммара.

Отец Медоре, по слухам, давно уже, будучи в летах, удалился на покой в свое загородное имение, но Асторил по-прежнему оставался благородным лордом. Так что по положению его дочь стояла много выше Селанды, всего лишь мелкой дворянки из Кайриэна. Однако Медоре, нервно сглотнув, широко раскрыла глаза, как будто ожидала, что с нее живьем сдерут кожу.

Вдруг Перрина осенило. Сложилось вместе все, что он знал об этих идиотах, и их потуги подражать айильцам, дурацкое поведение высокородных и многое другое.

– Когда вы начали шпионить для моей жены? – спросил он.

Они застыли, как ледяные истуканы.

– Иногда леди Фэйли поручает нам подобные мелкие задания. Их мы и выполняем, – помолчав, осторожно ответила Селанда. В запахе ее чувствовалась изрядная доля настороженности. Вся эта шайка-лейка пахла, точно лисы, гадающие, не забрался ли к ним в нору барсук.

– Селанда, моя жена на самом деле отправилась на охоту? – возбужденно прорычал Перрин. – Раньше у нее никогда не возникало желания поохотиться. – В нем полыхал гнев, все события сегодняшнего дня лишь раздували пламя. Он оттолкнул Трудягу и, шагнув к женщине, навис над нею. Жеребец, чувствуя настроение Перрина, мотнул головой. Заныли пальцы – он до боли стиснул в кулаке поводья. – Или она должна была встретиться с кем-то из вас? У кого были свежие новости из Абилы? Ее потому и похитили, из-за ваших проклятых шпионских секретов?

Смысла в этой тираде не было ни на грош, это Перрин понял, едва слова слетели с языка. Фэйли могла поговорить с ними где угодно. И уж вряд ли она так организовывала встречу со своими глазами-и-ушами – о Свет, со своими шпионами! – чтобы на ней присутствовала Берелейн. Всегда надо сначала подумать, а потом уж говорить. Ведь благодаря шпионам Фэйли Перрин узнал о Масиме и шончан. Но ему хотелось рвать и метать, ему нужно было выпустить пар, а те, кого он хотел бы молотом вбить в землю, чтоб и следа не осталось, были далеко отсюда. Вместе с Фэйли.

Селанду его гнев отступить не заставил. Глаза ее сузились, превратились в щелочки. Пальцы кайриэнки на рукояти меча то сжимались, то разжимались, да и не у нее одной.

– Мы умрем за леди Фэйли! – рубанула она. – Не из-за нас она оказалась в опасности! Мы поклялись ей, принесли водный обет!

Тон ее ясно говорил: «Поклялись ей, а не тебе».

Надо было извиниться. Он понимал, что надо. Но вместо этого сказал:

– Можете взять своих лошадей, если дадите слово слушаться меня и не делать опрометчивых шагов. – «Опрометчивость» – не то слово для этой компании. Стоит им узнать, где Фэйли, как они без оглядки бросятся туда, никому не сказав. Из-за них Фэйли может погибнуть. – Когда мы отыщем ее, я буду решать, как ее вызволить. Если ваш водный обет требует иного, можете, конечно, поступать по-своему, но тогда и я с вами поступлю по-своему.

Селанда мрачнела все больше, желваки так и ходили под кожей, но наконец она произнесла: «Я согласна!» – таким тоном, будто слова из нее щипцами тянули. Длинноносый тайронец по имени Карлон, протестуя заворчал, но Селанда подняла палец, и он закрыл рот. У него был узкий подбородок, – вероятно, он жалел, что сбрил бороду. Маленькая женщина крепко держала этих дураков в узде, что, впрочем, не мешало ей самой быть дурой. Это ж надо, водный обет! Селанда не отводила взгляда от Перрина.

– Мы повинемся вам до возвращения леди Фэйли. Потом мы снова подчиняемся ей. И ей решать наш тох. – Последнее, похоже, всем им говорило больше, чем Перрину.

– Вот и ладно, – сказал Перрин. Он попытался умерить тон, но все равно получилось грубовато. – Знаю, вы все верны ей. Я уважаю вас за верность Фэйли.

Больше их и не за что уважать. Не слишком это походило на извинение, но уж как вышло. Единственным ответом Перрину было хмыканье Селанды, да еще недовольные взгляды остальных, когда они наконец двинулись прочь. Ну и ладно. Лишь бы слово сдержали. Вся эта компания и одного дня честно не трудилась.

Лагерь постепенно пустел. Телеги потянулись на юг. Лошади оставляли после себя глубокие следы, но мелкие колеи от полозьев сразу начинал засыпать снег. Последние из тех, кто стоял на холме, забирались в седла и присоединялись к товарищам, уже тронувшимся в путь вместе с повозками. Чуть в стороне двинулся и отряд Хранительниц Мудрости, и верхом ехали даже гай'шайн, ведя в поводу выючных животных. Сколь бы твердости ни осмелился проявить Даннил – а скорее всего, так и не осмелился, – этого, как видно, оказалось достаточно. Рядом с Сеонид и Масури, сидевшими в седле уверенно, Хранительницы Мудрости выглядели осо-

бенно неуклюжими, правда, гай'шайн представляли еще более печальную картину. Облаченные в белое мужчины и женщины ехали верхом третий день, с того дня, как начался снегопад, но так сгибались над высокими луками седел и цеплялись за шеи и гривы лошадей, словно боялись в любой миг свалиться. Они впервые сели на лошадей, только подчинившись приказу Хранительниц, и кое-кто из них, когда никто не видел, слезал и шел пешком.

Перрин заставил себя влезть на Трудягу. Он не был уверен, что сам не свалится. Но пора было отправляться в путь, хоть и очень не хотелось. Сейчас Перрин готов был убить за ломоть хлеба. Или за кусок сыра. Или за жирного кролика.

– Айильцы идут! – крикнули от головы колонны, и повозки остановились. Потом закричали снова, передавая известие по колонне, будто кто-то мог не услышать. Всадники начали готовить луки. Возчики привставали на сиденьях, вглядываясь вперед, или прыгивали наземь и приседали возле повозок. Перрин, сердито ворча, погнал Трудягу в голову колонны.

Даннил по прежнему оставался в седле, как и двое с этими проклятыми знаменами, но человек тридцать уже спешили, расчехлили луки и наложили стрелы на тетиву. Державшие их лошадей под уздцы двуреченцы сгрудились в стороне, глядя в сторону леса. Здесь же были и Грейди с Неалдом, они тоже напряженно всматривались в лес, но спокойно сидели в седлах. Ото всех исходил сильный запах возбуждения. Только от Аша'манов пахло... готовностью.

Перрин разглядел среди деревьев то, на что все они смотрели, причем разглядел гораздо лучше прочих. Сквозь снегопад к ним направлялись десять пеших айильцев в вуалях, один вел в поводу высокую белую лошадь. Чуть позади ехали трое в плащах с надвинутыми капюшонами. В том, как двигались айильцы, было нечто странное. И к седлу белой лошади был приторочен какой-то тюк. Сердце Перрина сжало ледяной хваткой, пока он не сообразил, что по размерам тюк гораздо меньше человека.

– Опустите луки, – сказал Перрин. – Это мерин Аллиандре. Это должны быть наши. Разве не видите, все айильцы – Девы?

Как ни крути, а ростом Девы уступали мужчинам-айильцам.

– Да я еле различаю, что это вообще айильцы, – пробормотал, покосившись на Перрина, Даннил. Все принимали острое зрение Перрина как должное, даже гордились им – а может, просто привыкли. Но Перрин все равно старался не демонстрировать лишний раз, насколько оно острое. Впрочем, сейчас это мало его волновало.

– Это наши, – сказал он Даннилу. – Пусть все остаются на месте.

Перрин медленно поехал навстречу отряду. При его приближении Девы опустили вуали. Под низко надвинутым капюшоном он разглядел черное лицо всадника – Фурен Алхарра. Значит, это три Стража; наверняка они вернулись вместе. Их лошади были измотаны, как он заметил, почти истощены. Ему хотелось пришпорить Трудягу, поскорее услышать, что сообщат разведчики. Он страшился их новостей. Над телами могли потрудиться вороны, лисы, барсуки и один Свет знает, кто еще. Может, они решили избавить его от страшного зрелища и не привезли ужасной находки. Нет! Фэйли должна быть жива. Он цеплялся за эту мысль, но она причиняла боль – словно он голой рукой схватился за остро отточенный клинок.

Подъехав к айильцам и спешиваясь, Перрин споткнулся и, чтобы не упасть, схватился за седло. Разум его словно оцепенел, лишь эта единственная мысль пульсировала болью. Она должна быть жива. Мелкие детали почему-то вдруг приобрели значение. К искусно отделанному седлу был привязан не один тюк, а несколько маленьких, и походили они на свернутые тряпки. На ногах у Дев были снегоступы, сделанные на скорую руку, из стеблей плюща и гибких сосновых ветвей, на которых еще виднелись иголки. Вот почему их поступь казалась странной. Должно быть, Джондин показал им, как мастерить снегоступы. Перрин попытался сосредоточиться. Ему казалось, что сердце стучит прямо в ребра.

Перехватив копьа и щит в левую руку, жилистая Сулин взяла с седла один из маленьких тряпичных свертков и только потом подошла к Перрину. Она улыбнулась, и розовый шрам на ее морщинистой щеке изогнулся.

– Хорошие новости, Перрин Айбара, – негромко сказала она, протягивая ему темно-синий узелок. – Твоя жена жива. – Алхарра обменялся взглядами со вторым Стражем Сеонид, усадым Териллом Винтером. Тот нахмурился. Страж Масури, Роваир Кирклин, с каменным видом глядел прямо перед собой. Было ясно как день, что они не считают новости хорошими. – Остальные продолжают поиски, надеясь отыскать еще что-нибудь, – добавила Дева. – Хотя мы и так обнаружили немало странного.

Перрин принял узелок обеими руками. Это было платье Фэйли, разрезанное спереди и вдоль рукавов. Он глубоко вдохнул, втягивая носом запах Фэйли: слабый след цветочного мыла, еле заметный аромат сладковатых духов, но ярче всего – ее собственный запах. И ни намека на кровь. Девы окружили Перрина, в большинстве своем это были женщины в годах, с суровыми лицами, правда, помягче, чем лицо Сулин. Стражи спешили, ничем не показывая, что всю ночь провели в седлах, но держались они позади Дев.

– Все мужчины были убиты, – сказала Сулин, – но, судя по найденной одежде, Аллиандре Кигарин, Майгдин Дорлайн, Ласиль Алдорвин, Аррела Шиого и еще двое были обращены в гай'шайн. – Эти «еще двое» наверняка Байн и Чиад; назвать имена, сказать, что их захватили, значило бы их опозорить. Кое-что об Айил Перрин знал. – Это против обычаев, но защитит их.

Винтер с сомнением нахмурился, потом постарался скрыть выражение лица, поправляя капюшон.

Аккуратные разрезы наводили на мысль о снятии шкуры с животных. Вдруг Перрина точно ударило. Кто-то срезал одежду с Фэйли! Голос его задрожал.

– Они захватили только женщин?

Круглолицая молодая Дева по имени Бриайн покачала головой.

– Трех мужчин, думаю, тоже хотели обратить в гай'шайн, но они слишком яростно сопротивлялись, и их убили ножами и копьями. Все остальные погибли от стрел.

– Все совсем не так, Перрин Айбара, – торопливо сказала Элиенда. В ее голосе слышалось потрясение. Высокая, с широкими плечами, она ухитрялась сохранять по-матерински добрый вид, хотя Перрин видел, как однажды она ударом кулака сбила наземь мужчину. – Обидеть гай'шайн – все равно что обидеть ребенка или причинить зло кузнецу. Не по правилам захватывать мокроземцев, но я не верю, что они посмеют нарушить все обычаи. Думаю, их даже не станут наказывать, если они будут вести себя смирно, пока их не вызволят. Там есть кому объяснить им, что да как.

«Есть кому» – это опять же о Байн и Чиад.

– В какую сторону они направились? – спросил Перрин. Сможет ли Фэйли вести себя смирно? Этого он не мог себе представить. Но, может, она хоть попытается, пока он ее не отыщет.

– На юг, – ответила Сулин. – Больше на юг, чем на восток. Когда их следы замело снегом, Джондин Барран увидел другой след. По нему остальные и двинулись. Я верю в него. Он видит столько же, сколько и Илайас Мачира. А посмотреть есть на что. – Пристроив копьа за спину, рядом с луком в футляре, она повесила щит на рукоять тяжелого поясного ножа. Пальцы ее задвигались в языке жестов, и Элиенда отвязала второй сверток, побольше, и передала ей. – Там передвигается множество людей, Перрин Айбара, и мы наткнулись на странные вещи. Думаю, сначала тебе нужно взглянуть вот на что. – Сулин развернула еще одно платье, на этот раз зеленое. Кажется, он видел его на Аллиандре. – Мы обнаружили это там, где они захватили твою жену.

В свертке оказалось сорок-пятьдесят айильских стрел. На древках темнели пятна, и он уловил запах засохшей крови.

– Таардад, – сказала Сулин, взяв из груди одну стрелу и тут же бросив ее на землю. – Миагома, – она отбросила еще две. – Гошиен, – на этот раз она поморщилась; Сулин была из Гошиен. Она называла клан за кланом, кроме Шайдо, бросив при этом наземь больше половины стрел. Затем двумя руками Сулин покачала разрезанное платье и высыпала оставшиеся стрелы. – Шайдо, – со значением в голосе сказала она.

Прижав платье Фэйли к груди – ее запах немного умерял боль в груди и в то же время делал ее острее, – Перрин хмурым взором обвел разбросанные на снегу стрелы. Их уже успело слегка припорошить.

– Слишком много Шайдо, – наконец промолвил он. Они должны были быть заперты в горах Кинжала Убийцы Родичей, в пятистах лигах отсюда. Но если их Хранительницы Мудрости научились Перемещаться... Может, даже кто-то из Отрекшихся... О Свет, что за дурацкий бред! С какого боку тут Отрекшиеся? Они-то здесь при чем? Надо головой думать, а не бредни измышлять. Но разум, похоже, устал не меньше тела. – Остальные – те, кто не принял Ранда как Кар'а'карна. – Те проклятые цветные пятна вспыхнули пред глазами. Но у него нет времени ни на что, кроме Фэйли. – Они присоединились к Шайдо. – Кое-кто из Дев отвел глаза. Элиенда смотрела на него сердито. Они знали, что слова его верны, но не очень-то им хотелось слышать такое. – Сколько их всего, по вашим прикидкам? Не весь же клан, наверное?

Если клан Шайдо собрался весь, то речь уже не о дальних набегах, а о чем-то большем. Даже среди всех бед, обрушившихся на Амадицию, в стране не могли бы не узнать о Шайдо.

– Для начала, я думаю, вполне хватит, – чуть слышно пробормотал Винтер. Себе, не Перрину.

Протянув руку к сверткам, привязанным к отделанному седлу, Сулин вытащила тряпичную куклу, одетую в кадин'сор.

– Илайас Мачира нашел ее перед тем, как мы отправились обратно. Милях в сорока отсюда. – Сулин покачала головой, и на миг в ее голосе и запахе появилось... изумление. – Сказал, что учуял ее под снегом. Они с Джондином Барраном видели на деревьях ободранную кору, сказали, от повозок. От очень многих повозок. Если там есть дети... Думаю, Перрин Айбара, это может быть целый септ. А то и не один. Даже в одном-единственном септе будет с тысячу копий, а если прижмет, то найдется и больше. Если понадобится, копыя возьмут в руки все мужчины, кроме кузнецов. Они в днях пути к югу. А по такому снегу этих дней даже больше. Но я считаю, что те, кто захватил твою жену, идут на встречу с ними.

– Этот кузнец взял копые, – пробормотал Перрин. Тысяча, а то и больше. У него более двух тысяч, считая Крылатую гвардию и людей Арганды. Но против айильцев – счет в пользу Шайдо. Перрин потрогал пальцем куклу в жилистой руке Сулин. Плакала ли малышка Шайдо, потеряв свою игрушку? – Мы отправляемся на юг.

Он уже повернулся, чтобы сесть в седло, когда Сулин остановила его прикосновением руки.

– Я говорила, мы видели и другое. Дважды Илайас Мачира находил под снегом лошадиный помет и кострища от лагеря. Много лошадей и много кострищ.

– Тысячи, – обронил Алхарра. Его черные глаза были спокойны и так же спокойно встретили взгляд Перрина, а голос был бесстрастен. Он просто докладывал. – Пять, а может, десять или больше. Трудно сказать. Но лагеря воинские. По-моему, в обоих местах были одни и те же люди. Мачира и Барран согласны. Кто бы это ни был, они тоже направляются к югу. Может, они и не имеют никакого отношения к айильцам, но, возможно, идут следом за ними.

Сулин послала хмурым взгляд прервавшему ее Стражу и заговорила, едва дав ему закончить.

– Три раза мы замечали летающие создания вроде тех, что, по твоим словам, используют шончан. Огромные твари, с крыльями, как у летучей мыши, и с седоками на шеях. И дважды мы видели вот такие отпечатки. – Наклонившись, она взяла стрелу и нарисовала на снегу

округлый след, немного похожий на след крупного медведя, но с шестью пальцами, длиннее человеческих. – Иногда они были с когтями, – заметила Дева и пририсовала их. Когти оказались куда длиннее, чем у самых больших медведей в Горах тумана. – У них широкий шаг. Думаю, движутся очень быстро. Что это такое, не знаешь?

Перрин не знал. Он никогда не слышал о животных с шестью пальцами на лапах, за исключением кошек в Двуречье – его немало удивляло, что во всем остальном мире кошки пятипалые. Впрочем, кое о чем он догадывался и вряд ли был так уж далек от истины.

– Еще какая-то шончанская тварь. – Значит, на юге шончан, Шайдо и... кто еще? Белоплащники или шончанская армия. Другого быть не может. Он доверял добытым Балвером сведениям. – Мы все равно выступаем на юг.

Девы посмотрели на него так, словно он сказал им, что идет снег.

Взгромоздившись в седло Трудяги, Перрин повернул обратно к колонне. Стражи пошли пешком, ведя усталых лошадей в поводу. Девы рысцой двинулись к стоявшим в отдалении Хранительницам Мудрости, прихватив с собой мерина Аллиандре. Масури и Сеонид поехали навстречу своим Стражам. Перрин недоумевал, почему они не приблизились раньше, дабы поскорее сунуть нос в происходящее. Возможно, ответ был прост: они хотели оставить его наедине со скорбью, если новости окажутся худыми. Возможно. Перрин мысленно пытался сложить все воедино. Шайдо, сколь бы много их ни было. Шончан. Конная армия, то ли белоплащники, то ли шончан. Очень напоминало головоломку, изготавливать которые Перрина учил мастер Лухан: причудливо изогнутые металлические детали, что, как во сне, отделялись, скользнув, одна от другой и соединялись вместе – если, конечно, знать, в чем хитрость. Только в голове все было путано, распадалось на части, которые никак не желали складываться вместе.

Когда Перрин добрался до двуреченцев, они уже вновь сидели на лошадях. Те, кто, спешившись, взял луки на изготовку, выглядели слегка смущенными. Все нерешительно поглядывали на Перрина.

– Она жива, – сказал он, и все как будто перевели дыхание. Остальные известия они восприняли со странным безразличием, кое-кто даже кивал, словно меньшего и не ожидал.

– Не впервой нам играть, когда шансов с гулькин нос, – сказал Даннил. – Что будем делать, милорд?

Перрин скривился. Вот ведь упрямец!

– Первым делом – Переместимся миль на сорок строго на юг. А там посмотрим. Неалд, отправляйся вперед и отыщи Илайаса и остальных. Скажи им, какие у меня планы. К этому времени они окажутся уже далеко впереди. Будь осторожен. И не вздумай сражаться с десятком или дюжиной Хранительниц Мудрости. – В целом септе наверняка найдется столько способных направлять Силу Хранительниц. А если там не один септ? Сначала нужно добраться до болота, а уж потом думать, как через него перебираться.

Неалд кивнул, потом повернул своего мерина к лагерю, где Аша'маны уже изучили и хорошенько запомнили участок леса. Оставалось отдать всего несколько приказов. К майенцам и гэалданцам, которые двигались в стороне, как в стороне разбивали и свои лагеря, отправили верховых гонцов. Грейди полагал, что, пока они не присоединятся, сумеет запомнить участок, где сейчас находится, поэтому не было нужды всем разворачиваться и двигаться следом за Неалдом. И тогда оставалось только одно.

– Даннил, мне нужно найти Масиму, – сказал Перрин. – Или же того, кто сможет передать ему послание. Если повезет, я обернусь быстро.

– Коли отправитесь к этому сброду в одиночку, милорд, везение вам очень понадобится, – отозвался Даннил. – Я слышал, что они о вас говорили. Будто вы – отродье Тени. Это из-за ваших глаз. – Он встретился взглядом с Перрином и отвел взор. – Будто вас приручил Дракон Возрожденный, но вы все равно отродье Тени. Возьмите с собой несколько дюжин человек, будет кому спину прикрыть.

Перрин помедлил, похлопывая Трудягу по шее. Если народец Масимы и в самом деле решит, что он – отродье Тени, и вздумает с ним разобраться, нескольких дюжин не хватит. Не хватит, пожалуй, и всех двуреченцев. Может, не нужно ему говорить с Масимой, пусть все сам узнает.

Слух Перрина уловил трель голубой синицы, раздавшуюся среди деревьев на востоке, потом прозвучала вторая – ее услышали уже все, и Перрин понял, что с последним решением опоздал. Он был уверен в этом и гадал, не сыграло ли тут свою роль то, что он как-никак таверен. Перрин развернул Трудягу и принялся ждать.

Двуреченцы знали, что означает этот сигнал – трель редкой птицы родного края. Приближаются люди, их довольно много, и необязательно с миром. Будь то друзья, прозвучала бы трель кривоклюва, и тревожный крик пересмешника, если бы намерения у пришельцев были явно враждебные. На этот раз двуреченцы поступили куда как лучше. Каждый второй на западном фланге колонны, насколько мог разглядеть Перрин сквозь снегопад, спешил и, передав поводья всаднику рядом, приготовил к бою лук.

Из-за редколесья появились чужаки. Их было около сотни, впереди ехали двое, остальные вытянулись цепочкой, наверное, чтобы казалось, будто их больше. Их неторопливое приближение выглядело зловещим. Половина всадников была вооружена пиками, держа их хотя и не по-боевому, но так, чтобы в любой момент взять к бою. Двигались они равномерным шагом. Кое у кого имелись доспехи, нагрудник или шлем, редко и то и другое. Тем не менее они были вооружены лучше, чем генерал, бежавший от последователей Масимы. Одним из ехавших впереди всадников оказался Масима собственной персоной, его лицо фанатика, выглядывавшее из-под капюшона плаща, смахивало на морду высунувшейся из пещеры бешеной горной кошки. Сколько из этих пик вчера утром несли на себе красные вымпелы?

Когда до Перрина оставались считанные шаги, Масима, подняв руку, остановил своих людей. Откинул капюшон и обвел горящим взглядом спешившихся двуреченцев с луками в руках. Масима словно не замечал, что на его голый череп падают снежинки. Его спутник, крупный мужчина с мечом за спиной и еще одним, у седла, капюшона не опускал, но Перрину показалось, что у того тоже бритая голова. Он ухитрился одновременно и с равным вниманием рассматривать колонну и следить за Масимой. Его темные глаза горели почти таким же огнем, как у Масимы. Перрин подумал, не начать ли разговор с такого расстояния – на котором стрела, выпущенная из двуреченского длинного лука, не только пробьет кирасу, но и выйдет из спины того, кто эту кирасу носит. И еще он размышлял, стоит ли упоминать о шончан. Скрытность – таков был совет Берелейн. Пожалуй, в сложившихся обстоятельствах скрытность очень кстати.

– Вы выступили мне навстречу? – резко сказал Масима. Даже голос его был преисполнен напряжения. С языка его не слетало ничего случайного, ничего обыденного. Все, что он говорил, было важно. Внезапная его улыбка показалась кривой из-за бледного треугольного шрама на щеке. Во всяком случае, теплоты в ней не было и в помине. – Не важно. Я уже здесь. Как вы, несомненно, поняли, все те, кто следует за лордом Драконом Возрожденным – да осияет Свет его имя! – отказались остаться. Я не мог требовать от них этого. Они, как и я, служат ему.

Взору Перрина предстала огненная волна, прокатившаяся через Амадицию, устремившаяся в Алтару, а то и дальше, оставляя после себя смерть и опустошение. Он сделал глубокий вздох, легкие наполнились холодом. Фэйли важнее всего. Важнее всего! Если ему суждено гореть за это, так тому и быть.

– Веди своих людей на восток. – Перрина поразило, сколь непреклонно прозвучал его собственный голос. – Когда смогу, я вас нагоню. Мою жену похитили айильцы, и я направляюсь на юг, чтобы ее вернуть.

Впервые он увидел, как изумился Масима.

– Айил? Так это не пустые слухи? – Масима окинул хмурым взором Хранительниц Мудрости на другой стороне колонны. – На юг, говоришь? – Сложив руки в перчатках на луке

седла, он повернул голову, посмотрел на Перрина. От него пахло безумием; больше ничего Перрин не мог разобрать в его запахе, одно только безумие. – Я поеду с тобой, – наконец промолвил Масима, словно бы решившись. Странно, он же горел нетерпением и хотел без проводочек явиться к Ранду. Если его, во всяком случае, не коснется при этом Сила. – Пойдут все, кто следует за лордом Драконом Возрожденным – да осияет Свет его имя! На благо Света – убивать айильских дикарей. – Он кинул быстрый взгляд в сторону Хранительниц Мудрости, и улыбка его стала еще холоднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.